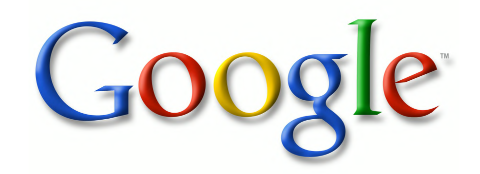
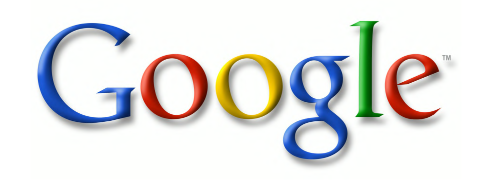

Google

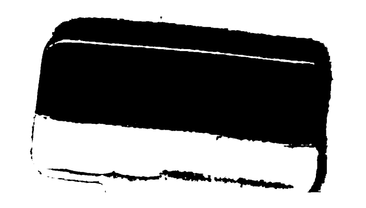


ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУ-РЫ

I

ИЗДАНІЕ ДУМНОВА

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817



Н. Г. Тарасовъ и А. Ф. Гартвигъ.

Изъ исторіи русской культуры.

Славянскій поселокъ.

Изданіе В. В. Думнова.

МОСКВА.—1908.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера

Съ картины А. Θ. Максимова.

Славянскій поселокъ

Предисловіе.

„Для осуществленія правильной постановки преподаванія исторіи не достаточно выработать теорію исторической педагогики, нужно обновить пособія и пріемы".

Ланглуа и Сеньобосъ.

Въ послѣднее полустолѣтіе историческая наука и педагогика сдѣлали крупные успѣхи: исторія расширила матеріалъ и углубила его изученіе, педагогика поставила новыя требованія преподаванію. Вслѣдствіе этого школьный курсъ исторіи долженъ былъ существенно измѣниться. Подъ давленіемъ науки въ содержаніи историческаго курса общеобразовательной школы отдѣльныя личности и ихъ дѣянія должны были уступить свое первенствующее мѣсто общей жизни народа, и предметомъ историческаго изученія въ школѣ явились не отдѣльныя событія, смѣняющіяся одни другими, какъ въ калейдоскопѣ безъ видимой внутренней связи, а изученіе законом̂ѣрнаго генетическаго измѣненія общихъ условій жизни. Въ связи съ новыми требованіями педагогики цѣлью преподаванія стало не изученіе возможно большаго количества фактовъ, случайно набранныхъ, а усвоеніе немногихъ данныхъ, наиболѣе цѣнныхъ для характеристики общей жизни.

Новыя требованія, научныя и педагогическія, несомнѣнно, увеличили трудность преподаванія исторіи: содержаніе историческаго курса значительно усложнилось и сдѣлалось болѣе отвлеченнымъ съ введеніемъ въ него идеи закономѣрности и изученія процесса экономическаго, соціальнаго и политическаго. Въ то же время педагогика выставила безусловное требованіе не только запоминанія, но и разработки, углубленія и ясности пониманія изучаемаго.

Какъ западные, такъ и русскіе педагоги уже поставили на очередь вопросъ о томъ, какъ такое научное содержаніе передать изучающимъ исторію въ общеобразовательной школѣ, каковы должны быть наиболѣе пригодные для этого педагогическіе пріемы. Рядъ брошюръ, статей, помѣщенныхъ въ педагогическихъ и научныхъ журналахъ, учебные планы, тезисы педагогическихъ съѣздовъ и комиссій спеціалистовъ-

историковъ, а также нѣкоторые практическіе опыты преподающихъ, показывая серіозность постановки вопросовъ и вдумчивое отношеніе въ разрѣшеніи ихъ, свидѣтельствуютъ въ то же время и о томъ, что всѣ вопросы о хозяйственномъ, общественномъ и государственномъ строѣ трудны только тогда, когда они отвлеченны и когда при изложеніи ихъ слова и общія понятія не опираются на извѣстный запасъ конкретнаго матеріала, и что это становится доступнымъ, когда конкретный матеріалъ данъ, и отъ него уже идетъ абстракція. Образное слово и наглядное пособіе и могутъ дать много такого конкретнаго матеріала, облегчить, углубить работу и сообщить большую производительность мыслительной работѣ учащихся.

Содѣйствовать переходу преподаванія исторіи въ общеобразовательной школѣ на вышеуказанную почву и снабдить школу соотвѣтствующими наглядными пособіями является одной изъ настоятельныхъ педагогическихъ задачъ нашего времени.

Посильное разрѣшеніе этой задачи и представляетъ коллекція картинъ по исторіи русской культуры, издаваемыхъ фирмою В. В. Думнова въ Москвѣ. Выпускаемыя по мѣрѣ изготовленія картины имѣютъ цѣлью обрисовать различные культурно-историческіе моменты. Въ отдѣльныхъ картинахъ собранъ историческій и археологическій матеріалъ съ цѣлью— насколько это возможно и удалось — дать содержательную и живую сцену, переносящую въ прошлое и знакомящую съ особенностями минувшей жизни, чтобы тѣмъ способствовать превращенію отвлеченнаго и труднаго въ конкретное и вполнѣ доступное. Трудная сама по себѣ задача является особенно трудною, если принять во вниманіе научное состояніе русской исторіи и археологіи. Несмотря на громадную энергію и таланты нѣсколькихъ поколѣній изслѣдователей далеко не все доведено до желательной ясности, многіе существенные вопросы только затронуты и ждутъ еще дальнѣйшаго обслѣдованія и рѣшенія. Особенно нужно это замѣтить объ исторіи и археологіи быта. Изученіе бытового элемента началось очень недавно, отчасти вслѣдствіе недостатка подходящаго матеріала, отчасти и потому, что этотъ отдѣлъ исторіи долго считали стоящимъ внѣ предѣловъ научной обработки. Въ этой области, какъ замѣчаетъ проф. А. Котляревскій, „часто недостаетъ еще отвѣта не только на вопросы второстепенной важности, но и на самые существенные, основные, недостаетъ необходимѣйшихъ предварительныхъ разысканій, а нерѣдко и даже самаго подбора матеріала“.

Чтобы основная задача пособія — дать ясный образъ и углубить пониманіе — была достигнута возможно лучше, въ виду новизны дѣла и сложности того матеріала, который трактованъ въ картинахъ, авторы сочли необходимымъ составить къ картинамъ рядъ небольшихъ очерковъ. Задача этихъ очерковъ дать то, чего не могъ изобразить художникъ

и что, съ точки зрѣнія составителей, желательно было бы выдвинуть на картинѣ. Зная по опыту, какъ много труда требуетъ такая разработка матеріала, какъ значительно количество разнородныхъ справокъ, какъ велики затрудненія при отысканіи различныхъ изданій, отдѣльныхъ статей и брошюръ, не всегда и вездѣ доступныхъ для пользованія, авторы и рѣшаются подѣлиться тѣмъ, что они успѣли собрать, чтобы притти на помощь всѣмъ, кто не имѣетъ подъ руками необходимыхъ пособій. Собранный матеріалъ подвергнутъ обработкѣ и испытанъ на практикѣ класснаго и внѣкласснаго преподаванія.

Предлагаемые очерки въ соединеніи съ цинкографическими приложенными къ нимъ картинами, можетъ быть, окажутся полезными и для внѣкласснаго чтенія учащихся, а также и для тѣхъ, кто работаетъ надъ своимъ самообразованіемъ.

Н. Г. Тарасовъ и А. Ѳ. Гартвигъ.

II.

Славянскій поселокъ VII—VIII вѣковъ.

Въ VI вѣкѣ по Р. Хр. впервые въ болѣе или менѣе ясныхъ очертаніяхъ начинаютъ выступать среди другихъ народовъ восточные славяне, позднѣе получившіе названіе русскихъ. Исторія застаетъ это многочисленное славянское племя разбившимся на роды, которые занимаютъ большое пространство по сѣвернымъ склонамъ Карпатскихъ горъ у верховьевъ Вислы. Эти роды то враждуютъ другъ съ другомъ, то вступаютъ въ союзъ, часто переселяются и часто предпринимаютъ походы. Населеніе растетъ, страна не можетъ прокормить всѣхъ, и славяне дѣлаютъ иногда мелкіе хищническіе набѣги на богатую Византію, иногда ходятъ въ болѣе продолжительные походы, пробуя даже остаться на земляхъ Восточной имперіи.

Нашествія славянъ очень тяжелы для Византіи. Ея правители напрягаютъ всѣ силы, чтобы остановить ихъ. Съ одной стороны, на пути вторженія они протягиваютъ длинныя стѣны, строятъ десятки крѣпостей, ставятъ многочисленные гарнизоны; съ другой стороны, они стараются отвлечь славянъ, отыскавъ врага, который бы напалъ на самихъ славянъ въ ихъ землѣ. Послѣднее удается византійскимъ императорамъ въ концѣ VI вѣка. Полчища аваровъ вступаютъ въ страну прикарпатскихъ славянъ, грабятъ, жгутъ селенья, убиваютъ жителей, надъ оставшимися въ живыхъ издѣваются. Населеніе не въ силахъ сопротивляться аварамъ, оно бѣжитъ передъ врагомъ, ища спасенія среди лѣсовъ и болотъ.

Всколыхнутое походами на Византію и нашествіями аваровъ, славянство, не находя достаточнаго пропитанія на прежнихъ уже истощенныхъ мѣстахъ, снимается и двигается на

поиски болѣе удобныхъ и богатыхъ мѣстъ въ область верхняго и средняго Днѣпра и начинаетъ осѣдать на его притокахъ.

Спускаясь съ карпатскихъ предгорій, переселенцы почти повсюду встрѣчали одно и то же: большую рѣку или рѣчку съ широкимъ поемнымъ лугомъ, поросшимъ по мѣстамъ тростникомъ, пригорокъ и лѣсъ, — безконечный лѣсъ, стоявшій непроходимой стѣною. Великаны-деревья, спутавшія свои вѣтви, низкорослый кустарникъ, сухой валежникъ и гніющій въ лѣсной глуши буреломъ на каждомъ шагу преграждали путь. Не было свободнаго прохода и тамъ, гдѣ въ сырыхъ низинахъ лѣсныя заросли прерывались то кочкарникомъ, поросшимъ мохомъ и чахлыми мелкими деревьями, то обширными и глубокими болотами, иногда открытыми, иногда коварно застланными яркою зеленою пеленою, подъ которою скрывались страшные засасывающіе омуты, несшіе неминуемую гибель всякому неосторожно ступившему сюда человѣку. Безъ рѣкъ и рѣчекъ, перерѣзавшихъ мѣстность въ различныхъ направленіяхъ, не было бы доступа въ эту лѣсную глушь. Впрочемъ, и по рѣчкамъ далеко не всегда былъ открытый путь. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ размытые весеннимъ разливомъ берега вмѣстѣ съ деревьями, растущими на нихъ, осыпались и рушились въ воду, во всю ширину рѣчки образовывались высокіе завалы, засаривавшіе русло до самаго дна. Только прорубивъ такую преграду, переселенцы могли двигаться дальше.

По воднымъ путямъ и шли славянскіе переселенцы въ VII и VIII вѣкахъ, передвигаясь отдѣльными семьями и цѣлыми родами постепенно впередъ. Съ каждымъ годомъ все глубже и глубже по рѣкамъ и рѣчкамъ входили они въ лѣсную страну, и все чаще и чаще вѣковую тишину лѣсной глуши будилъ говоръ людей и стукъ топоровъ. Лѣса, богатые звѣремъ и растительной пищей, воды, обильныя рыбою, обезпечивали переселенцамъ повсюду на пути возможность добыванія средствъ къ существованію. Если была нужда въ хлѣбѣ, то при желаніи можно было расчистить мѣсто и сдѣлать посѣвъ. Дождавшись жатвы или перезимовавъ въ наскоро сколоченныхъ хижинахъ, пере-

селенцы продолжали движеніе дальше и селились тамъ, гдѣ находили удобныя незанятыя мѣста.

Свободной земли въ новой странѣ было много. Облюбовавъ пространство, какое нужно, выдѣляли выгонъ, лѣсъ и другія угодья, которыми пользовались всѣ сообща, и затѣмъ каждая семья занимала себѣ участокъ, который поступалъ въ ея исключительное пользованіе. Чтобы обозначить границу своего участка, каждая семья, ставила на деревьяхъ въ видѣ зарубокъ „знамя“ — значки. Не тѣснясь, селились семьи вразбродъ и расходились далеко по лѣсистой равнинѣ. На своемъ участкѣ и жила семья, пока звѣря и рыбы было довольно въ окрестности, пока пашни не истощалась и для скота не требовалось новыхъ луговъ. Выбравъ среди своего участка сухое мѣсто, обыкновенно у рѣчки на высокомъ ея берегу, въ укромномъ лѣсномъ уголкѣ, семья переселенца принималась за устройство жилья. На расчищенной площадкѣ ставила она себѣ жилище, пользуясь для его устройства тѣмъ, что было подъ рукою. Изъ сваленныхъ деревьевъ мужчины клали срубъ, женщины изъ нарубленнаго хвороста дѣлали плетень и обмазывали его глиною, тѣмъ и другимъ помогали дѣти-подростки. Бревна или колья, дернъ и срѣзанный у рѣки тростникъ шли на покрытіе. Деревянные гвозди, хворостъ и лыко служили для скрѣпы. Изъ собранныхъ по сосѣдству камней складывали внутри хижины очагъ или печь для приготовленія пищи. Скудный свѣтъ пропускали небольшія окна, которыя задвигались въ случаѣ нужды досками. Входъ закрывала тяжелая дверь. Въ окна и двери выходилъ дымъ изъ очага, такъ какъ трубы не было. Здѣсь же около жилья были разбросаны хозяйственныя постройки для скота и различныхъ запасовъ. Для храненія хлѣба служили вырытыя въ землѣ ямы. Всѣ постройки были очень просты и грубы. Жить въ нихъ можно было только тѣмъ, кто былъ невзыскателенъ, терпѣливо переносилъ неудобства и лишенія всякаго рода. Но такое жилище, столь непривлекательное для насъ, удовлетворяло переселенцевъ, такъ какъ оно вполнѣ отвѣчало потребностямъ ихъ: въ немъ можно было переспать ночь, укрыться отъ непогоды и согрѣться у пылаю-

щаго очага. Но кромѣ защиты отъ стихій хижина служила и для охраны отъ дикихъ звѣрей и могущаго сдѣлать нападеніе врага. Поэтому на случай опасности въ хижинахъ дѣлалось много выходовъ, а жилища обносились насыпью изъ земли — валомъ и частоколомъ. Если врагъ былъ сильный и многочисленный и защититься отъ него въ такомъ городищѣ[1]) было нельзя, то одни мужчины спѣшили вмѣстѣ съ женщинами, дѣтьми и стариками укрыться въ глубинѣ лѣса; другіе, спѣшно зарывъ наиболѣе цѣнное въ землю, бросались къ рѣкѣ, чтобы скрыться тамъ подъ водою. Держа во рту длинный пустой внутри тростникъ, они дышали черезъ него и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ выжидали ухода врага, оставивъ поселокъ на разграбленіе[2]).

Передъ нами одинъ изъ такихъ поселковъ, съ высокимъ валомъ, съ неряшливо сколоченными хижинами и нѣсколько живущихъ въ нихъ переселенцевъ. Простая войлочная или мѣховая шапка прикрываетъ темнорусые волосы. Несложнаго покроя широкая рубашка и такіе же штаны изъ грубаго холста свободно облегаютъ фигуру и свѣшиваются большими складками. За ременнымъ поясомъ съ бронзовою или желѣзною пряжкой кремень и огниво, а иногда и топоръ. Ноги обуты или въ лапти или въ кожаные полусапожки. На случай холода есть свита изъ грубаго холста или шерсти, а то и звѣриная шкура. Изъ того же холста, шерстяной ткани и шкуры сшита одежда дѣтей и женщинъ. Послѣднія при зажиточности могутъ иногда прибавить къ своему костюму еще рядъ украшеній изъ низкопробнаго серебра. Красноватое загорѣлое и обвѣтренное лицо и крѣпкая

[1]) Городища по очертанію приближались къ кругу или четырехугольнику. Самыя маленькія городища были въ размѣрѣ 150—300 шаговъ въ окружности, самыя крупныя доходили до двухъ квадратныхъ верстъ. Въ маленькихъ городищахъ жили или находили временное убѣжище семьи, въ крупныхъ были военные и правительственные центры цѣлыхъ племенъ. Около нихъ позднѣе, если были благопріятныя условія, возникали промышленные и торговые поселки.

[2]) Вооруженъ былъ славянинъ слабо. Колчанъ со стрѣлами, намазанными ядомъ, нѣсколько дротиковъ, сѣкира, палица, ножъ — составляли оружіе славянина. Не привыкшіе сражаться сомкнутымъ строемъ и дѣйствовать сообща, славяне съ трудомъ могли противостоять врагу, хорошо обученному и сильному. Не выдерживая правильнаго боя, они старались или первымъ натискомъ сбить врага или, отступая, заманить его въ засаду.

рослая фигура съ развитою мускулатурою ясно говорятъ о привычкѣ къ физическому труду и постоянной жизни среди природы. Чтобы устроить жилище, получить пищу, одежду, нужно затратить не мало труда: все нужное для себя семья должна добывать сама, личнымъ трудомъ своихъ членовъ, и члены семьи несутъ этотъ трудъ каждый соотвѣтственно своей пригодности и способностямъ[1]).

Въ новой неистощенной странѣ богатства природы не тронуты, и они въ изобиліи окружаютъ людей. Много рыбы въ рѣкѣ, но ее нужно наловить, а для этого изготовить неводъ и послѣдить за нимъ, не порвалась ли сѣть, цѣлы ли каменныя грузила. Есть скотъ: мелкія молочныя коровы, неказистыя выносливыя лошади, овцы съ грубою шерстью и худыя свиньи; есть и хорошія пастбища, но нужно посмотрѣть, какъ пасется на общемъ выгонѣ подъ охраной скотьяго бога Велеса, стадо, дающее семьѣ мясо и молоко, кожу и шерсть, не отбился ли кто отъ него, не поживился ли скотомъ какой-нибудь звѣрь. Есть и бортные[2]) ухожаи, гдѣ въ дуплахъ старыхъ деревьевъ пчелы кладутъ дикій медъ — это лучшее лакомство и въ то же время лѣкарство, но нужно поставить на бортяхъ знакъ — „знамя“, чтобы легко было различить свои борти отъ бортей другихъ сосѣднихъ семей и собрать по осени медъ. Есть лѣсъ, но нужно для домашнихъ подѣлокъ его нарубить и притащить домой; есть ягоды, грибы и дикіе плоды, но ихъ нужно собрать; есть въ лѣсу и звѣри, которые даютъ мясо и шкуры, но ихъ нужно убить.

Охота не одно развлеченіе, а и трудъ, необходимый для добыванія средствъ къ поддержанію жизни, и притомъ трудъ, соединенный часто съ серіозной опасностью. Къ рѣчкѣ, на выгонъ или въ бортные ухожаи, расположенные вблизи отъ усадьбы, можно пойти одному. Но одному углубиться въ лѣсную глушь на охоту, большею частью, довольно рискованно

---

[1]) Каждая семья удовлетворяла своимъ потребностямъ собственными силами, не прибѣгая къ помощи принудительнаго труда рабовъ. У славянъ ихъ было мало, и когда давала ихъ война, они рабовъ продавали или, продержавъ нѣсколько времени, отпускали

[2]) Бортный, отъ борть — дупло, — самый древній видъ улья.

Лѣсная чаща служитъ пристанищемъ не только для мелкихъ звѣрей въ родѣ бѣлокъ, куницъ, лисицъ, зайцевъ и дикихъ козъ, въ ней не мало водится и страшныхъ для человѣка звѣрей — медвѣдей, туровъ, кабановъ. Многіе звѣри обладаютъ громадною силою, гораздо большею, чѣмъ человѣкъ, и успѣхъ борьбы съ ними при неважномъ оружіи далеко не всегда можетъ быть на сторонѣ человѣка. Поэтому на охоту безопаснѣе отправиться сильнымъ и ловкимъ людямъ, нѣсколькимъ вмѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, вдвоемъ.

Можно добыть и хлѣбъ, но для этого нужно еще болѣе труда, упорнаго и постояннаго. Мало затратить одинъ разъ усилія, расчистивъ подъ пашню лѣсъ. Пройдетъ два-три года, и тамъ, гдѣ собирали обильный урожай, выростаетъ тощій хлѣбъ. Приходится тогда бросать эту пашню, истощенную нѣсколькими посѣвами подъ рядъ безъ удобренія, о которомъ не знаютъ славяне[1]), нужно снова расщищать ляду[2]).

Но работая, напрягая свои силы, никогда нельзя быть увѣреннымъ въ полномъ успѣхѣ дѣла. Съ пашни, на которую положено такъ много труда, не соберешь урожая, если небо не пошлетъ благодатнаго дождя, если солнце не будетъ грѣть вдоволь или если всходы хватитъ морозъ. На опасной охотѣ можетъ быть неудача или несчастье: можетъ звѣрь не попасться или встрѣтится слишкомъ сильный, съ которымъ не справишься, можно заблудиться въ лѣсу и погибнуть. Не удачна можетъ быть и рыбная ловля.

Получая все непосредственно отъ природы, человѣкъ, слабый въ борьбѣ съ нею по недостатку знаній, былъ въ пол-

---

[1]) Добывая средства къ жизни, на начальныхъ ступеняхъ культуры не руководятся мыслью о необходимости правильной системы извлеченія благъ и ихъ возстановленія. При обиліи лѣсовъ они безжалостно истребляются: иногда зажигаютъ лѣсъ, чтобы перегнать лѣсную дичь къ себѣ; иногда закуриваютъ гнилой пень, чтобы за дымомъ укрыться отъ мошкары и не тушатъ огня, не заливаютъ костра, и огонь, разгораясь, уничтожаетъ громадныя пространства лѣса. Когда много рыбы, птицы и звѣря, все, что попадается подъ руку, безъ расчета бьется, гораздо болѣе, чѣмъ это нужно, и послѣ безъ пользы бросается. При обработкѣ земли извлекается все, что можетъ дать земля, и этого не возстановляютъ. Такіе пріемы пользованія благами природы характеризуютъ такъ называемое хищническое хозяйство.

[2]) Такъ называлось расчищенное изъ-подъ лѣса поле.

ной зависимости отъ стихій. Въ явленіяхъ природы, въ которыхъ современный человѣкъ видитъ дѣйствіе физическихъ силъ и законовъ, славянинъ видѣлъ проявленіе воли сверхъестественныхъ могучихъ существъ — боговъ.

Высшимъ богомъ, царящимъ въ голубомъ небѣ надъ всѣмъ, онъ считалъ Сварога, но трепеталъ и болѣе придавалъ значенія онъ тѣмъ богамъ, которые гораздо ближе и чаще соприкасаются съ человѣкомъ. Эти боги — сынъ Сварожичъ — Дажьбогъ, яркимъ солнцемъ озаряющій міръ, богъ-громовикъ — Перунъ, гремящій и посылающій дождь, Стрибогъ, проносящійся бурнымъ вѣтромъ надъ землею. Жизнь счастье и несчастье людей—все зависитъ отъ милости и гнѣва этихъ боговъ. Милостивъ къ человѣку Дажьбогъ, и растопитъ онъ льды и снѣга, разсѣетъ туманы, пригрѣетъ онъ землю и дастъ урожай. Прогнѣвался онъ, и пошлетъ свои огненныя стрѣлы, палящіе лучи солнца и засушитъ онъ хлѣба и травы, наведетъ на землю голодъ и моръ. Много, если не больше еще, можетъ сдѣлать добра и зла богъ-громовикъ Перунъ. Зимой злыя силы одолѣваютъ Перуна: онѣ сковываютъ воды, затягиваютъ небо тучами, окутываютъ землю холодомъ и туманами. Но съ наступленіемъ весны богъ-громовикъ выступаетъ во всей своей силѣ. При помощи стрибоговыхъ вѣтровъ Перунъ одолѣваетъ враговъ, низводитъ на землю дождевые потоки, выводитъ изъ разсѣянныхъ тучъ солнце, возвращаетъ землѣ тепло и плодородіе, убираетъ поля и лѣса роскошною зеленью и цвѣтами. Захотятъ эти боги и будетъ обильный урожай и хорошія пастбища, наполнятся ямы хлѣбомъ, будетъ сытъ скотъ и хватитъ всего на зиму, а нѣтъ — ничего не родится и придется питаться дикими плодами и молокомъ да часто ходить на опасную охоту за звѣремъ и на рыбную ловлю. Но и въ рыбной ловлѣ и въ охотѣ вольны живущія въ рѣкѣ и въ лѣсу божества, съ ними нужно тоже считаться. Хозяинъ рѣки — водяной. Тихо сидитъ онъ въ омутѣ въ жаркую лѣтнюю пору. Съ заходомъ же солнца онъ безпокоенъ, а иногда и опасенъ. Не захочетъ водяной, не станетъ онъ загонять рыбы въ сѣти. Лѣсомъ владѣетъ лѣшій: въ его власти звѣрь и че-

ловѣкъ, вступающій въ лѣсъ. Когда въ лѣсу идетъ буреломъ, раздается трескъ, слышится шумъ — это бѣсится, гоняетъ звѣрей остроголовый мохнатый лѣшій, онъ можетъ завести человѣка въ непроходимыя трущобы, сбить съ дороги, даже насмѣяться, онъ уноситъ ребятъ, уводитъ женщинъ и угоняетъ скотъ.

Ощущая постоянно свою зависимость отъ всего окружающаго, человѣкъ проникался чувствомъ страха и обращался къ богамъ съ мольбою о помощи и содѣйствіи, приносилъ имъ жертвы изъ животныхъ, птицъ и плодовъ. Подъ старымъ дуплистымъ деревомъ, гдѣ особенно ему чувствовалось присутствіе таинственныхъ силъ, онъ огораживалъ мѣсто кольями и ставилъ идола (см. картину). Куда бы онъ ни шелъ по болѣе или менѣе важному дѣлу, что бы ни дѣлалъ онъ, всегда начиналъ съ требъ, т.-е. съ жертвъ и моленій, падалъ ницъ, билъ челомъ, чтобы умилостивить бога, расположить къ себѣ. Когда же ему грозила смерть, когда онъ заболѣвалъ или собирался на войну или другое опасное предпріятіе, онъ обѣщалъ за свою душу принести богу жертву, если останется въ живыхъ. И въ повседневной домашней жизни онъ не могъ обойтись безъ помощи бога Рода — Щура, защитника отъ всего дурного, охранителя достоянія и границъ, и постоянно въ минуты опасности взывалъ къ нему: „Чуръ, сохрани меня[1])!“ Безъ покровительства Домового не могла существовать семья. Переходя на новое жилище, глава семьи переносилъ съ собою горящіе угольки съ очага и призывалъ Домового также перейти, приглашая: „Милости просимъ, дѣдушка Домовой, на новое житье!“

Та жа полная необезпеченность и тяжелая борьба за существованіе, которая заставляла человѣка искать милости и помощи боговъ, обусловливала и весь житейскій обиходъ, вырабатывала и своеобразный складъ семьи, явившійся отраженіемъ

[1]) Заклинаніе „Чуръ меня!“, переживъ вѣка и утративъ первоначальную мысль о защитѣ со стороны предка-бога, уцѣлѣло въ дѣтскихъ играхъ, какъ остатокъ глубокой старины. Мысль объ обязанности Чура охранять границы сохранилась въ выраженіи „черезчуръ“. Перейти границу, заповѣдную черту Чура, значитъ нарушить границу; отсюда выраженіе: „поступать черезчуръ“ т.-е. переступить границу дозволеннаго.

тѣхъ условій, среди которыхъ проходила жизнь славянъ-переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ въ Приднѣпровьѣ.

Семьи переселенцевъ, осѣдая среди лѣсовъ въ уединенныхъ поселкахъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше отбивались отъ рода, тѣмъ больше теряли родовую связь и общность родовыхъ интересовъ, къ которымъ ихъ пріучила совмѣстная жизнь на старой прикарпатской родинѣ. Переселеніе разбивало родовыя группы, и прежнее значеніе родства теперь стало терять свою силу. Разъединенныя значительными разстояніями другъ отъ друга, эти семьи были предоставлены самимъ себѣ, и сами должны были заботиться о своемъ пропитаніи и защитѣ. Такой одинокой семьѣ, въ особенности малочисленной, жилось не легко: много труда ложилось на каждаго члена ея въ борьбѣ съ природою за пищу и жизнь. Лучше было, когда число членовъ семьи увеличивалось, и родственники до второго и третьяго колѣна не покидали семьи, а продолжали жить вмѣстѣ въ одномъ дворѣ или когда въ составѣ старой семьи появлялась новая вслѣдствіе брака[1]), или когда прибавлялись со стороны новые члены — „чужаки", „приселенцы": ихъ охотно принимали, если они могли быть полезны въ трудѣ. Такъ создавалась своеобразная семья человѣкъ въ 15—25 изъ родныхъ и чужихъ. Эта семья строилась не столько на кровномъ началѣ, сколько на взаимной выгодѣ и сотрудничествѣ. Сообразно съ измѣненіемъ основы и состава семьи измѣняется и характеръ отношеній совмѣстно живущихъ въ ней членовъ,

---

[1]) Бракъ пережилъ въ теченіе VII—IX вѣковъ рядъ измѣненій въ формѣ. Древнѣйшей формою брака было умыканье, похищеніе изъ чужого рода невѣсты. Это происходило во время празднествъ, когда сходились между селами на игры дѣвушки и мужчины различныхъ родовъ. По уговору съ дѣвушкой во время игръ мужчина уносилъ ее къ себѣ въ поселокъ, умыкалъ. Игра въ горѣлки — остатокъ отъ той эпохи, когда главной формой брака было умыканье. При господствовавшемъ среди славянъ многоженствѣ роды не охотно отдавали своихъ дѣвушекъ, и похищеніе ихъ вызывало вражду между родами. Средствомъ погасить эту вражду было принесеніе за похищенную невѣсту, въ пользу рода выкупа — вѣна. Второй, позднѣе явившейся формой брака было хожденіе зятя по невѣсту. Вмѣсто похищенія женихъ приходилъ въ родъ и покупалъ невѣсту, внося по соглашенію съ родственниками извѣстную цѣну, опредѣлявшуюся головами рогатаго скота. Третьей, позднѣйшей формою брака былъ приводъ невѣсты. Вечеромъ невѣсту приводили въ домъ жениха, а на утро туда приносили приданое невѣсты. Отсюда названіе законной жены „водимою" и выраженія: „взять замужъ", „выдать замужъ".

Прежде, когда жили родами, единство кровнаго происхожденія опредѣляло составъ рода и семьи. Только родственники входили въ тотъ и другой союзъ. Имущество каждой семьи принадлежало роду, и родъ поглощалъ семью. Старѣйшій въ родѣ, его глава, былъ владыкою, которому безусловно были подчинены всѣ родичи, одинаково безправные, такъ какъ всѣмъ распоряжался родоначальникъ. Новыя условія переселенческой жизни привели къ замѣнѣ рода своеобразной семьей-задругой[1]). Въ семьѣ-задругѣ кровная связь и власть главы не играютъ прежней роли. Всѣ лѣсные и полевые участки завоеваны трудомъ и усиліями всѣхъ членовъ семьи, и члены семьи сообща владѣютъ всею собственностью, сами распоряжаются ею, и всѣ равны въ общемъ совѣтѣ, думѣ, которой принадлежитъ рѣшеніе семейныхъ дѣлъ. Равноправіе и солидарность господствуютъ въ задругѣ, и если кому не по душѣ установившійся строй, тотъ можетъ покинуть задругу, уйти изъ нея. Главарь задруги не имѣетъ исключительной власти, ему принадлежитъ руководство, безъ него не рѣшается ни одно дѣло, онъ разбираетъ домашнія ссоры, заботится объ интересахъ задруги, сносится съ чужими. Онъ даетъ направленіе всему, что касается хозяйства, кромѣ женскихъ работъ, надзоръ за которыми принадлежитъ его женѣ, хозяйкѣ. Когда главарю не подъ силу вести дѣло задруги или онъ чувствуетъ приближеніе смерти, онъ передаетъ свое полномочіе другому по собственному выбору. Если же онъ умираетъ, не указавъ замѣстителя, старшій въ семьѣ предлагаетъ избрать новаго главаря. Обычно бываетъ главаремъ старшій, но можетъ быть имъ молодой и сильный, получившій первенство или избраньемъ или захватомъ.

Уединенно, замкнуто живетъ въ лѣсной глуши задруга, рѣдко видя у себя чужого человѣка. Но когда появляется

[1]) Эта смѣна характерно отразилась на замѣнѣ почитанія Рода почитаніемъ Домового. Когда славяне жили родами, обоготворенный предокъ Рода или Щуръ, т.-е. дѣдъ считался покровителемъ рода. Когда же подъ вліяніемъ новыхъ условій на мѣсто рода стала задруга-семья, отдѣльный домъ, то старый богъ Родъ съ роженицами, т.-е. дѣдъ съ бабушками, долженъ былъ уступить мѣсто дѣдушкѣ Домовому, покровителю отдѣльной семьи, дома.

странникъ, ему рады, его встрѣчаютъ дружелюбно, окружаютъ заботливостью и радушно его угощаютъ. Эти посѣщенія и празднества[1]) съ игрищами и пирами даютъ пріятный перерывъ однообразной трудовой жизни задруги.

Такая задруга-семья въ обыденномъ теченіи жизни и представлена на нашей картинѣ.

Съ ранняго утра, когда Дажьбогъ первыми лучами солнца прогонитъ мракъ ночи, и разбѣжится темная сила, царящая ночью, начинается ея трудовой день. Рано вставъ и поѣвъ, семья принимается за работы. Ихъ распредѣляетъ старикъ — главарь сообразно силѣ, умѣнью и способностямъ каждаго. Одни спускаются къ рѣчкѣ, чтобы половить рыбы; другіе уходятъ къ стаду, на бортные ухожаи и въ лѣсъ; третьи на пашню; четвертые отправляются на охоту. Захвативъ стрѣлы и лукъ, рогатину и копье, ножъ и топоръ, а также собаку, въ челнокѣ охотники направляются по рѣчкѣ, слѣдя среди зарослей, не попадется ли дичь или боберъ. Приставъ къ берегу, ставъ у камня лицомъ къ востоку, поклонившись на четыре стороны, они взываютъ къ лѣснымъ силамъ: „Пособите, помогите за охотою ходити, бѣлыхъ и сѣрыхъ зайцевъ ловити, лисицъ и куницъ и сѣрыхъ волковъ загоняти и залучати, чтобы бѣгали по своей тропѣ безопасно, на сторону не отша-

---

[1]) Распредѣленіе и характеръ празднествъ стояли въ тѣсной связи съ чередованіемъ временъ года, олицетворенномъ во взаимной борьбѣ свѣтлыхъ и темныхъ силъ природы. Зимою, въ декабрѣ праздновали Коляду, нарожденіе новаго солнца; раннею весною торжествовали побѣду надъ зимою, смертью и хоронили или сжигали соломенную фигуру Морены; при первой весенней грозѣ чествовали бога Перуна, затѣмъ ходили съ маемъ, елкою—символомъ весны, и заканчивали весеннія празднества праздникомъ розъ, розаліями, въ передѣлкѣ превратившимися въ русаліи, посвященныя русалкамъ — утопленницамъ и чествованіемъ деревьевъ, травъ и цвѣтовъ. Въ разгаръ лѣта, когда солнце шло на убыль, топили соломенное чучело Купалы или Ярилы, сопровождая это хороводами, пѣніемъ и прыганіемъ черезъ костры. Въ христіанскую эпоху эти празднества не исчезли, а видоизмѣнившись нѣсколько, соединились съ христіанскими праздниками и иногда перемѣстились. Коляда совпала со святками, и ряженые, гаданье и святочныя пѣсни ведутъ начало отъ языческой старины. Сожиганіе Морены соединилось съ масляницею. Весенній праздникъ въ честь бога Грома перемѣстился на время іюльскихъ грозъ на Ильинъ день (20 іюля). Русаліи были придвинуты къ Троицѣ, и какъ переживаніе отъ Русалій осталось украшеніе жилищъ деревьями и цвѣтами. Праздникъ Купалы пріуроченъ къ 24 іюня, дню рожденія Іоанна Крестителя, и соединеніе языческаго и христіанскаго праздника выразилось въ названіи Иванъ - Купала.

тывались, взадъ не ворочались!“ Совершивъ заклинаніе, по проложенной тропѣ они входятъ въ лѣсъ, гдѣ у нихъ въ разныхъ мѣстахъ разставлены западни, выкопаны ямы для звѣрей, растянуты сѣти для птицъ. Но птицы и звѣря въ этихъ мѣстахъ, гдѣ они охотятся часто, стало мало, нужно проникнуть въ глубь лѣса, куда не ступала еще нога человѣка. Расчищая путь топоромъ и ножомъ, охотники продираются въ самую чащу, внимательно прислушиваясь къ лаю собаки, присматриваясь къ звѣринымъ слѣдамъ.

Оставшіеся въ усадьбѣ нѣсколько мужчинъ и женщинъ съ главаремъ тоже не остаются безъ труда. Заботливо за всѣмъ слѣдитъ главарь, каждому даетъ указанія. Жена хозяйка помогаетъ ему. Нужно подумать о пропитаніи семьи на текущій день, нужно изготовить кушанье, сварить или испечь если есть, мясо или рыбу, достать изъ ямы зерно, смолоть его на ручной мельницѣ, замѣсить и испечь хлѣбъ или лепешки, надоить молока. Нужно найти время или самой хозяйкѣ или тѣмъ женщинамъ, которымъ она поручитъ, заняться пряденьемъ, тканьемъ изъ шерсти и льна и изготовленіемъ одеждъ для всѣхъ. На женщинахъ же лежитъ обязанность выходить, выкормить и воспитать малыхъ дѣтей.

Въ разнообразномъ трудѣ проходитъ день, и, когда время клонится къ вечеру, съ разныхъ сторонъ возвращаются въ поселокъ задружники. Этотъ моментъ дня и изображенъ на картинѣ.

Кончены работы на пашнѣ, нарублено въ лѣсу все, что нужно для домашнихъ подѣлокъ, наловлена рыба, и сушатся сѣти, окончена, и довольно удачно, охота. На однодревкѣ пристаютъ къ берегу наши охотники, съ радостью бѣжитъ, таща за собою звѣря, подростокъ, съ гордостью показываетъ крупную птицу взрослый. Старикъ-главарь внимательно всматривается, что сегодня дала охота. Почти всѣ собрались. Въ избѣ уже пылаетъ на очагѣ огонь, дымъ поднимается вверхъ, стелется по крышѣ и выходитъ въ прорубленныя отверстія вонъ. На очагѣ котелокъ съ варевомъ. Вокругъ этого котелка соберется вся семья и, дѣлясь впечатлѣніями дня, подкрѣпится пищею

и затѣмъ уляжется спать, чтобы крѣпкимъ сномъ набрать силъ для новаго дня.

Солнце садится. Надъ рѣчкой ложатся туманы. Еще немного, и надвинувшаяся ночь охватитъ мрачныя глубины лѣса, и ими снова овладѣетъ темная сила. Безмолвная тишь спускается надъ заснувшимъ поселкомъ. Только по временамъ ее нарушаетъ бодрствующее населеніе лѣса. То пискнетъ точно ребенокъ сычъ, то тоскливо прокричитъ филинъ, то раздастся хлопанье крыльевъ и жалобный крикъ птицы, попавшей въ когти ночного хищника, то вдругъ прорѣжетъ ночную тишь яростный лай собаки, которая своимъ чуткимъ ухомъ различила осторожную поступь подходящаго къ стаду крупнаго звѣря.

Н. Г. Тарасовъ и А. Ф. Гартвигъ.

Изъ исторіи русской культуры.

Полюдье.

Изданіе В. В. Думнова.

МОСКВА.—1908.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

Полюдье.

I.

Полюдье.

(X—XII вв.)

Знакомясь съ жизнью Приднѣпровской Руси IX—XIII вѣковъ, нужно прежде всего отрѣшиться отъ мысли о современномъ государствѣ съ его сложными задачами, направленными къ осуществленію не только внѣшней безопасности, но и внутренняго благосостоянія населенія, возможнаго при строгомъ охраненіи правопорядка; нужно затѣмъ отбросить представленіе о сложномъ государственномъ механизмѣ со множествомъ законодательныхъ, административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ органовъ, дѣятельность которыхъ охватываетъ почти всѣ стороны жизни и стройное дѣйствіе которыхъ направляется центральною властью къ означенной цѣли; нужно, наконецъ, забыть о цѣльномъ единомъ русскомъ государствѣ и громадной его территоріи.

Дѣятельность первыхъ русскихъ князей, постоянно передвигавшихся со стола на столъ, часто сплачивавшихъ племена и города для общихъ торговыхъ и военныхъ предпріятій, создала почву для мысли, что русская земля едина, такъ такъ имѣетъ общіе интересы и находится подъ властью единаго княжескаго рода, владѣющаго ею сообща. Но эта мысль, подготовляя національное самосознаніе и почву для объединенія, не создала еще такого объединенія, какъ реальнаго факта. Въ IX—XIII вѣкахъ единаго русскаго государства не было, былъ рядъ одновременно существовавшихъ небольшихъ княжествъ подъ верховнымъ водительствомъ Кіевскаго княжества. Въ такомъ государствѣ, образовавшемся подъ вліяніемъ потребности во внѣшней и внутренней безопасности, было слабо сознаніе общаго

блага. Власть въ немъ была проникнута болѣе интересомъ извлеченія доходовъ, чѣмъ интересомъ благоустройства и порядка, справедливости и правосудія. Оно не имѣло необходимаго количества органовъ, всюду чувствовалось смѣшеніе функцій и интересовъ частнаго и государственнаго характера. Государство только что зарождалось, въ немъ было много неорганизованнаго и неоформленнаго, какъ неорганизована и неоформлена была и вся жизнь.

Въ каждомъ княженіи Приднѣпровья идетъ своя обособленная отъ другихъ жизнь. Центромъ княженія и жизни является стольный городъ, который обыкновенно даетъ названіе княженію и области. Онъ наиболѣе укрѣпленъ и во время военной опасности даетъ у себя защиту жителямъ области. Въ немъ сосредоточивается торговая жизнь области. Онъ является сосредоточіемъ и политической жизни. Населеніе его — старѣйшее, его вѣче — наиболѣе вліятельное, въ немъ имѣетъ свое пребываніе князь.

Призванный или признанный вѣчемъ князь во внутреннемъ управленіи не знаетъ никакого вмѣшательства извнѣ. Онъ является очень самостоятельнымъ въ своей области, если сумѣетъ поставить себя независимо по отношенію къ „землѣ" и ея органу — вѣчу. Вѣче не имѣетъ стремленія ограничить власть князя, а подымаетъ свой голосъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживаются непріятныя личныя черты князя или начинаютъ давать себя сильно чувствовать неудобства дружинно-княжескаго управленія. Тогда оно высказываетъ властно свои пожеланія, ставитъ князю свои требованія. При обычномъ же теченіи дѣлъ въ рукахъ князя и его дружины находится значительная власть. Эта власть необходима для охраны торговыхъ каравановъ отъ кочевниковъ, поджидающихъ въ степи. Еще больше необходима она для огражденія жизни, имущества и правъ жителей области, особенно смердовъ. Разбросанные на большомъ пространствѣ рѣдкими поселками, они совершенно не могутъ сами, своими силами, противостоять набѣгамъ степныхъ сосѣдей и насилію. Князь и долженъ дать защиту извнѣ и миръ внутри, онъ нуженъ для устраненія

раздоровъ и несогласій отдѣльныхъ волостей, для установленія внутренняго наряда страны. Поэтому, когда князя нѣтъ, некому распорядиться, населеніе чувствуетъ себя безпомощнымъ особенно въ трудные моменты жизни области.

Князь приходитъ въ область на время, онъ не сливается съ населеніемъ, не пускаетъ глубокихъ корней. Онъ является для порядка и защиты страны и за это онъ получаетъ съ населенія области содержаніе—кормъ. Онъ непрочь уйти въ другое княженіе, гдѣ окажутся условія дѣятельности и кормъ лучше.

Не сливаясь съ населеніемъ княжества и различая интересы свои отъ интересовъ населенія области, князь болѣе близокъ къ дружинѣ, тѣсно связанной съ нимъ. Вмѣстѣ съ дружиною князь ходитъ въ походъ, думаетъ думу, правитъ, судитъ и собираетъ доходы. Въ каждомъ прибыткѣ князь даетъ долю дружинѣ. Во время войны захваченная добыча дѣлится между княземъ и дружинниками, съ ними дѣлитъ доходы князь въ мирное время въ своей области. Въ стольномъ городѣ на княжьемъ дворѣ князь правитъ и „оправливаетъ людей“ и за то беретъ себѣ кормы и пошлины. Другіе города княженія онъ раздаетъ „княжьимъ мужамъ“, посадникамъ, для управленія, суда и кормленія. Садясь по пригородамъ съ тіунами и отроками, посадникъ правитъ довольно самостоятельно и мало подчиненъ князю. Замѣняя послѣдняго, посадникъ въ пригородѣ, какъ и князь, заботится о защитѣ своей волости, объ укрѣпленіи пригорода, онъ, такъ же какъ князь, судитъ и правитъ на своемъ дворѣ и, какъ князь, зорко смотритъ „своего прибытка“, чтобы населеніе давало ему кормы, и каждое дѣйствіе его или его помощниковъ оплачивали бы пошлинами тѣ лица, которыя ведутъ судебныя и торговыя дѣла, и притомъ посадникъ и тіуны его непрочь и отъ „многаго иманія“.

Въ стольномъ городѣ, гдѣ дѣйствуетъ князь, въ пригородахъ, гдѣ намѣстничаетъ посадникъ, еще видно до извѣстной степени дѣйствіе несложнаго государственнаго механизма, еще чувствуется нарождающаяся государственная власть, но и здѣсь

органы государственной власти при своей малочисленности и слабости не въ силахъ удовлетворить цѣлому ряду потребностей населенія. Правительственная власть, защищая область извнѣ и давая общій нарядъ внутри, почти совершенно отказывается отъ цѣлаго ряда государственныхъ задачъ. Такъ судья, будь онъ намѣстникъ или самъ князь, выступаетъ только тогда, когда преступникъ найденъ, свидѣтели собраны, улики налицо. Все это обязанъ сдѣлать частный человѣкъ-обвинитель. Сама власть не начинаетъ дѣла. Въ иныхъ случаяхъ государство уступаетъ даже такой судъ частнымъ лицамъ, церкви и общинамъ. Надъ рабомъ властвуетъ и производитъ судъ господинъ. По дѣламъ, соприкасающимся съ вѣрою, и надъ церковными людьми дѣйствуетъ судъ церковный. Община, внеся князю въ качествѣ выкупа извѣстную сумму за судебныя пошлины своей области, совершенно освобождается отъ княжескаго суда и управленія. Во многихъ случаяхъ охрана порядка, собираніе налоговъ отходитъ въ руки общины. Не получая удовлетворенія своихъ многихъ насущныхъ потребностей отъ государства, населеніе стремится организовать удовлетвореніе этихъ нуждъ самостоятельно. Городскія и сельскія общины управляются сами. Въ пригородѣ на вѣчѣ рѣшаются мѣстные вопросы, дѣлаются постановленія, обязательныя для всей волости пригорода, выбираются старосты, сотскіе, десятскіе и добрые люди. Взаимныя отношенія лицъ, входящихъ въ составъ такихъ болѣе мелкихъ дѣленій волости, какъ вервь, находятся въ вѣдѣніи міра, мірской сходки, на которую собираются мѣстные сельчане.

При такомъ строѣ, при существованіи учрежденій безъ ясно очерченнаго круга дѣятельности, и должностей безъ строго опредѣленныхъ правъ и обязанностей, личность носителей государственной власти, личность князя и его сотрудниковъ играла важную роль, оказывала сильное вліяніе на жизнь или всего княжества или какого-либо его уголка. Поэтому населеніе искало князя „добраго“, поэтому князь выбиралъ изъ своихъ дружинниковъ и дворовыхъ холоповъ надежныхъ людей, мужей „добрыхъ“. Особенно важенъ былъ

„добрый“ князь. Если княземъ будетъ человѣкъ, который смотритъ на свое положеніе исключительно какъ на источникъ своей личной выгоды, который будетъ стараться извлечь изъ всего какъ можно больше выгодъ для себя, „только бы кунъ добывать“, и забудетъ совсѣмъ общественный интересъ, будетъ ли это князь-скопидомъ, ловкій въ мирномъ изысканіи для себя новыхъ доходовъ, или будетъ это князь-удалецъ, готовый добыть для себя все силой, — такой князь не дастъ блага землѣ. Населеніе желаетъ князя, который, сознавая свои обязанности передъ землею, старался бы сочетать практически свои личныя выгоды съ интересами населенія, умѣлъ бы и себя не забыть и подумать о землѣ, оборонить ее отъ врага, держать въ ней нарядъ и „въ правду судъ судить“, „ходя по старинѣ“, твердо держась установленнаго обычаемъ. Населеніе желаетъ князя, который, не грабя самъ себѣ на обогащеніе, не позволялъ бы своимъ тіунамъ и дружинѣ грабить и „дѣлать пакости“ людямъ.

Нѣтъ „добраго“ князя, нѣтъ воинскаго успѣха, нѣтъ порядка въ землѣ, тяжело становится людямъ, много зла воздвигается, „которы“ [1]) идутъ, а поганые со всѣхъ сторонъ приходятъ съ побѣдами на Русь, стонетъ, тоскуетъ земля.

„Добрый“ князь, не дающій исключительнаго перевѣса своимъ выгодамъ надъ интересами населенія, желающій дать землѣ твердый порядокъ и охрану, долженъ все-таки много заботиться о сборахъ, правильно организовать полученіе съ населенія средствъ на нужды личныя и государственныя. Военная оборона, содержаніе значительнаго штата дворовыхъ людей, пиры и дары иностраннымъ посламъ и князьямъ, а также „людямъ“, призрѣніе бѣдныхъ, помощь церквамъ и монастырямъ — все это требуетъ крупныхъ суммъ. Чтобы покрыть эти расходы, мало того, что получается съ княжьихъ дворовъ, селъ и угодій, отъ торговли и случайной военной добычи. Нужны еще сборы. Судебныя и торговыя пошлины и дань съ населенія и даютъ значительное подспорье князю.

[1]) Распри, раздоры.

При отсутствіи установленныхъ органовъ, чтобы все правильно шло и безъ задержекъ поступали доходы, самъ князь долженъ знать все, зорко слѣдить повсюду: на войнѣ, въ управленіи, въ судѣ, при сборѣ дани, не полагаясь на своихъ ставленниковъ. Поэтому время отъ времени, въ интересахъ своихъ и государственныхъ князь предпринимаетъ поѣздки по своей землѣ. Объѣздъ области княземъ съ цѣлями финансовыми, административными и судебными носитъ названіе „полюдье". Оно и представлено на нашей картинѣ.

* * *

Область, которую предстоитъ объѣхать князю, въ большей части покрыта лѣсомъ. Дубъ, береза, осина, ольха, ива, по сухимъ песчанымъ мѣстамъ и сосна охватили низины и холмы (см. картину). По берегамъ рѣкъ лѣса тянутся непрерывными полосами, въ степныхъ мѣстахъ они расположились по склонамъ и вершинамъ балокъ. Среди лѣсовъ затерялись поселки и города.

Почти все населеніе области родится, живетъ и умираетъ въ лѣсу. Лѣсъ кормитъ его, согрѣваетъ и одѣваетъ, воспитываетъ его и даетъ ему все, что только населеніе можетъ взять у него. Окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, человѣкъ при такихъ условіяхъ силою вещей дѣлается звѣроловомъ и бортникомъ-пчеловодомъ. Въ лѣсу онъ прокладываетъ во всѣ стороны тропы — пути, путики, обрубая топоромъ частыя вѣтви, чтобы расчистить свободный проходъ; на деревьяхъ и дуплахъ онъ дѣлаетъ „знаменья", чтобы не смѣшать свой путикъ и борть съ чужими; на всемъ протяженіи путика по вѣтвямъ онъ вѣшаетъ силки для птицъ, у корней прилаживаетъ западни для звѣрей. По этимъ путикамъ онъ ходитъ на охоту за лосемъ, медвѣдемъ, кабаномъ, зубромъ и туромъ[1]).

Лѣсъ властвуетъ почти повсюду и не безъ борьбы уступаетъ подъ пашню и поле свою дѣвственную плодородную почву. Въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ при помощи огня, то-

[1]) Воспоминаніе о вымершемъ теперь турѣ сохранилось въ названіяхъ рѣки Туры, города Турова.

пора и плуга удается человѣку отвоевать у лѣса землю подъ пашню и лугъ. Очистивъ ее посредствомъ „роздерети", „росчисти" и „гари", онъ садитъ починокъ „на сыромъ корени". Разъ обработалъ онъ землю, вырвалъ у лѣса, онъ ее считаетъ своею и опредѣляетъ границы своихъ владѣній, „куда топоръ, плугъ и коса ходили".

Нѣсколько лѣтъ, пока не истощится почва, хорошій урожай щедро вознаграждаетъ трудъ земледѣльца. Но онъ долженъ зорко слѣдить, чтобы лѣсъ снова не взялъ силы: немного запущена пашня или лугъ, и они снова дѣлаются достояніемъ лѣса, изъ „сырого корени" быстро идетъ молодая поросль, глушитъ все, „веліемъ деревьемъ проростаютъ", дѣлаются „многимъ звѣрямъ обиталищемъ" и требуютъ новаго упорнаго труда земледѣльца. Вкладывая въ землю массу труда, неусыпно блюдя за нею, земледѣлецъ не можетъ однако быть увѣренъ, что ему удастся всегда пожать плоды труда своихъ рукъ. Набѣгутъ половцы или сосѣдній князь, пожгутъ села и гумна, не спасешь тогда хлѣба ни въ скирдахъ, ни на корню отъ истребленія вторгшагося врага.

Въ виду этого естественно, что многіе тяготѣютъ къ лѣсу болѣе, чѣмъ къ пашнѣ. Стоитъ раскинуть въ лѣсу, тенета, поставить на путикахъ кляпцы [1]) или насторожить пругла [1]), и звѣри и птицы попадутся въ ловушки. При маломъ количествѣ разработанной удобной земли для пашни и небезопасности, при обиліи звѣрей и дичи, охота, звѣроловство и бортное пчеловодство являются главнымъ занятіемъ большинства населенія, очень видными статьями народнаго хозяйства и составляютъ большое богатство народа. За удовлетвореніемъ личныхъ потребностей, мѣха звѣрей, медъ и воскъ,—все это идетъ частью на уплату дани, частью на торговыя обороты.

Среди этого господствующаго и подчиняющаго себѣ населеніе лѣса только изрѣдка мелькаютъ пашенные дворы смердовъ и усадьбы крупныхъ владѣльцевъ съ хозяйственными постройками, пашнями, угодьями и полемъ, обнесенными изго-

---

[1]) Снаряды для ловли птицъ и звѣрей.

родью, рѣдко на холмѣ покажется городъ съ зубчатымъ деревяннымъ тыномъ, башнями и главками нѣсколькихъ церквей.

Въ такой-то области со множествомъ незаселенныхъ пространствъ и притомъ почти лишенной вполнѣ хорошихъ, всегда удобныхъ путей сообщенія предстоитъ князю совершать путешествіе. Лучшій путь — водный. Большая судоходная рѣка съ притоками, извиваясь, перерѣзываетъ территорію княжества въ различныхъ направленіяхъ. Но лѣтомъ и весною эти рѣки представляютъ значительныя препятствія, когда нужно перебираться черезъ нихъ. Снесенъ или сожженъ мостъ, разлилась рѣка, и нѣтъ пути, нужно вернуться на другую дорогу или объѣзжать десятки верстъ, чтобы отыскать другую переправу. По рѣкамъ однако нельзя добраться до всѣхъ мѣстъ, неизбѣжно передвиженіе и по сухому пути. Сухой путь — труденъ. Ранней весной, когда во время половодья поля на далекое пространство покрываются водой и превращаются въ болота, по дорогамъ надолго остается невылазная глубокая грязь. Лѣтомъ, особенно среди лѣса, трудно пробираться по едва замѣтнымъ дорогамъ: въ иныхъ мѣстахъ путь заграждаютъ упавшія деревья, въ иныхъ мѣстахъ безъ гатей нѣтъ ни проѣзда, ни прохода, а множество комаровъ, оводовъ, мошекъ и осъ дѣлаетъ для человѣка и лошадей путь нестерпимымъ. Хорошихъ, широкихъ, прямоѣзжихъ дорогъ очень мало. А плохіе пути сообщенія лучше всего зимою. Правда, морозы, злыя вьюги, метели и глубокій снѣгъ могутъ иногда сильно затруднять поѣздку, но зато тогда стужа сковываетъ все, и по замершей рѣкѣ стелется гладкій путь, болота не страшны, дорога безъ грязи. Къ зимѣ — лучшему времени для поѣздокъ, и подгоняетъ князь свой объѣздъ области. Въ позднюю осень въ концѣ ноября, когда почти облетѣлъ уже листъ, пользуясь послѣдними бездождными осенними днями, онъ выступаетъ въ путь.

Князю нужно посѣтить нѣсколько городовъ, много поселковъ, гдѣ онъ долженъ судить, рядить и дань собирать, нужно ему побывать и въ своихъ усадьбахъ, селахъ, угодьяхъ, чтобы присмотрѣть за своимъ хозяйствомъ. Много дѣла предстоитъ князю. Всюду ему не поспѣть, поэтому онъ выдѣляетъ нѣ-

сколько мѣстностей и посылаетъ туда своего боярина-дружинника для сбора дани, суда и устройства наряда, а въ остальныхъ мѣстахъ съ частью дружины князь ѣздитъ самъ[1]).

Картина переноситъ насъ въ центральный пунктъ верви[2]), въ мѣстность, куда сошлись для взноса дани смерды, гдѣ дѣлаетъ остановку князь съ частью дружины и тѣмъ тіуномъ, которому ввѣренъ сборъ дани и котораго потому называютъ „данщикомъ“.

На картинѣ ясно выступаютъ три главныя группы населенія Приднѣпровской Руси. Высшій классъ представленъ въ лицѣ дружинниковъ, средній классъ, „люди“ — въ лицѣ свободныхъ смердовъ-поселянъ. Къ классу несвободнаго населенія принадлежитъ данщикъ-тіунъ. Всматриваясь въ эти группы, не трудно почувствовать ихъ различное положеніе и отношеніе къ князю. Близкіе къ князю дружинники служатъ ему. Смерды ему платятъ. Холопъ-тіунъ, какъ рабъ, безправенъ и имѣетъ князя своимъ господиномъ. Не трудно также подмѣтить значительное различіе между группами и въ имущественномъ отношеніи. Видно, что населеніе распалось на два неравные слоя: на немногихъ богатыхъ и многихъ менѣе состоятельныхъ; видно, что капиталъ, сосредоточившись въ немногихъ рукахъ, рѣзко отдѣлилъ его обладателей отъ остальной

---

[1]) Часть дани доставляютъ въ городъ сами жители.

[2]) Въ такихъ мѣстахъ постепенно возникала церковь съ кладбищемъ, обслуживавшія религіозныя нужды окрестныхъ поселянъ, дома духовенства, амбары и лавки торговцевъ. Иногда здѣсь селились торговые и промышленные люди. Постепенно эта мѣстность дѣлалась административно-судебнымъ и финансовымъ центромъ. Самый центръ и примыкающій къ нему округъ въ сѣверной Руси носилъ названіе погоста (отъ „гость“— купецъ, „гостить“ торговать). Въ южной Руси такой округъ назывался вервью. Погостъ и вервь охватывали только сельское населеніе, жившее на ихъ территоріи и были единицами, по которымъ распредѣлялась дань и судебная отвѣтственность за преступленія. Члены верви связывались круговою порукою по уплатѣ денежной пени за убійство, совершенное однимъ изъ членовъ верви. Дань также опредѣлялась съ верви въ зависимости отъ числа домохозяевъ. Опредѣленную на вервь сумму раскладывали по „дымамъ или „раламъ“, т.-е. по домамъ и плугамъ — по участкамъ обработанной земли. Въ уставныхъ грамотахъ XII в., новгородской и смоленской, опредѣлена дань съ области. Со смоленской области дани приходилось 3053 гривны, съ каждаго погоста отъ 200 до 2 гривнъ. О гривнѣ см. ниже.

массы. Богатые — дружинники: они ѣдятъ „много“ и „сладко“, платье носятъ „славно“ изъ привозныхъ шелковыхъ и парчевыхъ тканей, украшенія у нихъ дорогія, оружіе и сбруя высокой цѣны и иноземнаго издѣлья. Смерды — люди скромной жизни съ ограниченными потребностями. Ихъ одежда изготовлена домашнимъ способомъ, они въ простыхъ полотняныхъ рубашкахъ и штанахъ, въ суконныхъ и овчинныхъ кафтанахъ, въ самодѣльныхъ лаптяхъ. Тіунъ — въ хорошемъ кафтанѣ и кожаныхъ сапогахъ[1]). Онъ холопъ-рабъ, и условія его жизни были бы еще хуже жизни смердовъ, такъ какъ онъ лишенъ всякой свободы, онъ — вещь, но близость къ князю подняла его надъ другими: онъ пользуется властью и имѣетъ большій достатокъ, чѣмъ смердъ.

Быстро налаживаетъ привычное дѣло тіунъ. Еще до пріѣзда князя сюда уже свезли смерды, жители этой верви, причитающуюся съ нихъ дань[2]). На первомъ планѣ картины и представлена сдача свезенной дани, одинъ изъ главныхъ моментовъ полюдья. Въ кадяхъ, ведрахъ, горшкахъ принесли смерды къ тіуну медъ, воскъ и овесъ, принесли, и несутъ множество всякихъ шкуръ. Есть здѣсь лисица черная, чернобурая, черночёревая, бурая, сиводушчатая, бѣлая и красная; есть здѣсь волчьи, медвѣжьи и лосиныя шкуры, есть прокрасныя и молочнаго цвѣта бѣлки, сѣрыя шкурки зайцевъ, черныя шкурки куницъ, попадаются мѣха бѣлые — соболиные, черные, чернокаріе и рыжіе — бобровые. Испытанный въ дѣлѣ взыска-

---

[1]) Сапоги были доступны только зажиточнымъ людямъ, такъ какъ кожа въ выдѣлкѣ стоила довольно дорого.

[2]) Дань вносилась натурой или деньгами — шлягами, гривнами. Подъ шлягами разумѣлись всякія иноземныя монеты, обращавшіяся на Руси, [особенно арабскі серебряныя диргемы. Денежной единицей первоначально былъ скотъ, куны (куницы). Съ X в. входитъ византійская мѣра вѣса. Въ договорѣ Олега съ греками упоминается литра — византійскій фунтъ, равный 2/3 нашего фунта. Изъ литры чеканилось 72 золотыхъ монетъ, называвшихся солидами и въ договорѣ Игоря названныхъ золотниками, откуда и нашъ золотникъ. Византійская литра называлась на Руси гривной. Но основная монета Кіевской Руси была не чеканная, а вѣсовая. Въ XI в. она состояла изъ 25 кунъ, въ XII в. — изъ 50 кунъ или изъ 20 ногатъ, 50 рѣзанъ, 480 векшъ. Въ концѣ XIII в., въ 1294 г., Волынскій князь Мстиславъ опредѣлилъ для жителей города Берестья за измѣну дань натурою: „со 100 по 2 лукнѣ меду, по 2 овцы, по 15 десятковъ льну и по 100 хлѣбовъ и по 5 цебровъ овса, а по 5 цебровъ ржи,.а по 20 куровъ“.

нія взятый княземъ изъ своего села тіунъ-данщикъ[1]) строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы дань вносилась полностью. Онъ твердо знаетъ установленное для верви количество, помнитъ сколько шкуръ и чего она должна дать отъ каждаго „дыма". И несутъ смерды то, что они въ теченіе года съ большой затратой труда добывали въ лѣсахъ и поляхъ: не имѣя ни времени, ни умѣнья обработать это, они доставляютъ все въ сыромъ необдѣланномъ видѣ. Если окажется недохватка, за нее строго укоряетъ тіунъ, подтверждая свои требованія свидѣтельствомъ бирки, которую онъ держитъ въ рукахъ.

Въ то время какъ данщикъ-тіунъ отдался весь сложной и отвѣтственной работѣ по пріемкѣ дани, дружинники, столпившись у воза, заняты оцѣнкой поступающихъ шкуръ: они пробуютъ волосъ руками и толкуютъ о цѣнности и степени добротности мѣховъ. Какое разнообразіе и богатство! Чего только нельзя понадѣлать изъ этихъ шкуръ и мѣховъ! Медвѣдь пойдетъ на шубы, санныя полости и рукавицы; куницы, соболь, лисица — на шапки, шубки и одѣяла; боберъ — на отдѣлку шапокъ и обтяжку тула (колчана); изъ волчьихъ шкуръ можно сдѣлать шлемъ. Волчьи, собольи и лисьи хвосты можно подвѣсить для украшенія головъ лошадей. Все это: мѣхъ, медъ и воскъ — цѣнный товаръ. Онъ поступитъ въ собственность князя и дружины. Часть его оставлена будетъ для себя, часть будетъ спрятана для даровъ именитымъ гостямъ, а остальное пустятъ въ продажу иноземнымъ купцамъ въ обмѣнъ на заморскія ткани, вина и дорогое оружіе. Какъ товаръ, имѣющій вѣрный сбытъ, эти мѣха ходятъ какъ деньги: ими можно внести пеню, уплатить пошлину, можно ими сдѣлать вкладъ въ церковь; какъ деньги, мѣха можно отдать подъ залогъ.

Одновременно со сборомъ дани идетъ и установленіе наряда и отправленіе суда. Въ отсутствіе князя это дѣло по-

[1]) Тіуны не пользовались доброю славой, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ сложившійся въ поговорку совѣтъ: „Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что его тіунъ, какъ огонь отъ сухихъ дровъ, а его помощники какъ искры: если остережешься отъ огня, то отъ искръ остеречься не можешь, не можешь уберечь отъ нихъ своего платья".

садника или его тіуна. Но теперь, когда князь налицо, онъ беретъ въ свои руки все.

Приступая къ отправленію своихъ правительственныхъ обязанностей, князь смѣняетъ свою дорожную одежду на другую, болѣе пышную .На длинную шелковую исподь съ золотымъ оплечьемъ, нарукавниками и широкою полосою внизу онъ надѣваетъ богатое княжеское корзно изъ аксамита[1]) краснобураго цвѣта, подбитое шелкомъ и окаймленное золотою тесьмой. У праваго плеча эта мантія застегивается дорогою запоной, такъ что правая рука остается свободной[2]). На головѣ у князя шапка съ плоскимъ верхомъ — клобукъ. Снявъ мечъ съ богатаго пояса, онъ передаетъ его меченошѣ, который держитъ его вмѣстѣ съ щитомъ, какъ знаки княжеской власти. Облачившись, князь садится, а сзади, него становится искушенный въ судебныхъ дѣлахъ старецъ-дружинникъ, хранитель вѣкового обычнаго права. Съ нимъ князь можетъ посовѣтоваться въ трудныхъ судебныхъ вопросахъ. Онъ же будетъ взимать съ пришедшихъ на судъ князя судебныя пени — виры — почему онъ и носитъ названіе вирника[3]).

Всѣ, у кого есть дѣло до князя, теперь могутъ къ нему обратиться. Подходятъ къ князю братья съ тяжбою о раздѣлѣ наслѣдства[4]), ролейные закупы[5]) съ жалобою на господина за обиду, смерды съ жалобой на тіуновъ и посадника, совсѣмъ разорившихъ непомѣрными поборами; ведутъ къ князю татей (воровъ) и разбойниковъ.

Судъ князя простъ, несложенъ. Князь не отыскиваетъ виновныхъ, не производитъ предварительнаго слѣдствія. Кто

---

[1]) Бархатъ византійскаго изготовленія.

[2]) Типъ князя XI в. сохранилъ до нашего времени такъ называемый кодексъ Гертруды въ Чивидалѣ, гдѣ вшиты спереди листы съ миніатюрнымъ изображеніемъ Ярополка Изяславича, исполненнымъ въ XI в. въ Приднѣпровьѣ.

[3]) Вирника князь посылалъ иногда отдѣльно для сбора виръ. Ему предписано было оставаться не болѣе недѣли въ одномъ мѣстѣ, чтобы не обременять жителей постоемъ.

[4]) Для рѣшенія спора князь посылаетъ дѣлить наслѣдство своего „дѣтскаго"—младшаго дружинника.

[5]) Ролейный закупъ — смердъ, получившій отъ господина ссуду и орудія для обработки земли (плугъ, борону) и временно къ нему прикрѣпленный. Когда онъ возвращалъ и отслуживалъ ссуду и подмогу хозяину, онъ дѣлался опять смердомъ.

потерпѣлъ, тотъ самъ долженъ сдѣлать это. Истецъ самъ ведетъ къ князю отвѣтчика и свидѣтелей, самъ производитъ необходимое слѣдствіе.

Передъ княземъ стоятъ двѣ стороны. Истецъ разсказываетъ, что у него пропало платье. Онъ сдѣлалъ „закличъ“, объявилъ о пропажѣ, и сейчасъ же послѣ того у одного изъ смердовъ сосѣдняго поселка онъ увидѣлъ пропавшую вещь. „Гдѣ еси вѧлъ?“ спросилъ онъ сосѣда, а тотъ отвѣчалъ: „Іесмь коупилъ“. — „У кого?“ — „Не вѣдѣ“ (купилъ, но не знаетъ того человѣка, у кого покупалъ). Смерда, у котораго оказалась его одежда, и привелъ на судъ князя истецъ[1]). Но обвиняемый пришелъ не одинъ. Онъ прихватилъ съ собою двухъ послуховъ, которые были свидѣтелями покупки обвиняемымъ вещи у неизвѣстнаго лица. Передъ княземъ послухи подтвердили слова обвиняемаго; они даютъ точно такое же показаніе — „слово противу слова“. Если бы они не договорили чего или переговорили, то ихъ послушество потеряло бы всякую цѣну. Но такъ какъ они показали согласно съ словами того, кто ихъ поставилъ, то князь имъ велитъ итти на роту, клятву, принести присягу въ томъ, что все такъ, какъ они сказали. Теперь отвѣтчикъ очищенъ отъ подозрѣнія въ кражѣ. Онъ долженъ отдать вещь и потерять деньги, уплаченныя за нее. Ему остается утѣшаться тѣмъ, что онъ можетъ искать и найти вора, который долженъ будетъ вознаградить всѣ потери и уплатить уголовный штрафъ.

Этихъ смердовъ смѣняютъ другіе, приведшіе „душеубійцъ“, лицъ, обвиняеыхъ въ нанесеніи увѣчій и ранъ, въ оскорбленіи чести, въ стескѣ бортнаго знамени, въ запашкѣ полевой межи. Часто преступникъ не сознается, нѣтъ свидѣтелей преступленія, есть только одно основательное подозрѣніе, что преступленіе совершено именно имъ. Такое обвиненіе по подозрѣнію — „поклепъ“ — иногда удается обвиняемому съ себя

---

[1]) Если бы смердъ этотъ указалъ продавца, то обязанъ былъ бы итти съ истцомъ къ продавцу на очную ставку. Тотъ обязанъ былъ бы въ свою очередь указать источникъ пріобрѣтенія. Такой рядъ очныхъ ставокъ съ цѣлью провѣрки показаній назывался „сводомъ“.

снять, если онъ можетъ представить не менѣе семи послуховъ, которые дали бы свидѣтельство о честномъ и добромъ его поведеніи. Выслушиваетъ князь обѣ стороны, и, если нѣтъ ясныхъ уликъ, то примѣняетъ при обвиненіи въ кражѣ и убійствѣ испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ, водою, а то и судебнымъ поединкомъ — полемъ. Это — судъ Божій. „Въ полѣ — двѣ воли, кому Богъ поможетъ", тотъ и выйдетъ побѣдителемъ изъ состязанія. Поможетъ же Богъ невинному: Онъ быстро залечитъ его ожоги и не позволитъ ему выплыть при испытаніи водой[1]).

Устанавливая виновность, князь опредѣляетъ и наказанья. Прежде[2]) за „обиды", убійство, увѣчье, личное оскорбленіе и побои ближніе родственники мстили преступнику. Со второй половины XI вѣка месть отмѣняется. Ея мѣсто заступаетъ выкупъ: за матеріальныя потери, за причиненный вредъ, потерпѣвшіе могутъ теперь искать вознагражденіе тоже матеріальное. Потерпѣвшій и его ближайшіе родственники получаютъ отъ преступника выкупъ и должны отказаться отъ мести. За голову убитаго платятъ головничество, за другія преступленія даютъ пострадавшимъ урокъ. Но кромѣ выкупа потерпѣвшимъ виновный долженъ платить еще штрафъ въ пользу власти, производящей судъ. Съ каждаго убійцы князь получаетъ виру, всякій другой преступникъ уплачиваетъ продажу. Вира различна. Бываетъ вира простая въ 40 гривнъ и двойная — въ 80[3]). Все зависитъ оттого, кто убитъ. Убитъ княжій мужъ или княжій тіунъ, за нихъ платятъ двойную виру, за простого свободнаго человѣка идетъ половина, а за убійство холопа — совсѣмъ виры нѣтъ. Такъ какъ рабъ — вещь, то платятъ продажу, такъ же какъ за кражу пчелъ, бобра, за пользованіе чужимъ конемъ. Самыя тяжелыя преступленія — разбой, поджогъ и конокрадство — караются еще сильнѣе, за нихъ

[1]) Сдѣлавъ заклинанія надъ холодною водою, освящаютъ ее и связаннаго обвиняемаго бросаютъ въ нее. Если онъ погрузится на дно, то его объявляютъ невиннымъ, если всплываетъ, виновнымъ.

[2]) До XI в.

[3]) Стоимость гривны кунъ опредѣляется различно: въ 2 руб. 50 коп., въ 7 руб. и въ 12 руб. 50 коп. на наши деньги.

князь присуждаетъ виновнаго къ потоку и разграбленію, т.-е. къ лишенію личныхъ правъ, къ обращенію въ рабство и въ то же время къ отобранію всего имущества для возмѣщенія убытковъ пострадавшихъ и для внесенія штрафа въ пользу князя.

Безъ задержки идетъ судъ князя. Не заботясь ни о слѣдствіи, ни о вызовѣ свидѣтелей, онъ, главнымъ образомъ, наблюдаетъ, чтобы на судѣ все шло въ порядкѣ, формально правильно, и постановляетъ приговоръ, словесное рѣшеніе, которое иногда записываетъ писецъ. Слѣдитъ князь также и за тѣмъ, чтобы виры и продажи соотвѣтствовали преступленію и поступали бы правильно въ его казну. Приведеніе же въ исполненіе приговора, взысканіе головничества и урока — это дѣло не князя, а самихъ истцовъ. При такой несложности, чисто формальномъ характерѣ, судъ рѣдко очень сильно затягивается.

У тіуна дѣло идетъ тоже довольно быстро. Не въ интересахъ населенія задержка въ судѣ и доставкѣ дани. Оно не склонно тянуть дѣла, такъ какъ, пока дань не будетъ внесена и судъ не будетъ произведенъ, князь останется въ верви, и его самого, дружину и слугъ княжескихъ должно будетъ содержать на свой счетъ мѣстное населеніе, оно должно будетъ давать подводы[1]). Чѣмъ скорѣе можно избавиться отъ тяжелаго корма пріѣхавшихъ на полюдье, тѣмъ лучше[2]).

Одинъ возъ совсѣмъ нагруженъ и двинулся подъ охраною всадника по слабо наѣзженной дорогѣ подъ гору къ берегу рѣки. Скоро къ нему присоединится другой: онъ уже наполовину наполненъ, въ него уже впрягаютъ двухъ лошадей, но не парой, а гуськомъ, чтобы удобнѣе было ѣхать по

---

[1]) При отсутствіи государственныхъ почтовыхъ сообщеній передвиженіе приходилось производить на обывательскихъ лошадяхъ, подводахъ. Подвода—это верховая лошадь съ сѣдломъ, уздою и проводникомъ или лодка съ гребцомъ и кормчимъ, такъ какъ при бездорожьи можно было ѣхать или верхомъ или водою.

[2]) Что стоило верви кормленіе выше названныхъ лицъ можно судить по тому, что давалось вирнику въ теченіе одной недѣли: „вирнику получать 7 ведеръ солоду, 1 барана или полоть или вмѣсто того деньгами 2 ногаты; въ среду и пятницу сыръ, по одной кунѣ, а въ прочіе дни по 2 курицы на день. 7 хлѣбовъ въ недѣлю, 7 уборововъ (уборокъ — небольшая мѣра емкости) пшена, 7 уборововъ гороху, 7 головажекъ (комковъ) соли. Это должно итти вирнику съ отроками, да кромѣ того 4 лошади, которымъ давать овсу вдоволь. Ему же 8 гривенъ и 10 кунъ перекладныхъ“.

узкой дорогѣ. Осѣдланы уже и лошади для охраны. Дружинники, готовясь къ отъѣзду, надѣли вооруженіе. На головѣ — остроконечный шлемъ со спущенною сзади и по бокамъ мелкой кольчугой. Туловище закрыто броней. У двухъ стоящихъ сзади дружинниковъ надѣты кольчужныя рубашки, можетъ-быть, мѣстнаго издѣлья, у другихъ — панцыри изъ кожи или матеріи съ нашитыми желѣзными бляхами, остроконечными, круглыми и квадратными. Эти панцыри иноземнаго происхожденія: одни изъ нихъ можетъ-быть, привезены съ Запада, отъ нѣмцевъ и норманновъ, другіе куплены, отняты въ бою или получены въ обмѣнъ отъ восточныхъ сосѣдей. У нѣкоторыхъ въ рукахъ большой красный щитъ и копье; у пояса — длинный прямой обоюдуострый мечъ съ тяжелою рукояткою[1]).

Эта вооруженная дружина — не роскошь и не парадъ: она необходима въ пути. Правда, законы охраняютъ собственность и личность, особенно личность княжьихъ мужей и охраняютъ довольно строго: если кто изъ жителей верви сдѣлаетъ нападеніе и убьетъ княжьяго мужа и будетъ схваченъ, онъ долженъ будетъ уплатить большую пеню въ 40 гривенъ, да кромѣ того еще та вервь, въ которой это произошло, должна будетъ внести еще 40 гривенъ. Если же не найдется убійца, то всѣ 80 гривенъ будутъ взысканы съ верви[2]). Несмотря однако на строгость законовъ по отношенію къ ворамъ и разбойникамъ, тѣхъ и другихъ много, и ходятъ они не въ одиночку, а цѣлыми шайками и часто нападаютъ на селенья, монастыри, города и обозы. Съ одной стороны отвага, удаль и жажда воли, съ другой, необходимость добыть себѣ пищу, одежду, особенно въ голодные годы или послѣ войны и разореній толкаютъ людей на грабежъ и убійство. Князь принимаетъ мѣры: пробуетъ ставить сторожей для развѣдокъ о разбоѣ, иногда хватаетъ удальцовъ и предаетъ ихъ строгому суду. Но все-таки съ разбойниками и ворами трудно справиться: не легко ихъ ловить въ густыхъ лѣсахъ при плохихъ дорогахъ. Чтобы обезопасить

---

[1]) На картинѣ не видны мечи; о формѣ меча можно составить представленіе по тому мечу, какой держитъ меченоша.

[2]) Такъ называемая дикая вира.

доставку цѣннаго обоза, и сопровождаетъ его часть княжеской дружины въ полномъ вооруженіи.

Когда будетъ собрана вся дань, кончены будутъ всѣ дѣла управленія и суда, взысканы будутъ продажи и виры, князь за кормъ и дары, которые поднесло ему населеніе, отблагодаритъ жителей верви угощеніемъ, и двинется въ путь продолжать объѣздъ своего княжества.

* * *

Такъ въ теченіи осени и зимы князь ведетъ полукочевой образъ жизни, передвигаясь по области для сбора дани, суда, иногда заѣзжая въ свой дворъ, село, монастырь или „на утѣху себѣ“ „ловы дѣя“, продовольствуясь самъ вмѣстѣ съ дружиною на счетъ мѣстнаго населенія.

Но полюдье не всегда было одинаково, имѣло одинъ и тотъ же характеръ. Первоначально полюдье было какъ бы военнымъ походомъ, періодически повторяемымъ въ недавно покоренныя страны. Князь вмѣстѣ съ дружиною, обходя области, довольствовался временными неопредѣленными по размѣрамъ сборами съ населенія и военною добычею. Съ XI вѣка князья посылаютъ вмѣсто себя для сбора дани въ полюдье данщиковъ, и съ этого времени полюдье теряетъ характеръ военнаго похода. Этотъ оттѣнокъ носятъ только поѣздки въ страны недавно покоренныхъ инородцевъ. Обычай княжескаго полюдья сохраняется въ XII и XIII вѣкахъ и переходитъ въ Суздальскую Русь. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше стирается его военный характеръ, и сильнѣе выступаетъ въ немъ характеръ судебно-административный. При этомъ князь получаетъ дары, обратившіеся въ постоянный твердо установленный доходъ. Но въ Московское государство полюдье не заходитъ. Нѣтъ указаній, чтобы московскіе князья объѣзжали селенья и города для сбора доходовъ. Съ увеличеніемъ владѣній Московскаго государства, съ измѣненіемъ государственнаго механизма такіе объѣзды становятся больше не нужны.

Н. П. Тарасовъ и А. Ф. Гартвигъ

Изъ исторіи русской культуры.

Съѣздъ князей.

Изданіе В. В. Думнова

МОСКВА.—1911.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвижен. пер., д. 9.

Съѣздъ князей.

Съѣздъ князей.

На картинѣ[1]) передъ нами двѣ группы князей — старшихъ и младшихъ, очевидно крайне враждебно настроенныхъ другъ противъ друга: „въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей“ [2]).

Причина распри, которую князья пытаются уладить, собравшись на „снемъ“ [3]), или „совѣтъ“, общая почти для всѣхъ княжескихъ усобицъ конца XI и начала XII вѣка: желаніе укрѣпить за собою опредѣленную территорію, обыкновенно „отчину“ [4]) и тѣсно связанное съ этимъ стремленіе захватить у сосѣдняго или болѣе слабаго князя какъ можно больше рабочей челяди, которая была нужна для обезпеченія все болѣе и болѣе развивающагося крупнаго землевладѣнія. Такъ было и въ данномъ случаѣ [5]). Братъ престарѣлаго кіевскаго князя,

[1]) Картина для этого изданія исполнена И. Я. Билибинымъ.

[2]) „Котора“ — распря, раздоръ, смута.

[3]) „Снемъ“ — сонмъ, собраніе, съѣздъ.

[4]) Отчиной, съ точки зрѣнія очередного порядка владѣнія, называлось мѣсто, унаслѣдованное дѣтьми отъ отца, среди родичей, расположенныхъ въ порядкѣ старшинства. Постепенно генеалогическое значеніе этого слова стало замѣняться территоріальнымъ, и въ описываемое нами время, т.-е. въ половинѣ XII вѣка, отчиною сыновья стали называть область, которою владѣлъ ихъ отецъ.

[5]) Съѣздъ, изображенный на картинѣ, относится къ тому времени, когда междукняжескія отношенія постепенно сходятъ съ почвы родовой и переходятъ на новыя основанія — политическія, когда стремленія отдѣльныхъ князей бороться за „отень столъ“ сталкиваются съ попытками кіевскихъ князей „переимати власть Русьскую всю“, дабы сохранить единство распоряженія силами всей страны ко благу цѣлаго. Пока княжеская семья, владѣвшая Кіевомъ и другими волостями, была не велика, единство цѣлаго легко поддерживалось общими усиліями нераздѣльной семьи, подчинявшейся естественному авторитету отца, дѣда или старшаго брата. Но по мѣрѣ разрастанія княжеской семьи, разсѣянной на обширномъ пространствѣ, и замѣны непосредственной власти отца менѣе сильнымъ авторитетомъ старѣйшаго брата или дяди „въ отца мѣсто“, преобладающее значеніе получаютъ интересы мѣстные, и къ концу XI вѣка „рядъ“ умирающаго князя, въ смыслѣ распоряженія или завѣщанія, въ вопросахъ общеземскаго значенія преобразуется въ „рядъ“, въ смыслѣ соглашенія или договора, осуществляемаго въ формѣ княжескихъ съѣздовъ (въ Любечѣ 1097 года, въ Городцѣ 1098 года, въ Увѣтичахъ 1100 года, на Долобскѣ 1103 года). На съѣздахъ опредѣлялись, какъ внѣшнія отношенія, напр. походъ „на поганыхъ“, такъ и отношенія внутреннія, междукняжескія: князья распредѣляютъ между собою столы, судятъ и нака-

сидѣвшій въ Туровѣ и тоже дожившій до глубокой старости — онъ изображенъ на картинѣ въ красномъ плащѣ, рядомъ со своимъ старшимъ братомъ — по примѣру Владиміра Мономаха, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ почти всю русскую землю, заблаговременно подготовлялъ себѣ матеріальныя средства, которыя послужили бы ему опорою для подкрѣпленія отеческаго авторитета въ его будущей роли кіевскаго князя. Имѣя въ виду „самъ всю землю держати", онъ потребовалъ отъ молодого Переяславскаго князя, того самаго, который стоитъ съ вытянутою рукою впереди группы недовольныхъ князей съ лѣвой стороны, чтобъ онъ убрался изъ Переяславля подальше отъ Кіева на востокъ и послалъ сказать ему: „иди Курску" [1]). Тогда молодой князь, „сдумавъ съ боляры и съ дружиною своею", отвѣтилъ Туровскому князю такъ: „лѣпьши (лучше) ми... смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Курьское княженье; отецъ мой Курьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Переяславли... а хочешь и сее волости, а убивъ мене, тобѣ то волость, а живъ не иду изъ своее волости". И вотъ происходитъ рядъ ожесточенныхъ столкновеній, „лукавый бо пронырливый дьяволъ не хотяй добра межи братьею, хотяй приложити зло ко злу". Каждая сторона ищетъ себѣ союзниковъ, прежде всего, среди близкихъ родичей, не брезгуя при этомъ и содѣйствіемъ кочевниковъ. Переяславскій князь соединился съ своими двумя братьями, которые съ нимъ цѣловали крестъ, обязуясь взаимно поддерживать другъ друга; кромѣ того, съ нимъ соединился князь изъ боковой княжеской

зываютъ за нарушеніе общеземскаго мира. Однако, въ этихъ первыхъ проявленіяхъ общеземской мысли и чувства лежали лишь зачатки будущаго государственнаго и общественнаго единства, и при слабости національнаго самосознанія, въ условіяхъ неокрѣпшей матеріальной и духовной культуры, княжескіе съѣзды не могли надолго задержать разложенія юго-западной Руси: князья устраивали порядокъ, но каждый, главнымъ образомъ, въ своей области, до идеи же установленія государственнаго порядка и прочнаго общеземскаго единства они еще не поднялись; личное начало имъ ближе и понятнѣе, и на съѣздахъ, которые постепенно теряли свое общеземское значеніе, личные интересы стали пробиваться все сильнѣе и сильнѣе. Особенно это стало замѣтно къ половинѣ XII вѣка, когда родъ Ярослава сильно размножился, когда старые родовые счеты уже потеряли силу и младшіе князья оружіемъ стали пробивать себѣ дорогу къ лучшей долѣ.

[1]) Такой случай былъ, напр., съ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ въ 1139 году.

линіи, который привелъ съ собою множество половцевъ. Они пошли къ Турову, осадили городъ и бились крѣпко; но не будучи въ силахъ взять городъ, братья постарались, по крайней мѣрѣ, забрать или истребить хозяйственные запасы Туровскаго князя — хлѣбъ, скотъ, челядь; они захватили его стада, въ томъ числѣ 3000 кобылъ и 1000 коней. „По дьяволю наученію", братья не удовлетворились и этимъ; они напали на принадлежавшее Туровскому князю подгородное сельце, гдѣ онъ устроилъ себѣ дворъ добрый; много было заготовлено здѣсь всякаго добра и съѣстныхъ припасовъ; въ погребахъ было множество вина и меда, также желѣза и мѣди; и такъ какъ напавшіе всего съ собой взять не могли, то братья распорядились захватить плѣнныхъ, уложить на возы какъ можно больше добра себѣ и воинамъ и отвезти захваченное на нѣкоторое разстояніе отъ сельца; затѣмъ, приказавъ зажечь дворъ, церковь и гумно, въ которомъ было девятьсотъ скирдовъ хлѣба, братья подѣлили добычу и разошлись, „ополонившись скотомъ и коньми и челядью", „и всякого полона не бѣ числа".

Однако, они ничего не выиграли, такъ какъ одновременно своякъ и младшій братъ Туровскаго князя, который сидѣлъ въ осадѣ, по его просьбѣ соединили свои полки и сказали другъ другу: „мы есмы ци не князи же? такы же собѣ хвалы добудемъ". Въ свою очередь они перешли черезъ Днѣпръ и пошли на Переяславскую землю. „Врагъ же роду хрестьянску дьяволъ разже сердца" ихъ, и союзники-князья „много пакости створиша": они пожгли села, потоптали хлѣбъ и церковь Вознесенія „всю облупиша", забравъ изъ нея всѣ серебряные сосуды, шитыя золотомъ облаченія, кадила, подсвѣчники, кованое евангеліе, книги и колокола; главную добычу составили плѣнные, семьсотъ человѣкъ челяди; всѣ они по тогдашнему обычаю или были проданы на востокъ или, будучи превращены въ холоповъ, должны были работать на частныхъ земляхъ князей и дружины, съ которою князья дѣлились своею добычею.

И съ той и съ другой стороны чувствовалась потребность на время пріостановить военныя дѣйствія, чтобы собраться

съ силами: слишкомъ тяжелы были понесенныя утраты... А между тѣмъ старѣйшій князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, можетъ быть, лучше другихъ понимавшій весь вредъ нескончаемыхъ княжескихъ усобицъ, услышавъ о случившемся, уже готовился принять свои мѣры. То былъ князь „благій", „милостивъ нравомъ, страхъ Божій имѣя въ сердци", онъ думалъ и гадалъ о всей Русской землѣ. И вотъ, „не хотя видѣти кровепролитья", онъ посылаетъ ко всей братіи-князьямъ пословъ своихъ, созывая всѣхъ на „снемъ", при чемъ враждовавшимъ между собою братьямъ и племянникамъ послы отъ его имени говорили такъ: „братья![1]) что тако дѣлаете? не дивно (не удивительно), оже (если) ны быша поганіи воевали, а се нонѣ хочете брату своею убити". И вотъ князья — дядья и племянники — съѣхались на совѣтъ, одни грустные и задумчивые, понимавшіе, что русская земля, раздираемая ежегодными распрями, не долго устоитъ противъ кочевниковъ; другіе, непосредственные участники кровавой борьбы, съ затаенной злобой съ неостывшей еще враждой къ обидчикамъ, но не безъ смутной идеи о великомъ значеніи общеземскихъ интересовъ и общенароднаго блага.

Собраніе состоялось въ подгородномъ сельцѣ Кіевскаго князя, гдѣ у него былъ дворъ добрый. Князья собрались въ красивой палатѣ, построенной изъ прочнаго дубоваго слегка отесаннаго лѣса; широкія и толстыя доски, изъ которыхъ сдѣланъ полъ, гладко отесаны топоромъ; потолокъ, поддерживаемый толстыми балками, хотя и не удѣланъ за-подъ-лицо, но ловко прилаженъ руками лучшихъ новгородскихъ плотниковъ; наличники у входныхъ дверей, закрытыхъ плотной матеріей, и у оконъ, выходящихъ въ сѣни, покрыты искусной рѣзьбой съ расцвѣткой; подзоры надъ дверями, боковыя поверхности лавокъ и полка въ красномъ углу украшены изображеніями пардусовъ (барсовъ), фантастическихъ птицъ и конскихъ головъ; такія же украшенія и рѣзьба видны

[1]) Терминъ „братья" употреблялся въ это время въ смыслѣ общаго понятія равноправныхъ владѣтелей и примѣнялся одинаково какъ къ дядьямъ, такъ и къ племянникамъ; это — терминъ уже не столько родового, сколько политическаго значенія.

на деревянныхъ и глиняныхъ издѣліяхъ, стоящихъ на полкѣ; передъ окладными иконами византійскаго письма горятъ свѣчи въ бронзовомъ паникадилѣ, подвѣшенномъ на бронзовыхъ же цѣпяхъ, а передъ самой иконой горитъ отдѣльно свѣча „воску яраго“ въ мѣдномъ шандалѣ; тутъ же виднѣется просфора, поднесенная наканунѣ князю митрополитомъ. Вдали черезъ желѣзную рѣшетку окна виденъ могучій Днѣпръ и спокойное южное осеннее небо. Всѣ князья одѣты одинаково въ „корзна“, т.-е. богато вышитые плащи изъ шелковой матеріи византійской выработки, съ круглыми „вошвами“ наверху, застегивавшіеся драгоцѣнной металлической „запоной“ на правомъ плечѣ; подъ корзномъ у нихъ длинные кафтаны большей частью изъ богато затканной шелковой матеріи; кафтаны стянуты поясами, съ висячими концами, на которыхъ укрѣпляютъ они свое оружіе; на головѣ надѣты шапки съ мѣховымъ собольимъ „околомъ“, а на ногахъ сапоги изъ шитаго сафьяна; на нѣкоторыхъ видны „чепи“, т.-е. золотыя ожерелья, а одежда украшена „каменьемъ драгымъ и женчюгомъ“; рукава стянуты нарукавниками; въ ушахъ у нѣкоторыхъ князей видны серьги.

Старики-дядья уже были на мѣстѣ, когда смѣло, дерзко, враждебно противъ нихъ настроенные, вошли три брата, князья племянники со своимъ союзникомъ черниговскимъ княземъ, изъ боковой линіи, хотя и старшей, но бывшей въ загонѣ и не любимой народомъ; послѣдній стоитъ сумрачный и непокорный, позади всѣхъ на лѣвой сторонѣ. Вошедшіе не хотятъ сѣсть ближе, стать „съ братьею своею на одиномъ коврѣ“. Въ отдаленіи, сплотившись въ тѣсную группу, поближе къ выходу, чтобы тотчасъ уйти въ случаѣ обостренія отношеній, а можетъ-быть, и боясь засады[1]), недовѣрчиво ждутъ они, что скажутъ имъ дядья. Эти двѣ группы различаются между собой замѣтно не только возрастомъ, но и тѣмъ отпечаткомъ, который лежитъ на ихъ лицахъ и фигурахъ. Въ тѣ времена не школа и не образованіе, а жизненный опытъ давали человѣку возможность развить свое міропониманіе и укрѣпить

[1]) Какъ это было съ Василькомъ Ростиславичемъ на съѣздѣ въ Любечѣ.

нравственную силу; въ группѣ старшихъ мы видимъ больше спокойной увѣренности въ своей правотѣ, больше выдержки и самообладанія, больше мудраго желанія безпристрастно и вдумчиво разобраться въ тяжеломъ вопросѣ, поставленномъ обстоятельствами; въ группѣ младшихъ, лица которыхъ, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ требованіями общественной правды, еще мало одухотворены мыслью, мы видимъ господство дикихъ страстей, готовыхъ ежеминутно вырваться наружу и вылиться въ злобныхъ рѣчахъ; неокрѣпшая психика, неустойчивая натура ихъ отражается и въ этомъ широкомъ, скуластомъ и плоскомъ лицѣ самаго младшаго изъ нихъ, стоящаго ближе къ двери, и въ напряженной фигурѣ гнѣвно говорящаго впереди князя, и въ недовѣрчиво подозрительномъ взорѣ мрачнаго князя, стоящаго сбоку съ руками, нервно сжимающими рукоятку меча подъ плащомъ.

Трудно разсчитывать на взаимное пониманіе этихъ двухъ группъ, изъ которыхъ одна, умудренная жизненнымъ опытомъ, живетъ еще традиціями единства княжескаго рода, руководимаго ко благу цѣлаго волею старѣйшихъ, а другая, не желающая подчиняться родовому началу, признаетъ только одно право — право сильнаго и пожалуй въ минуты общей опасности, временное политическое сплоченіе подъ руководствомъ Кіевскаго князя. Въ группѣ князей, находящихся справа, выдѣляется полная достоинства и сознанья своей нравственной силы фигура старшаго изъ братьевъ-дядей, принадлежащихъ, быть можетъ, къ любимому кіевлянами „Володимирю племени". Послѣ того, какъ у этого князя „преставися отецъ, украшенный добрыми нравы, прослувый въ побѣдахъ, его же имене трепетаху вся страны", онъ вскорѣ сталъ княземъ въ Кіевѣ, „людье бо кыяне послаша по нь". Онъ стоитъ, скрестивъ руки на груди, спокойный и величественный, извѣстный, какъ человѣкъ, не оставляющій мысли о Богѣ и справедливости, „бѣ бо премного христолюбивъ и почитаяй епископы". Его всѣ знаютъ, какъ князя строгаго, который „на ратные враги страшенъ бѣ" и котораго „вси бояхуся"[1].

[1]) Таковъ былъ, напр., князь Ярополкъ Владимировичъ, сынъ Мономаха.

Сознаетъ старый князь трудность момента, но по чувству лежащаго на немъ долга пытается успокоить бушующія страсти. Изъ всѣхъ остальныхъ братьевъ-дядей онъ и по годамъ (ему лѣтъ подъ 70), и по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, наконецъ, по своему положенію наиболѣе пригоденъ для роли миротворца. „Возлюбленѣи мои чадѣ!" говоритъ онъ, „будита межи собою въ любви, имѣйте послушанье къ старѣйшимъ, иже васъ на добро учать; азъ бо вѣмъ, яко отшествіе мое близь приближается отъ свѣта сего... и исправьте все нелюбье межю собою... ладимся и смѣримся... а Русьскы земли не погубимъ!" Тронутый примирительной рѣчью старика, Переяславскій князь, вспомнивъ, что онъ собственно только защищалъ свои права, но не имѣлъ въ виду дѣлать зло ради зла, подъ вліяніемъ налетѣвшаго на него добраго чувства, откликнулся первый горячими словами: „Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаеть и хрестъ честный... понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣй земли". Стоявшій у двери князь, можетъ-быть, по молодости лѣтъ, болѣе другихъ оробѣвшій передъ внушительнымъ сонмомъ старѣйшихъ дядей, тотчасъ поддержалъ заявленіе брата и горячо сказалъ: „и се кленуся Богомъ, яко не помыслилъ есмъ зла братьи своей ни въ чемъ же... Богъ свидѣтель тому... хочю створити съ вами миръ".

Но тутъ не выдержалъ князь Туровскій, который не могъ простить своему племяннику его отказа уйти изъ Переяславля въ Курскъ и его смѣлаго похода. Онъ стоитъ въ красномъ плащѣ рядомъ со своимъ братомъ, опираясь на посохъ. Онъ только годомъ или двумя моложе его; ему тоже давно перевалило за 60 лѣтъ, но выглядываетъ онъ, благодаря безпокойному своему нраву и буйнымъ помысламъ, гораздо старше; по возрасту онъ настолько отличается отъ своего рыжебородаго брата, сидящаго подъ окошкомъ, что однажды въ спорѣ съ нимъ сказалъ ему: „я много тебя старше — я уже былъ брадатъ, когда ты родился!" Это тотъ самый князь, который когда-то, участвуя въ общемъ походѣ кіевлянъ противъ князей полоцкихъ, далъ клятву жителямъ города Изяслава, рѣшив-

шимъ сдаться, что защититъ ихъ отъ всякаго насилія, и тотчасъ нарушилъ ее, отдавъ городъ на разграбленіе[1]). Онъ не пользовался уваженіемъ ни среди князей, ни въ своемъ Туровѣ, и только установившіяся родовыя традиціи позволили ему занять на съѣздѣ второе мѣсто. Вся фигура его, уже значительно истощенная, его хитрое лицо, на которомъ борьба страстей оставила многочисленные слѣды, въ видѣ глубокихъ морщинъ, наконецъ, полупотухшіе, но все еще гнѣвные взоры его, которые онъ устремилъ на дерзкаго нарушителя родовыхъ началъ, все это ярко обнаруживаетъ характеръ его природы — злобной, жадной и двоедушной. Онъ теперь заговорилъ — несдержанно, съ оскорбительнымъ презрѣніемъ къ сопернику, какъ грозный обличитель его лживости, забывъ о томъ что первый далъ поводъ къ междоусобной брани.

Вызывающимъ тономъ, съ ядовитою усмѣшкою на устахъ, напоминаетъ онъ племянникамъ о неудачной ихъ попыткѣ взять Туровъ: „а далече есте шли... и вышли есте аки рыба на сухо"; все болѣе возвышая свой голосъ и распаляясь гнѣвомъ, онъ не можетъ не поставить въ вину своему обидчику нарушенія извѣчнаго основанія княжескихъ отношеній: „Ты, крамольникъ", кричитъ онъ, стуча посохомъ объ полъ, „замыслилъ противиться старѣйшему!?"

Въ этотъ моментъ старшій братъ его, видя, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, считаетъ нужнымъ вмѣшаться. Глубокое страданіе отразилось на его лицѣ, чувствовалось въ его дрожащемъ голосѣ, когда онъ воскликнулъ: „О многострастный (многострадальный) и печальны азъ! помышляю, како стати передъ страшнымъ Судьею, каянья и смѣренья не пріимшимъ межю собою. Молвить бо, иже Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть... всѣмъ вамъ хочю добра... а что есть добро и красно (прекрасно), не еже жити, братья, вкупѣ (въ согласіи)!... Оже (если) ли кто васъ не хочетъ добра, ни мира хрестьяномъ, а не буди ему отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его"...

[1]) Такимъ рисуетъ намъ лѣтописецъ, напр., сына Мономаха, Вячеслава Владимировича.

Инстинктивно чувствуя, что среди группы „младшихъ“ князей врядъ ли онъ найдетъ поддержку и желая привлечь къ обсужденію дѣла болѣе опытныхъ и пожилыхъ князей, до тѣхъ поръ молчавшихъ, онъ обратился съ просьбою высказаться къ брату своему, пріѣхавшему изъ Смоленска и сидѣвшему у окошка съ мечомъ въ рукѣ.

Этотъ князь пользовался большимъ уваженіемъ, „не омрачи бо ума своего пьянствомъ, кормитель бѣ черньцемъ (монахамъ) и черницямъ (монахинямъ) и убогымъ; мужьство же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста, и иного добродѣянья много въ немъ бяше, вторый мудрый Соломонъ бывъ“.

— „А ты что скажешь, брате?“ спросилъ его старшій братъ: „годно ли ти миръ? пакы ли рать годно? а язъ на тобѣ укладываю“.

Тотъ всталъ и, поклонившись старшему брату, отвѣтилъ: „Брате! кланяютися, ты еси мене старѣй, а како ты угадаеши (рѣшишь), а язъ въ томъ готовъ (буду согласенъ съ тобою) есмь; аже брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ быхъ (я бы), брате, тако реклъ: Рускыхъ дѣля (ради) земль и хрестьянъ дѣля, то язъ люблю, брате, миръ лѣпле (лучше); ты (тѣ) были на рать въстали (начали войну), а што успѣли?“ Затѣмъ, обратившись къ племяннику, онъ сказалъ ему спокойно и внушительно: „брате, хрестьянъ дѣля и всее Руской земли умирися!“

Настала, наконецъ, очередь высказаться и четвертому изъ дядей, который до сихъ поръ сидѣлъ, глубоко задумавшись, желая рѣшить дѣло по справедливости; но разобраться въ сложныхъ вопросахъ, выдвигавшихся новымъ укладомъ жизни, ему было не подъ силу, и онъ невольно вспомнилъ о старомъ испытанномъ средствѣ, на которое указывалъ въ своемъ поученіи Мономахъ: „аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи... цѣлуйте и цѣловавше блюдѣте, да не приступни погубите, душѣ своеѣ“. Съ этой мыслью онъ всталъ, поклонился и сказалъ немногословно, но твердо: „А мы вси крестъ цѣловали на томъ, ако кдѣ твоя обида будеть, а намъ быти съ тобою“. Затѣмъ, обратившись къ Переяславскому князю, онъ сказалъ: „брате миръ съ нами възми, а крестъ къ намъ

цѣлуй, а крови не проливай!“ Его сосѣдъ, молодой своякъ, всталъ вмѣстѣ съ нимъ и молчаливымъ поклономъ далъ понять, что и онъ того же мнѣнія.

Когда же Туровскій князь, не утерпѣвъ, прибавилъ какъ бы про себя, но достаточно громко, что если кто не желаетъ подчиниться рѣшенію старшихъ, то пусть убирается къ уграмъ или ляхамъ, „либо къ отцю своему, дьяволу“, то молчавшій доселѣ мрачный рыжебородый племянникъ сурово заявилъ, метнувъ враждебно глазами въ сторону дяди: „Мнѣ отчины нѣту въ Угрѣхъ, ни въ Лясѣхъ, токмо въ Рустѣй земли“ и стукнулъ мечомъ объ полъ. Упрямый старикъ и на это замѣтилъ ему вызывающимъ тономъ: „Не шуми, сиди за печью, сверчокъ!“.

Долго крѣпился молодой Переяславскій князь, едва сдерживая свой гнѣвъ, когда стрій (дядя) стучалъ посохомъ и кричалъ на него; онъ то поддавался увѣщаніямъ старшей братіи, то, вспоминая нанесенныя ему обиды, порывался высказать все накипѣвшее въ душѣ; но, наконецъ, не выдержалъ. Злобныя слова Туровскаго князя заставили его заговорить. „Восприимше буй помыслъ“, поднявъ руку по направленію къ стрію, онъ выступилъ на защиту правъ младшей братіи; онъ доказывалъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ такія же права на общее достояніе, какъ и старшіе, что всѣ они—одного княжескаго рода, и что если старшіе и впредь будутъ ихъ тѣснить, то они будутъ добывать себѣ села и города „съ бою“: „не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту“, говорилъ онъ: „мира съ тобой не хощу, а мужи у мене есть“. Съ этими словами онъ круто повернулся и, весь дрожа отъ гнѣва, вышелъ вонъ; вслѣдъ за нимъ гурьбой, злобно озираясь, ушли и его единомышленники. Старшіе остались одни [1]).

На слѣдующій день князья совѣщались съ сопровождавшими ихъ въ Кіевъ боярами и дружиною, причемъ младшіе князья „особь (отдѣльно) думаху“. Князь Переяславскій ука-

[1]) Еще лѣтъ 20—30 тому назадъ, когда начало родового старѣйшинства было сильнѣе, такой съѣздъ, навѣрное кончился бы тѣмъ, что князья „исправили“ бы все „нелюбье межю собою“, и лѣтописецъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія такъ бы окончилъ свою запись: братья сотвориша миръ межи собою... цѣловаша крестъ... и розъѣхашася“. Теперь дѣло кончилось иначе.

зывалъ братіи и дружинѣ на то, что послѣ ожидаемой смерти старѣйшаго Кіевскаго князя „всихъ насъ старѣй“ будетъ Туровскій князь, но онъ „съ нами не умѣетъ жити“, и потому надо теперь же воспротивиться его завоевательнымъ стремленіямъ и отнять у него надежду на старѣйшинство. И вотъ „сдумавше съ мужи и съ дружиною своею“ и „видѣвше у себе силу великую“, младшіе князья рѣшили не уступать; „а брань славна лучьши есть мира студна“, говорили они, „со лживымъ миромъ живуще, велью пакость землямъ творять“; „и сташа вся братья на конихъ“, и послали племянники своему стрію, князю Туровскому, сказать: „перемога насъ (пересилъ), тобѣ вся земля“. Послѣ того всѣ разъѣхались „восвояси“.

А на слѣдующую весну начались опять военныя дѣйствія. Ожесточеніе Туровскаго князя дошло до крайняго предѣла.

Созвавъ передъ походомъ „боляры и первыя своя люди“, онъ открылъ имъ свои злобныя намѣренія: „се пришелъ товаръ въ руки“, говорилъ онъ, „вамъ же буди кони, брони (оружіе), порты (одежда); а человѣка оже (если) кто иметь (возьметъ въ плѣнъ) живаго, то самъ будетъ убитъ; аще и золотомъ шито облечье (оплечье) будетъ, убій, да не оставимъ ни единаго же живаго; аще (если) кто изъ полку утечеть (убѣжитъ), не убитъ, имемъ (поймаемъ), а тѣхъ вѣшати или распинати; а о князѣхъ, оже будутъ у насъ въ рукахъ, то сгадаемъ“ (рѣшимъ потомъ)...

Противная сторона готовилась къ борьбѣ не менѣе усердно; братья-племянники посылали къ другимъ князьямъ, „помоги просяще“; ихъ союзникъ, черниговскій князь, прислалъ имъ триста человѣкъ дружины.

Тѣмъ временемъ „преставися“ князь Кіевскій, который передъ смертью принялъ схиму[1]).

„Тое же зимы“, замѣчаетъ лѣтописецъ, „знаменія бысть многа на небеси... отторгаху бо ся звѣзды на землю; знаменья бо въ небеси... не на добро бываютъ: но знаменья сица на зло бываютъ — или проявляють рати (предвѣщаютъ войну), или гладъ, или смерти проявляють“.

---

[1]) Схима — полное отреченіе монаха отъ всѣхъ земныхъ помысловъ.

Туровскій князь не нашелъ нигдѣ поддержки; „тяжко бысть ему, зане не бысть помочи ему ниоткуду же“, и въ предстоявшей борьбѣ его ждала печальная участь.

Военныя дѣйствія, какъ и всегда, начались съ того, что князья-племянники ворвались въ предѣлы Туровскаго княжества и начали воевать села и города, уничтожая хлѣбъ и забирая въ плѣнъ челядь. Наконецъ, верстахъ въ десяти отъ Турова они встрѣтили своего противника готовымъ къ бою.

Въ послѣдній моментъ, наканунѣ битвы, къ Туровскому князю пришли неожиданно на помощь угры, въ количествѣ 2000 человѣкъ; такъ какъ они были очень утомлены походомъ, то князь выслалъ имъ изъ Турова „питье много“. „Угре же пьяни величахуся, рекуще: оже на ны придуть, а мы ся съ ними бьемъ“. Князь, разставивъ на ночь „сторожи“, легъ спать вмѣстѣ съ уграми. Въ полночь прибѣжали будить князя встревоженные воины, поставленные на стражѣ, извѣщая его о приближеніи непріятеля. Князь съ дружиною „всѣдъ на кони и нача будити Угры; Угре же лежахуть пьяни, яко мертви“. „И бысть противу свѣту“ (раннимъ утромъ) подошли молодые князья со своими и съ черниговскою дружинами.

„Возложивше надежю на Бога и на Пречистую Матерь Его и на святыя ангелы Его“, князья воскликнули: „убо смерть намъ здѣ, да станемъ крѣпко!“ и начали битву. И „тресну аки громъ“, говоритъ лѣтописецъ, „и брань бысть люта межи ими“... „и бишася наченьше съ заутра и до вечера“. Погибло съ той и съ другой стороны не мало бояръ и простыхъ „воевъ“, причемъ всѣ угры были умерщвлены въ пьяномъ видѣ. Послѣ битвы наступилъ тихій сырой вечеръ; и слышенъ былъ крикъ живыхъ, „иже не до смерти убитыхъ, и вытье прободеныхъ“ за десять верстъ въ Туровѣ-городѣ и его окрестностяхъ, и некому было хоронити мертвыхъ; многіе во время бѣгства утонули въ рѣкѣ; нѣкоторые спаслись бѣгствомъ.

Въ числѣ погибшихъ былъ и престарѣлый Туровскій князь. А племянники, воспользовавшись разстройствомъ туровской дружины, „взяша села вся и полонъ многъ, и възвратишася всвояси опять“, землю Туровскую „пусту створивше и пожгоша всю“.

Однако не долго пришлось радоваться племянникамъ послѣ побѣды. „Тяжко бысть Кыяномъ, не осталъ бо ся бяшеть у нихъ никаковъ князь“; и послали кіевляне епископа въ Смоленскъ пригласить въ Кіевъ слѣдующаго брата изъ той же любимой ими семьи[1]); „поиди къ Кыеву“, долженъ былъ сказать епископъ — „атъ не возьмуть насъ Половци“. Такимъ образомъ, Кіевъ попалъ въ руки одного изъ дядей, бывшихъ на съѣздѣ; этотъ князь понималъ старшинство въ прежнемъ его родовомъ значеніи и постоянно твердилъ: „противу моложьшему не могу ся поклонити“. И борьба продолжалась[2]).

---

[1]) Пользуясь княжескими усобицами, областные города пріобрѣтаютъ въ XII вѣкѣ значеніе руководящей политической силы; съ половины XII вѣка перевѣсъ беретъ начало избранія князей населеніемъ.

[2]) Въ борьбѣ, которую мы прослѣдили, передъ нами вскрывается яркая картина разложенія старыхъ формъ междукняжескихъ отношеній и зарожденія формъ новыхъ. Выйдя изъ ячейки нехитраго семейнаго строя, эти отношенія постепенно, и съ особенною быстротою со второй четверти XII вѣка, стали изъ родовыхъ превращаться въ политическія: отеческая опека должна была уступить мѣсто простому политическому первенству, которое принадлежало въ XII вѣкѣ кіевскому князю, однако при условіи сохраненія полной самостоятельности за остальными князьями. Старѣйшій по родству долженъ былъ стать старѣйшимъ по положенію, но только какъ „первый между равными“. Въ смыслѣ политическомъ понималъ старѣйшинство и Батый, когда въ 1243 г., передавая Ярославу Всеволодовичу первенство среди русскихъ князей, говорилъ ему: „будь ты старѣй всѣмъ княземъ въ Русскомъ языцѣ“. Громадный княжескій родъ не могъ держаться единодушнымъ согласіемъ всѣхъ членовъ; не выросла еще и та форма политическаго господства одного лица, которую мы видимъ впослѣдствіи въ Москвѣ, и силою вещей долженъ былъ наступить тотъ промежуточный періодъ, когда, съ ослабленіемъ чувства родственной любви и родовой власти, возникаютъ частные политическіе союзы, какъ для поддержанія политическаго равновѣсія, необходимаго для осуществленія дѣйствительной самостоятельности отдѣльныхъ князей, такъ и въ цѣляхъ самообороны отъ кочевниковъ. Понятно, что при такомъ положеніи вещей князь, претендовавшій на главенство въ родѣ и желавшій занять кіевскій столъ, долженъ былъ „умѣть жить“ съ своими сородичами, долженъ былъ обладать соотвѣтствующими политическими дарованіями и тактомъ. И когда Андрей Боголюбскій заговорилъ съ южными князьями языкомъ самодержца, то онъ встрѣтилъ отпоръ, ибо „не приспѣ“ еще время. Процессъ перерожденія семейныхъ формъ княжескаго быта въ бытъ государственный, начавшійся еще въ Кіевской Руси и переданный ею предпріимчивому сѣверу, предварительно долженъ былъ пройти путь превращенія княжескаго рода изъ тѣснаго кружка лицъ, родственныхъ по крови, въ своеобразное сочетаніе самостоятельныхъ княжескихъ владѣній, которое мы относимъ къ особому — удѣльному періоду русской исторіи.

Н. Н. Тарасовъ и А. Ф. Гартвигъ.

Изъ исторіи русской культуры.

Половецкій набѣгъ.

Изданіе В. В. Думнова.

МОСКВА.—1908.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

Половецкій набѣгъ.

Половецкій набѣгъ[1]).

„Придоша Половци..... на Русьскую землю"... Лавр. лѣтоп. 6569.

Южно-русская равнина, сливающаяся у Каспійскаго моря съ широкой азіатской степью, съ незапамятныхъ временъ представляла исключительныя удобства для жизни кочевниковъ. Волны кочевого населенія, издревле перекатывавшагося съ востока на западъ, здѣсь задерживались иногда надолго: роскошная травяная растительность черноземной степи была слишкомъ привлекательна.

На зарѣ нашей исторіи эта степь была грозной силой, которой недавно поселившіяся по Днѣпру и не окрѣпшія еще славянскія племена на первыхъ порахъ поневолѣ должны были подчиниться. Въ VII — VIII столѣтіяхъ, когда славяне впервые стали лицомъ къ лицу съ черноморскою и прикаспійскою степью, она была заселена сравнительно культурнымъ и мирнымъ народомъ — хозарами, поддерживавшими широкія торговыя сношенія съ Византіей и арабскимъ востокомъ; и хотя славяне должны были платить имъ дань, тѣмъ не менѣе сосѣдство съ хозарами, народомъ съ развитой гражданственностью, а также вѣковая культура южной Россіи, восходившая ко временамъ Перикла, наконецъ близость Востока и Византіи — все это имѣло благотворное вліяніе на Приднѣпровье, и давало южной жизни иной укладъ сравнительно съ жизнью суроваго и отдаленнаго сѣвера.

---

[1]) Картина исполнена для этого изданія В. К. Лебедевымъ.

Великій водный путь „изъ варягъ въ греки“ понемногу втянулъ славянъ въ общій торговый оборотъ, связывавшій Балтійское поморье съ далекой Византіей и переходившій своими боковыми путями на Донъ, Волгу и Каспій.

Въ связи съ этою сѣтью экономическихъ отношеній, постепенно развертывавшихся, у славянъ появляются рынки — погосты, и племенной бытъ переходитъ въ областной, руководимый высшимъ военно-торговымъ классомъ промышленныхъ центровъ Приднѣпровья. Однако этотъ медленный хозяйственный процессъ, подготовлявшій почву для политическаго и гражданскаго объединенія Днѣпровской Руси, получилъ вскорѣ первый сильный ударъ со стороны степи. Въ началѣ IX вѣка съ востока въ тылу у хозаръ появляются кочевники — печенѣги и торки.

Не смотря на сопротивленіе хозаръ, дикія орды въ 30-хъ годахъ IX вѣка прорываются сквозь хозарскія поселенія и кочевья на западъ за Донъ и засоряютъ дотолѣ чистыя степныя и рѣчныя дороги днѣпровскихъ славянъ. Хозарская власть уже не въ состояніи была оберегать славянскихъ купцовъ на востокѣ. Главные торговые города Приднѣпровья должны были сами взять на себя защиту своей торговли и торговыхъ путей.

Съ этого времени города начинаютъ вооружаться, опоясываться стѣнами, запасаться ратными людьми, и на сцену русской исторіи выступаютъ варяги.

Обязанность варяжскихъ князей „блюсти Русскую землю и имѣть рать съ погаными“ заставляетъ ихъ увеличивать на окраинахъ количество укрѣпленій. Уже Олегъ, по словамъ лѣтописца, „нача городы[1]) ставити“; Владимиру вкладываются въ уста слова: „се не добро, еже мало городовъ около Кіева“, и онъ строитъ ихъ по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, заселяя ихъ ратными людьми и соединяя ихъ валами, частоколомъ и засѣками, которыя тянулись на десятки верстъ. Все княженіе Владимира проходитъ въ упорной борьбѣ съ печенѣ-

[1]) Выраженіе „ставить городъ“ означаетъ обыкновенно только сооруженіе стѣнъ около существующаго уже поселенія для огражденія его жителей отъ внезапныхъ вторженій.

гами, которые раскинулись по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра восемью ордами.

Около половины X вѣка передовыя кибитки печенѣговъ начинались на разстояніи лишь одного дня пути отъ Кіева. Въ началѣ XI вѣка послѣ полувѣковой упорной борьбы, Русь успѣла пробиться въ степь на одинъ день пути, т.-е. отвоевать еще верстъ 40.

Великій князь Ярославъ продолжаетъ укрѣплять границы: на югѣ онъ строитъ цѣлый рядъ острожковъ по берегамъ рѣки Роси (Поросье). Къ этому времени вырабатываются техническіе пріемы строительства и устанавливаются размѣры вознагражденія за трудъ „городникамъ" (инженерамъ), которыхъ князь посылаетъ для „городняго дѣла".

При Ярославѣ борьба съ печенѣгами кончилась. Въ 1036 г., послѣ пораженія, нанесеннаго Ярославомъ подъ Кіевомъ, „побегоша Печенѣзи розно".

Но, избавившись отъ печенѣговъ, Кіевская Русь не освободилась отъ гнета со стороны степи: въ это время за Ураломъ уже поднимается новая волна кочевниковъ — половцевъ[1]). Это былъ врагъ болѣе многочисленный и сильный, и потому болѣе опасный. Цѣлыхъ полтора вѣка Русь неустанно борется съ этимъ врагомъ. „Въ лѣто 6569 (1061) придоша Половци первое на Русьскую землю воевать", говоритъ лѣтописецъ, и съ этихъ поръ сѣтованія о набѣгахъ половецкихъ идутъ почти безъ перерыва. Въ періодъ времени отъ 1061 г. до 1210 ихъ отмѣчено 46, но, конечно, не всѣ записаны, и населенію южныхъ областей, особенно Переяславской, Черниговской, Кіевской, приходится напрягать всѣ свои силы, чтобы отстоять свою жизнь и имущество.

Для защиты жизненныхъ интересовъ населенія складывается особая военная организація, во главѣ которой становится князь со своей дружиной. Чѣмъ многочисленнѣе дружина, чѣмъ искуснѣе княжіе „мужи" въ ратномъ дѣлѣ и чѣмъ

---

[1]) Половцы, иначе кумане, кипчаки, такъ же, какъ и печенѣги и торки, принадлежали къ одной семьѣ — тюрковъ.

лучше отношенія между княземъ и дружиною, тѣмъ сильнѣе князь, тѣмъ бозопаснѣе живется населенію области.

А опасность грозитъ землѣ почти всегда — и отъ князей, постоянно ведущихъ междоусобныя войны, и со стороны степняковъ, готовыхъ въ любой моментъ воспользоваться оплошностью обороны и напасть на область, ограбить смердовъ и бояръ, сжечь села и даже города. Противъ такихъ внезапныхъ нападеній должны быть наготовѣ и князь, и дружина, и все населеніе. Дружина — ядро войска; она больше всего изощрилась въ военномъ дѣлѣ, она имѣетъ и лучшее вооруженіе. Младшая дружина всегда готова для небольшого похода, она — передовой отрядъ, выпускаемый на врага. Старшая дружина, это — мужи боевого опыта и совѣта; старшіе дружинники сами владѣльцы дружинъ, иногда въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ опасное время бояре съ этими дружинами собираются къ князю.

Но не всегда одна дружина могла справиться съ врагомъ. При нападеніи сильнаго и многочисленнаго врага являлась потребность въ подмогѣ, и на помощь дружинѣ призывалось тогда земское ополченіе — вои.

Когда такая бѣда обрушивалась на княжество, вѣче рѣшало войну, и дѣлалось обязательнымъ выступленіе всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе. Посылались гонцы; въ извѣстныхъ мѣстахъ собирались, бросивъ всѣ дѣла, вои, смотря по достатку, пѣшіе или конные, съ кормовыми запасами для своего пропитанія. У кого не было коней и оружія, то и другое могли имъ дать изъ княжеской казны. По рѣкамъ въ насадахъ[1]) или берегомъ, если не было дорогъ, двигались походомъ вои, везя „на повозѣхъ“, пока не предвидѣлось битвы, запасы и оружіе, и высылая впередъ сторожевой отрядъ, который старался собрать свѣдѣнія о мѣстопребываніи непріятеля, захватить въ плѣнъ людей, поймать языка[2]).

[1]) Насадъ — плоскодонное судно.

[2]) Языкъ, это — или плѣнный врагъ, который подъ угрозою пытки могъ дать свѣдѣнія о непріятельскомъ войскѣ, или перебѣжчикъ, готовый служить тому, кто сильнѣе и кто больше платитъ.

Чтобы въ моментъ опасности безъ замѣшательства и съ возможною быстротою можно было бы собрать и двинуть полки воевъ, нужно все дѣло наладить заранѣе. Для этого во главѣ земскаго ополченія „держать воеводство“ ставитъ князь своего дружинника, опытнаго въ ратномъ дѣлѣ, тысяцкаго, который за свое воеводство получаетъ отъ мѣстнаго населенія содержаніе натурою — кормъ. Онъ долженъ разбить способное итти на войну населеніе на сотни и десятки, подъ начальствомъ сотскихъ и десятскихъ. назначить мѣста для сбора, слѣдить, чтобы въ случаѣ нужды вои собирались на ратную службу вó-время; онъ долженъ вести ихъ въ бой, подъ общимъ воеводствомъ князя, бокъ о бокъ съ его дружиною.

Благодаря такой организаціи военнаго дѣла и общей своей сплоченности южные князья въ общемъ довольно успѣшно дѣйствовали противъ половцевъ, и въ началѣ XII столѣтіе половецкія кочевья отодвинулись дальше на югъ отъ Роси — къ днѣпровскимъ порогамъ и рѣкѣ Ингулу.

Владимиръ Мономахъ особенно успѣшно объединялъ князей въ этой борьбѣ со степью и даже перешелъ отъ оборонительной войны къ наступательной[1]). Но отдѣльнымъ князьямъ, особенно переяславскимъ, трудно было справляться съ половцами, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ смерти Владимира Мономаха (1125) и его сына Мстислава (1132) раздоры между князьями усилились, и „поганые стали со всѣхъ сторонъ приходить съ побѣдами на русскую землю“.

А въ это время какъ разъ создаются еще два неблагопріятныхъ для Приднѣпровской жизни условія. Съ одной стороны, постепенно падаетъ внѣшняя торговля, такъ какъ съ появленіемъ турокъ и началомъ крестовыхъ походовъ Византія постепенно приходитъ въ упадокъ, а индійскій и арабскій востокъ завязываетъ непосредственныя сношенія съ Западной Европой черезъ Средиземное море; кромѣ того, торговля генуэзцевъ къ концу XII вѣка переходитъ съ устья Днѣпра къ устью

[1]) Такихъ общихъ походовъ намъ извѣстно семь; одинъ изъ нихъ, походъ Новгородъ-Сѣверскаго князя Игоря Святославовича въ 1185 г. воспѣтъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“; этотъ походъ, какъ извѣстно, былъ неудачнымъ.

Дона, изъ древняго Корсуня въ новую Тану. Приднѣпровье остается въ сторонѣ отъ новыхъ торговыхъ путей, и теряетъ свое значеніе. Съ другой стороны, во внутреннемъ строѣ Кіевской жизни совершается переворотъ. Къ XII вѣку хозяйственное положеніе верхняго слоя населенія измѣняется: изъ рабовладѣльцевъ (огнищанъ), какими были княжіе мужи въ IX—X столѣтіяхъ, они теперь превращаются въ бояръ-землевладѣльцевъ; прежняя неустойчивость положенія, связанная съ непосѣдливостью князей, то и дѣло переходившихъ съ одного стола на другой, теперь замѣняется стремленіемъ устроиться на мѣстѣ, и дружина пріобрѣтаетъ осѣдлость. По мѣрѣ того, какъ съ раздѣленіемъ княжескаго рода на мѣстныя линіи Русская земля распадалась на обособленныя другъ отъ друга „земли", по мѣрѣ того, какъ торговое значеніе Днѣпра стало падать, а владѣніе землей получило хозяйственную цѣну — земля стала переходить въ руки князя и его бояръ, и хлѣбопашество стало видною отраслью частнаго землевладѣнія.

Вмѣстѣ съ этимъ перестраиваются и соціальныя отношенія приднѣпровскаго населенія.

Древняя Русь не знала сословій. Въ IX—X вѣкахъ все населеніе древне-русскихъ княжествъ, съ точки зрѣнія права, представляло единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами и обязанностями. Сословныхъ различій, привязывающихъ извѣстные классы общества къ опредѣленнымъ занятіямъ, еще не было: отъ князя до послѣдняго „худаго" смерда, всякій могъ быть воиномъ, тіуномъ, священникомъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами и т. д. Каждый имѣлъ право на все, но одному удавалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣлялся, какъ человѣкъ „лучшій"; кто оставался позади всѣхъ, тотъ обозначался эпитетомъ „меньшаго" человѣка. Ступени этой лѣстницы качественныхъ различій не были замкнуты: по мѣрѣ улучшенія фактической обстановки человѣкъ самъ собою поднимался на слѣдующую ступень. И мы замѣчаемъ въ жизни Кіевской Руси, благодаря изобилію природныхъ богатствъ и оживленной внѣшней торговлѣ, при-

знаки значительныхъ успѣховъ въ развитіи матеріальной и духовной культуры.

Въ частности положеніе простого свободнаго сельчанина— смерда—можетъ быть названо довольно благопріятнымъ. Пищей и одеждой онъ былъ обезпеченъ въ достаточной мѣрѣ; онъ имѣлъ право собственности, которымъ пользовался или на личномъ или на общинномъ началѣ; его земля и конь, необходимый для обработки земли, пользуются защитой обычнаго права, и верхніе слои, предпринимая войну, боятся, какъ бы не „погубити смерды и ролью[1]) ихъ“; и если „за княжь конь“ полагалось „3 гривнѣ“, то „за смердѣ 2 гривнѣ“ продажи[2]). Какъ свободныя лица, смерды несутъ въ составѣ того общества, къ которому принадлежатъ, повинности въ пользу государства, и платятъ дань князю; они носятъ оружіе, входятъ въ составъ войска, юридически отвѣтственны за свои поступки и не подлежатъ наказанію безъ приказа подлежащей власти. Наконецъ, несмотря на то, что они составляютъ низшій классъ свободнаго населенія, они при удачѣ могутъ подняться въ самые высшіе его слои[3]).

Но къ XII вѣку, когда развивается крупное зевлевладѣніе, положеніе смерда начинаетъ измѣняться къ худшему: древнерусское свободное село, населенное смердами, начинаетъ уступать свое мѣсто селу частнаго землевладѣльца, населенному холопами и полусвободными наймитами и закупами. Частному землевладѣнію — княжескому, боярскому и монастырскому — нужны рабочія руки и нужны въ большомъ количествѣ: и „челядь“ становится необходимой его принадлежностью. Отсюда стремленіе раздобыть „страдника“, т.-е. холопа-земледѣльца. Такихъ возможностей было двѣ: взять „въ полонъ“ людей у сосѣда и превратить свободнаго смерда сначала въ „ролейнаго наймита“ или „закупа“, а потомъ и въ „обельнаго холопа“[4]).

---

[1]) Пашню смердовъ.

[2]) Продажа — штрафъ въ пользу князя въ обезпеченіе общественныхъ интересовъ.

[3]) Среди галицкихъ бояръ находимъ двухъ „отъ племени смердья“.

[4]) Обельный отъ облый, круглый, полный; источниками холопства, кромѣ того, были: происхожденіе отъ холопа, поступленіе на службу безъ ряда (договора) и продажа.

Княжескія усобицы XII вѣка, когда родовые счеты не могли уже имѣть рѣшающаго значенія, во многихъ случаяхъ объясняются борьбою за землю и рабочія руки. Весьма распространеннымъ военымъ обычаемъ князей было — вторгнувшись во вражескую страну, разорить ее и набрать какъ можно больше плѣнныхъ; по тогдашнему русскому праву они обращались въ рабство и селились на частныхъ земляхъ князя и его дружины, съ которой князь дѣлился своей добычей[1]).

Въ борьбѣ съ соперникомъ первымъ дѣломъ было пожечь его села и забрать его хозяйственные запасы, хлѣбъ, скотъ, челядь. Лѣтописецъ XII вѣка, разсказывая объ удачномъ вторженіи князя въ чужую волость, иногда заканчиваетъ разсказъ замѣчаніемъ, что побѣдители воротились, „ополонившись челядью и скотомъ“.

При такомъ положеніи вещей смерду приходилось выбирать между смертью и неволею, и онъ изъ двухъ золъ естественно предпочиталъ второе. Не будучи въ силахъ, при слабой заселенности страны, сплотиться и противостать вооруженной силѣ, смердъ ищетъ защиты у властнаго боярина или князя, который могъ оградить его отъ покушеній сосѣда и набѣговъ степняка. Къ этому присоединяется еще уменьшеніе количества свободныхъ земель и невозможность вести самостоятельное хозяйство, и вотъ свободное населеніе Приднѣпровья постепенно становится въ зависимость отъ богатыхъ владѣльцевъ — князей, бояръ и монастырей. Чтобы поправить свои дѣла, поднять свое разоренное русскимъ или иноплеменнымъ набѣгомъ хозяйство, смердъ или нанимается въ батраки и становится „ролейнымъ наймитомъ“ въ княжескомъ или боярскомъ селѣ, или беретъ у богатаго сосѣда въ ссуду — деньги, сѣмена на посѣвъ, плугъ, борону и рабочую лошадь. Пока онъ не отработаетъ своего долга или не возвратитъ ссуды съ процентами, онъ находится въ тяжелой зависимости отъ кредитора; смердъ становится „закупомъ“.

[1]) Поговорка, ходившая о князѣ Романѣ Волынскомъ (кон. XII в.), — „худымъ живеши, литвою ореши“ — показываетъ, что онъ сажалъ литовскихъ плѣнниковъ на свои княжескія земли, какъ крѣпостныхъ работниковъ. То же самое продѣлывалось и по отношенію къ населенію князя родича.

Законъ суровъ: онъ тщательно ограждаетъ интересы капитала и крупнаго землевладѣнія. Нѣтъ ничего легче, какъ впасть въ зависимое положеніе. Стоитъ только дать хлѣба или показать дорогу бѣглому холопу или рабѣ, и смердъ уже платитъ хозяину штрафъ въ 5 гривенъ за холопа и 6 гривенъ за рабыню, т.-е. ихъ рыночную стоимость; поможетъ смердъ бѣжавшему, утаитъ его — онъ платитъ не только убытки, понесенные хозяиномъ, но и „продажу", т.-е. штрафъ въ пользу князя, въ размѣрѣ 12 гривенъ. Задолжалъ смердъ, онъ уже или становится вѣчнымъ работникомъ на господина со слабой надеждой на свободу или, какъ неоплатный должникъ, продается въ рабство[1]).

Правда, интересы закупа ограждены тогдашнимъ обычнымъ правомъ: въ случаѣ обиды закупъ можетъ жаловаться суду на своего господина; хозяинъ не можетъ ни бить закупа, „самъ не зная за что, безъ вины", ни взыскивать съ него слишкомъ высокую цѣну за пропавшую по его винѣ вещь; отработавъ свой долгъ или дослуживъ свой срокъ, закупъ или наймитъ становится опять свободнымъ человѣкомъ. Однако, „за дѣло" его все же можно бить, на судѣ онъ можетъ быть свидѣтелемъ только „по нуждѣ" и то въ „маломъ искѣ", а если онъ, видя, что долга отработать никогда не будетъ въ состояніи, вздумаетъ бѣжать, то, будучи пойманъ, онъ становится холопомъ навсегда. А положеніе холопа еще тяжелѣе, оно прямо безотрадно. Холопъ приравнивается къ вещи: его можно продать, его можно истязать; за убійство холопа господинъ не отвѣчаетъ.

Къ описываемой эпохѣ и относится изображенный на картинѣ разгромъ боярскаго двора средней руки[2]).

---

[1]) Насколько низка была заработная плата, сравнительно съ размѣрами штрафа, видно хотя бы изъ того, что годичная заработная плата двухъ женщинъ равнялась одной гривнѣ.

[2]) Жизнь богатаго княжескаго двора въ Приднѣпровской Руси была разсчитана на большое количество людей, на широкій размахъ хозяйства. На „добромъ дворѣ" крупнаго южнаго князя могло быть до тысячи человѣкъ холоповъ, въ погребахъ и медушахъ стояло по нѣскольку сотъ берковцевъ меду, по нѣскольку десятковъ корчагъ вина; въ стадахъ княжескихъ ходило до 1000 коней, по нѣскольку тысячъ кобылъ, для которыхъ на зиму заготовлялось по нѣскольку сотъ стоговъ сѣна. Однако, даже у Владимира Мономаха обстановка двора поражаетъ своей простотой, и князь могъ до всего доходить самъ.

* * *

На берегу рѣки раскинулось село и боярская усадьба; она обнесена тыномъ или столпьемъ; кто былъ побѣднѣе, довольствовался изгородью изъ кольевъ и плетня. Главную часть высокихъ хоромъ боярина составляетъ „истопъка“ — это зимнее жилье съ муравленой или простой кирпичной печью; черезъ обширныя крытыя „сѣни“, которыя служатъ пріемной комнатой, идетъ ходъ въ „клѣть“ — лѣтній покой, который часто служитъ и кладовой для болѣе цѣнныхъ вещей: оружія, мѣди, свинца и всякаго другого добра. Въ „подклѣти“ или подвалѣ — нижней части хоромъ — живутъ „людіе“ и хранятся домовые припасы, которые должны быть подъ рукой: мука, соль, хлѣбы, копченое мясо, сало, а также что попроще изъ вещей — порты, холстъ, овчина, всякаго рода „скора“, воскъ, оружіе для людей, глиняные горшки и другіе предметы домашняго обихода. Въ покояхъ стоятъ кровати, лари для болѣе цѣнной одежи, узорочья, паволокъ, дорогихъ шкурокъ и всякаго „рухла“, а на полкахъ жбаны, мисы, ковши, ложки и разная домашняя утварь; скамьи, столы и стольцы (табуреты) по стѣнамъ, а также разбросанныя кое-гдѣ на полу и скамьяхъ медвѣжьи или рысьи шкуры дополняютъ незатѣйливое внутреннее убранство хоромъ, придающее имъ нѣсколько суровый, но своеобразный видъ.

По сосѣдству съ хоромами во дворѣ находится церковь а также различныя дворовыя строенія, крытыя соломой. Среди этихъ построекъ выдѣляется, прежде всего, „одрина“ — помѣщеніе, предназначенное для разныхъ надобностей; одрина могла служить прохладнымъ мѣстомъ для послѣобѣденнаго сна въ лѣтніе жары; здѣсь тіунъ могъ творить судъ и расправу по порученію господина; сюда же могли сложить и лучшее сѣно, а также сельскохозяйственный инвентарь[1]): плуги, бороны,

---

Во дворѣ боярскомъ, остатки котораго виднѣются на картинѣ, на дальнемъ планѣ, конечно, добра и людей было гораздо меньше, но общій укладъ жизни былъ тотъ же, что и у богатаго князя.

[1]) Благодаря раскопкамъ на Княжой горѣ въ 7 верстахъ ниже Канева близъ села Пекари при впаденіи рѣки Роси въ Днѣпръ удалось вскрыть культуру, какъ полагаетъ Н. Ф. Бѣляшевскій, X—XII вѣковъ. Здѣсь найдены наральники, косы, серпы, зерна ржи,

косы, топоры, остроги для рыбной ловли серпы и „рогаліе“ (землекопныя орудія). Рядомъ находится „порубъ“ съ маленькимъ окошечкомъ — мѣсто заключенія для провинившихся холоповъ или плѣнныхъ. Въ хлѣвахъ или чаще въ „забоѣ“ [1]) стоитъ домашній скотъ: быки, коровы, телята, козы, овцы, бараны и свиньи; особеннымъ вниманіемъ боярина пользуются его боевые кони дорогой породы, для которыхъ устроена конюшня; неподалеку видны большіе запасы сѣна, приготовленнаго въ огромныхъ стогахъ на зиму. Замѣтной частью боярской усадьбы является птичій дворъ, гдѣ находится много куръ, гусей, утокъ, лебедей и журавлей. На краю усадьбы находится гумно, гдѣ сложены огромныя скирды хлѣба и гдѣ „на тоцѣ“ молотятъ его крѣпкими „чепи“, и овинъ, гдѣ сушится часть хлѣба передъ обмолачиваніемъ. Необходимость хранить хлѣбъ заставляетъ устраивать сусѣки, клѣти, амбары и глубокія ямы, гдѣ прятали рожь, отчасти пшеницу, просо, чечевицу, горохъ и полбу, ячмень и овесъ, макъ и хмель, коноплю и ленъ. Въ большихъ погребахъ стоятъ корчаги „зелена вина“ и много „медовъ стоялыхъ“. Въ отдаленіи отъ построекъ баня. Наконецъ, позади хоромъ расположенъ хмельникъ, небольшой „садъ красенъ“, гдѣ растутъ яблоки и особый загонъ, гдѣ растетъ „овощъ“ — рѣпа, капуста, тыквы, бобы, чеснокъ и лукъ.

Все хозяйство здѣсь ведется по преимуществу трудами закуповъ и холоповъ. Во главѣ хозяйства стоитъ ключникъ изъ холоповъ же — сельскій или „ратайный тіунъ“: онъ хорошо знаетъ свою братію, отъ его зоркаго взгляда и тяжелой руки не ускользнетъ никто; и бояринъ цѣнитъ его, такъ какъ онъ отлично соблюдаетъ интересы своего господина. Онъ носитъ

проса, гречихи и нѣсколько глубокихъ ямъ, служившихъ для храненія ихъ, желѣзные крючки, свинцовыя пластинки и остроги для рыбной ловли, небольшая наковальня и два молотка—одинъ тяжелый, другой небольшой, топоры разной формы, сплошные желѣзные долота, буравы, стамески, инструментъ для набиванія обручей, ножницы для стрижки овецъ, желѣзные ножи, небольшія кресала для добыванія огня, посуда глиняная, ведра изъ листовой мѣди, жернова изъ кирпичной массы. Эти раскопки впервые дали въ такомъ большомъ числѣ и разнообразіи предметы домашняго быта, относящіеся къ эпохѣ X—XII вѣковъ.

[1]) Мѣсто, обнесенное кольями или тыномъ.

хорошую одежду, пользуется внѣшнимъ довольствомъ и лелѣетъ надежду со временемъ выкупиться на свободу, но послѣдній бѣднякъ ему не позавидуетъ: „Лучше мнѣ видѣть свою ногу въ лаптѣ, нежели въ красномъ сапогѣ на боярскомъ дворѣ“, говорится въ Словѣ Даніила Заточника; „Лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ, на боярскомъ дворѣ... Сколько ни городись онъ, но укора своего не избыть — холопьяго имени“.

Бояринъ, его „отроки“ и тіуны встаютъ рано вмѣстѣ съ восходомъ солнца. Дѣятельный бояринъ въ сопровожденіи старшихъ слугъ своихъ сначала обходитъ свой дворъ, внимательно осматриваетъ свое хозяйство, убѣждается, все ли въ порядкѣ; потомъ ѣдетъ въ поле. Тамъ соотвѣтственно времени года идетъ подъ наблюденіемъ ратайнаго тіуна тяжелая работа полузависимыхъ закуповъ и обельныхъ холоповъ обоего пола или по подготовкѣ пашни для посѣва или по уборкѣ урожая. Въ одномъ мѣстѣ бояринъ понукаетъ нерадивыхъ, въ другомъ разрѣшаетъ накопившіяся за день, за два дѣла по хозяйству, въ третьемъ производитъ судъ и расправу, „наставляетъ на добро яростію“ холопа, который чѣмъ-нибудь прогнѣвилъ его.

Къ вечеру утомленные дневными заботами успокоиваются всѣ, и семья боярина, и дворъ его, и челядь. Крѣпко спитъ боярское село, и даже почти не слышно сторожей, которые должны окликать другъ друга и прислушиваться къ тому, что дѣлается въ степи или на рѣкѣ. Не замѣчаютъ они, какъ съ разныхъ сторонъ подкрадываются къ селу и усадьбѣ половцы. Подъ утро, когда сонъ особенно крѣпокъ, вдругъ раздается дикій крикъ и завываніе кочевниковъ; мѣткими стрѣлами они убиваютъ прежде всего стражу, бросаются къ воротамъ усадьбы, взламываютъ ихъ, выбиваютъ двери, врываются въ хоромы и стараются захватить все, что поцѣннѣе: самого боярина, его жену, сына, дочь, однимъ словомъ всѣхъ, за кого можно будетъ взять богатый выкупъ или получить хорошую цѣну на восточныхъ рынкахъ; сопротивляющихся убиваютъ, не щадя даже младенцевъ. Они проникаютъ

въ церковь, куда привлекаютъ ихъ богатые оклады иконъ и утварь; они грабятъ кладовыя, шарятъ въ сундукахъ, вытаскиваютъ оттуда корзна, или епанчи[1]), драгоцѣнные пояса и украшенія; выгоняютъ скотъ изъ забоя и хлѣвовъ, захватываютъ дорогихъ коней, збрую и оружіе. Одинъ изъ нихъ предводитель этой шайки, напялилъ на себя кафтанъ и дорогую шапку, сѣлъ на лучшаго боярскаго коня, захватилъ боярыню; другой половчинъ захватилъ красавицу-боярышню, остальные гонятъ передъ собою самого боярина и его близкихъ прямо въ камыши, чтобы перейти въ бродъ рѣку. Лихіе наѣздники, вооруженные стрѣлами, саблями и арканами для ловли лошадей и людей, они, кончивъ набѣгъ, съ полными руками хватаются за поводья, подгоняютъ коней ногами, спѣшатъ уйти. На картинѣ изображенъ послѣдній актъ этой драмы. Часть кочевниковъ ускакала впередъ, угнавъ цѣлый косякъ лошадей и множество простыхъ плѣнныхъ. Предводитель, зычнымъ голосомъ торопитъ замѣшкавшихся товарищей, такъ какъ изъ сосѣднихъ укрѣпленій могутъ явиться русскіе отряды и, отправившись въ обходъ, перерѣзать имъ дорогу. Все, чего нельзя взять съ собою, они предаютъ въ жертву огню; связавъ плѣнникамъ руки, они понукаютъ ихъ, бьютъ плетью и пятами. Плѣнные, удрученные тяжкимъ горемъ, съ блѣдными лицами, часто нагіе и босые, мучимые „гладомъ“ и „водною жажею“, иные истерзанные и окровавленные, должны будутъ итти безостановочно день и ночь, пока не дойдутъ до кочевій; многіе изъ нихъ не выдержатъ страданій и умрутъ въ пути.

Но и оставшимся на мѣстѣ, спасшимся отъ половцевъ въ лѣсъ, будетъ не лучше: имъ придется переживать тяжелыя послѣдствія набѣга: избы и амбары съ хлѣбомъ сожжены, скотъ уведенъ, отецъ — поилецъ и кормилецъ семьи — убитъ или искалѣченъ, и жизнь становится невыносимой. Трудно снова наладить хозяйство, а если и удастся устроиться, то новый набѣгъ опять разрушитъ то, что съ такимъ трудомъ создавалось.

---

[1]) Верхнее одѣяніе — плащи.

* * *

Подъ вліяніемъ такихъ набѣговъ во многихъ мѣстахъ нивы забрасываются и зарастаютъ травою и лѣсомъ; и гдѣ прежде паслись стада домашнихъ животныхъ, тамъ вскорѣ водворяются дикіе звѣри; города, даже цѣлыя области быстро пустѣютъ [1]).

Русь истощалась въ средствахъ борьбы съ варварами [2]). Никакими мирными договорами нельзя было сдержать ихъ хищничества, ставшаго ихъ привычнымъ промысломъ. Мономахъ заключалъ съ ними девятнадцать разъ миръ, передавалъ имъ много платья и денегъ, чтобы прекратить вражду — и все напрасно. Съ тою же цѣлью князья женились на ханскихъ дочеряхъ; но тесть попрежнему грабилъ область своего русскаго зятя безъ всякаго вниманія къ свойству. Дружинамъ въ пограничныхъ со степью областяхъ приходилось чуть не постоянно держать своихъ коней за поводъ въ ожиданіи похода. И у народа поневолѣ возникало раздумье: стоитъ ли жить дольше на старыхъ мѣстахъ при такихъ условіяхъ.

Княжескія междоусобія, упадокъ торговли, приниженное положеніе трудового населенія и половецкія нападенія объясняютъ намъ, почему съ половины XII вѣка народъ начинаетъ уходить на новыя мѣста, частью на западъ въ глубь Галиціи и Польши, частью на сѣверо-востокъ за рѣку Угру, въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Съ этихъ поръ жизнь Кіевской

---

[1]) Поросье, густо заселенное въ концѣ XI ст. и составлявшее даже отдѣльную епархію съ каѳедрою въ Юрьевѣ на Роси, послѣ половецкаго набѣга 1095 года быстро опустѣло, причемъ даже обыватели Юрьева ушли въ новый городъ Святополчь, построенный для нихъ Святополкомъ ниже Кіева. Еще труднѣе было Переяславской землѣ, на долю которой приходилось больше всего половецкихъ набѣговъ; впродолженіе XII в. эта область постепенно пустѣла. Князь Черниговской области Святославъ Ольговичъ въ половинѣ XII в. говоритъ: „Взялъ я городъ Черниговъ съ семью другими городами, да и то пустыми: живутъ въ нихъ псари да половцы“, т.-е. княжескіе дворовые люди да мирные „поганые“, перешедшіе на Русь.

[2]) Эта изнурительная почти четырехвѣковая борьба Приднѣпровской Руси съ печенѣгами, торками и половцами оказала огромную услугу Западной Европѣ, обезопасивъ ее отъ нападеній кочевниковъ съ сѣверо-востока, какъ разъ въ самый критическій моментъ ея жизни, въ эпоху крестовыхъ походовъ, когда силы ея были отвлечены борьбою съ сарацинами. Однако, эта услуга дорого стоила самой Россіи: она сдвинула ее съ насиженнаго въ Приднѣпровьѣ мѣста и круто измѣнила направленіе ея дальнѣйшей жизни.

Руси надолго затихаетъ, и татарскій разгромъ 1240 года только довершаетъ то, что произведено было внутреннимъ процессомъ Приднѣпровской жизни и близостью степи.

Было очевидно, что нельзя молодому организму русскаго государства окрѣпнуть въ водоворотѣ тѣхъ столкновеній и передвиженій, какія происходили на югѣ; надо было поискать болѣе спокойнаго мѣста и тамъ снова начать прерванную работу. Народъ нашелъ вѣрный исходъ изъ тяжелаго положенія, и исторія наша повернула на новый путь. Съ этого момента и начинается новый ея періодъ — удѣльный.

Оцѣнивая тѣ условія, въ какихъ пришлось жить и дѣйствовать русскому народу въ первые пять вѣковъ своей исторіи, мы видимъ, что сосѣдство со степью имѣло въ его жизни господствующее значеніе. Однако, это сосѣдство, поставившее непреодолимыя препятствія правильному ходу общественнаго и государственнаго развитія Россіи, имѣетъ гораздо болѣе общее значеніе, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ, и оно должно быть разсматриваемо, какъ и всякое крупное явленіе, съ широкой общеисторической точки зрѣнія.

Вызываемая этимъ сосѣдствомъ борьба со степью, борьба земледѣльца съ кочевникомъ проходитъ черезъ всю исторію той части человѣчества, которая жила на границѣ громаднаго степного пространства, окаймляющаго пустыни нашего материка. Кочевники совершаютъ хищническіе набѣги на болѣе обезпеченное и культурное осѣдлое населеніе, земледѣльцы отстаиваютъ свое право пользоваться продуктами своего тяжелаго труда и подъ напоромъ нужды, вызываемой естественнымъ приростомъ населенія, углубляются все больше и больше въ степное пространство, захватывая и распахивая втунѣ лежащую землю.

Частью этой великой исторической борьбы и является вѣковая борьба русскаго народа съ цѣлымъ рядомъ кочевыхъ народностей, среди которыхъ позднѣе особенно видную роль играютъ татары, киргизы, калмыки и башкиры.

Въ настоящее время мы являемся свидѣтелями конца этой двѣнадцативѣковой упорной борьбы, кончающейся побѣдой земледѣльца и, можетъ быть, уже не далеко то время, когда

послѣдніе кочевники должны будутъ перейти къ осѣдлому образу жизни и взяться за соху.

Однако, въ началѣ этой борьбы кочевники, благодаря неблагопріятно сложившимся для Приднѣпровскаго населенія условіямъ, оказались сильнѣе, и русскому народу пришлось уйти въ лѣса и болота суроваго сѣвера, чтобы тамъ собраться съ силами и сложиться въ сильную и своеобразную великорусскую народность.

Н. Г. Тарасовъ и А. Ф. Гартвигъ.

Изъ исторіи русской культуры.

Въ монастырѣ.

Изданіе В. В. Думнова.

МОСКВА.—1908.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж пер., д. Лисснера.

Въ монастырѣ

Въ монастырѣ.

Картина переноситъ насъ въ древне-русскій монастырь XI—XIII вѣковъ [1]).

День догораетъ. Раскиданныя по небу облака собрались въ тучи, заволокли небосклонъ и поднялись высоко. На смѣну ушедшимъ тучамъ изъ-за лѣса въ лиловато-туманной дали ползетъ новая туча. Пока она медленно захватываетъ небо, остался просвѣтъ, и въ него прорвались снопы желто-розовыхъ лучей заходящаго солнца. Косые лучи обдали нѣжнымъ румянцемъ легкое облачко, выплывающее изъ-за лиловой тучи и подернули розоватымъ сіяніемъ бѣлыя стѣны церкви, свѣтлыя одежды мірянъ, всѣ постройки и зелень.

На монастырскомъ дворѣ задумчиво-тихо. Одинъ изъ иноковъ копается въ огородѣ, другіе носятъ воду, третьи заняты стройкой. Мѣрный звукъ топора и лязгъ рѣжущей дерево пилы разбиваютъ нависшую надъ монастыремъ тишь. Иногда къ этому примѣшивается крикъ стаи воронъ, кружащей надъ башней монастырской ограды.

Вдругъ въ воздухѣ задрожалъ ударъ и замеръ. За первымъ послѣдовалъ второй, затѣмъ — третій. Это удары въ било, призывающіе монаховъ итти въ церковь.

Съ первымъ ударомъ тихій дремлющій монастырскій дворъ оживляется. Старецъ игуменъ съ большою сѣдой бородою въ длинной мантіи въ сопровожденіи двухъ послушниковъ, опираясь на посохъ, бодро направляется къ церкви, вслѣдъ — за нимъ доместикъ [2]) съ книгою. Покидаютъ свои кельи и

---

[1]) Картина исполнена для этого изданія В. М. Кустодіевымъ.

[2]) Онъ распоряжается и управляетъ пѣніемъ и чтеніемъ въ церкви.

другіе иноки и чинно текутъ въ церковь. Спѣшатъ водоносы слить воду, торопится вратарь закрыть дверь, послѣдніе удары дѣлаютъ работающіе топоромъ...

Присмотримся внимательнѣе къ тому, что изображено на монастырскомъ дворѣ, вглядимся въ фигуры иноковъ, познакомимся поближе съ тѣмъ, какъ создался монастырь и какъ въ немъ складывается своеобразная жизнь.

* * *

Мѣсто, гдѣ расположился монастырь, изображенный на нашей картинѣ, раньше было покрыто лѣсомъ. Остатки лѣса уцѣлѣли еще за оградой. На монастырскомъ же дворѣ осталось отъ этого лѣса только одно стоящее у церкви дерево. Это дерево — безмолвный свидѣтель того, какъ возникъ и какъ жилъ все время нашъ монастырь.

Когда у князя его любимый сынъ „къ Господу отыде", опечаленный глубокою скорбью отецъ рѣшилъ сдѣлать „богоугодное дѣло": „нача здати" здѣсь, недалеко отъ города [1]) на давно облюбованномъ мѣстѣ „церковь во имя Пресвятой Богородицы" и „обитель монашествующихъ при ней содѣла".

Въ „томъ лѣсу" сосѣдніе смерды за плату отъ князя „посѣкали дерева, жерди и хврастіе"; извозники — наймиты возили на мѣсто бревна и доски, кирпичъ и камень; артель древодѣлей - плотниковъ подъ управленіемъ рядчика - старѣйшины рубила для иноковъ однообразныя небольшія кельи съ малыми оконцами и рядомъ съ ними болѣе обширную клѣть съ сѣнями для общей трапезы (см. картину), а далѣе — амбары для хлѣба, подклѣть для другихъ припасовъ, хлѣвы для скота и вокругъ всего этого ставили столпье —

[1]) Монастыри XI—XII вѣковъ устраивались въ городахъ или поблизости отъ нихъ на всп ольяхъ и подгородьяхъ. Монастырей, поставленныхъ въ пустынной мѣстности въ удаленіи отъ жилья человѣческаго, не было. Единственное исключеніе Новгородскій Хутынскій монастырь въ 10 верстахъ отъ Новгорода. Близость монастырей къ городу объясняется тѣмъ 1) что въ Греціи монастыри въ это время основывались въ городахъ или около нихъ, 2) что монастыри строились главнымъ образомъ князьями и боярами около своего мѣстожительства, 3) что христіанство первоначально сосредоточивалось въ городахъ и около нихъ, 4) что монахи легче могли находить себѣ послѣдователей въ болѣе подготовленныхъ къ христіанству городскомъ населеніи.

тынъ [1]) съ высокими башнями и воротами для выхода. Затѣмъ „каменные здатели“ посрединѣ двора на „назнаменованномъ мѣстѣ“, вывели церковь уже освященнаго обычаемъ византiйскаго образца въ видѣ куба съ алтарнымъ выступомъ на восточной сторонѣ. Толстыя массивныя стѣны они сложили изъ мѣстнаго камня и кирпича, спаявъ все вязкимъ и крѣпкимъ растворомъ извести. Каждую стѣну они расчленили вверху на три арки, по аркамъ и сводамъ они изогнули и крышу, главу покрыли оловомъ, и всю церковь „известью обѣлили“. По мѣрѣ силъ и умѣнья древодѣлямъ и каменнымъ мастерамъ помогали монахи, участвуя трудомъ въ „сограждениі“ своего монастыря. Среди нихъ оказался одинъ искусный въ иконописаніи инокъ: еще въ дѣтствѣ онъ хорошо научился этому искусству, будучи отданъ мастерамъ, расписывавшимъ въ городѣ церковь. Онъ украсилъ стѣны церкви живописью и изготовилъ не мало новыхъ иконъ.

Такъ „начался“ монастырь. На постройку и содержаніе его, князь, „имѣя великую любовь къ Святой Богородицѣ“, „вдалъ на всю жизнь свою, пока живъ“, доходы съ двухъ волостей, „по смерти въ животѣ своемъ съ княгинею — 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота“, чтобы иноки поминали вѣчно и молились за основателя и его семью по ихъ смерти [2]). Сдѣлали вклады и богатые люди — бояре, завѣщавъ похоронить себя и своихъ родныхъ въ монастырѣ, вѣруя, что всякій положенный въ обители будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ. Нашлись и такіе, которые изъ уваженія къ монастырю, приносили „на утѣшеніе братіи и на строеніе обители“ отъ имѣній своихъ денежныя вдаянія „села съ челядью, рыбныя ловища на потребу монастыря“, для „питанія странныхъ, старыхъ и немощныхъ, въ недуги впавшихъ и на прокормленіе въ гладѣ“, отдавали

[1]) Постоянная опасность заставляла прибѣгать къ оградамъ, хотя и онѣ не всегда спасали иноковъ. Въ 1096 г. Печерскій монастырь былъ разграбленъ, братія перебита и уведена въ плѣнъ половцами. Въ 1169 г. войско Андрея Боголюбскаго и князей его союзниковъ, взявъ Кіевъ, разграбило окрестные монастыри. То же повторилось въ 1240 г. при нашествіи Батыя.

[2]) Въ Новгородѣ за одну заупокойную обѣдню платили 6 кунъ (2 руб. 40 коп.); за пять обѣденъ – гривну (10 руб.), доставляя при этомъ или оплачивая отдѣльно свѣчи, ладанъ и вино. Сорокоустъ стоилъ 40 бѣлокъ (8 руб.).

монастырю и бортные лѣса „на посвѣтъ“ — для воску на свѣчи [1]). Изъ поминальныхъ вкладовъ, всякихъ вдаяній и прилоговъ княжей семьи и бояръ, изъ посильныхъ взносовъ различныхъ людей составились средства для жизни монастыря. Эти средства въ соединеніи съ тѣмъ, что получалъ монастырь отъ разработки свободныхъ земель, которыя трудомъ иноковъ и сельчанъ расчищались отъ лѣса и превращались въ луга и пашни, даютъ монастырю полную возможность существовать „нескудно“, безъ роскоши, но въ довольствѣ: всего хватаетъ на содержаніе братіи, на прокормленіе сиротъ и нищихъ и даже на украшеніе храма.

Устроенный монастырь получилъ общежитный уставъ [2]).

---

[1]) Церковь освѣщалась и масломъ. За недостаткомъ деревяннаго масла выбивали масло изъ конопли.

[2]) Монашество имѣетъ различныя бытовыя формы. Начальная его форма — анахоретство или отшельничество, когда иноки уходятъ въ пустынное мѣсто и вдали отъ людей уединенно подвизаются. Эта форма такъ же, какъ вторая форма монашества — келліотство или особножитіе перешла къ намъ изъ Византіи со второй трети X вѣка, за полстолѣтіе до крещенія кіевлянъ. Келліоты селились около церкви, на погостѣ, слободкой, ставя каждый для себя келью. Руководство жизнью ввѣрялось приходскому священнику — іеромонаху. Жизнь въ этихъ слободкахъ не была особенно стѣснена. Надѣвшій монашескую одежду, если не хотѣлъ, могъ не измѣнять образа жизни, не подвергать себя никакимъ ограниченіямъ, но благодаря монашескому одѣянію пользоваться почетомъ и даяніями. Такія слободки и были древнѣйшимъ видомъ русскаго монастыря. Другихъ монастырей на Руси не было до половины XI вѣка, когда былъ принесенъ въ Кіевъ „уставъ чернецъ Студійскихъ“, Ѳеодора Студита, вводившій третью форму монашества — киновитство или общиножитіе съ общимъ имуществомъ и одинаковою для всѣхъ жизнью. Запись, сдѣланная патріархомъ Алексѣемъ между 1034 и 1043 гг. для монастыря Успенія Богородицы въ Константинополѣ и заключавшая уставъ церковнаго богослуженія и жизни монашеской, была принята на Руси и положила основу для истиннаго монастыря со строгими правилами жизни. Настоящихъ общиножитныхъ монастырей было немного, 4—5 въ области, кромѣ Кіевской и Новгородской области гдѣ число ихъ доходило до 17—18 въ каждой. Въ Кіевѣ, гдѣ великокняжескій престолъ занимали князья изъ разныхъ родовъ и семей, каждый родъ или семья при желаніи имѣть свой монастырь, строили новую обитель. Въ Новгородѣ основывали монастыри не столько князья, сколько богатые бояре. Въ другихъ земляхъ, гдѣ плотно сидѣли княжескіе роды, прибавлялось мало новыхъ обителей. Въ промежутокъ между IX и XIII вѣкомъ насчитываютъ всего 70 монастырей. Больше всего было монастырскихъ слободокъ, меньше монастырей, основанныхъ князьями и боярами, еще меньше, созданныхъ самими монахами. Отсутствіе у монаховъ стремленія къ постройкѣ монастырей, характерное для X—XIII вѣковъ и отличающее это монашество отъ монашества послѣдующихъ столѣтій, объясняется тѣмъ, что древнерусское монашество повторяло современное ему греческое монашество, которое при обиліи монастырей, ранѣе построенныхъ, не имѣло стремленія создавать новые.

По этому уставу у монаховъ должно быть все общее, одна и та же положенная уставомъ пища въ общей трапезѣ, которую монахи вкушаютъ вмѣстѣ въ опредѣленные часы, одинаковая одежда изъ монастырской казны и въ одномъ и томъ же количествѣ и для всѣхъ одинъ общій порядокъ жизни, молитва и трудъ. Такая совмѣстная жизнь подъ управленіемъ и опытнымъ руководствомъ игумена, водворяющаго среди братіи послушаніе и повиновеніе, должна создать благоустроенную общину. Все въ этой общинѣ должно направлять инока къ одному назначенію — къ вѣчному спасенію путемъ молитвы, поста, труда и полнаго отреченія отъ міра. Эту цѣль имѣетъ уставъ монастырскій, опредѣляющій весь строй жизни инока. Уставъ требуетъ, чтобы инокъ вставалъ въ полночь и совершалъ въ своей кельѣ опредѣленное молитвенное правило и затѣмъ шелъ съ братіей въ церковь къ утреннему богослуженію. Въ церкви онъ долженъ съ глубокимъ вниманіемъ вслушиваться въ чтеніе и пѣніе, чтобы воспріять просвѣщеніе отъ Св. Духа, и не выходить раньше совершеннаго окончанія службы. Не заводя праздныхъ разговоровъ, не разсѣиваясь умомъ, отъ утрени долженъ итти инокъ къ себѣ въ келью, чтобы продолжать рукодѣлье, чтеніе или письмо, если знаетъ грамоту, или по хозяйству, — молоть хлѣбъ, копать огородъ, ходить за овощами, носить воду, рубить дрова. „Не оставайся празднымъ, чтобы праздность не научила великому злу“, говорятъ ему. Такъ онъ долженъ проводить время отъ заутрени до литургіи и затѣмъ опять итти въ церковь, а оттуда вмѣстѣ съ братіей на трапезу. Во время трапезы, вкушая пищу съ крайнимъ воздержаніемъ, онъ долженъ соблюдать молчаніе и внимать чтенію божественныхъ словесъ, чтобы принимать одновременно съ тѣлесными яствами и пищу для души. По окончаніи трапезы онъ долженъ, молча, итти прямо въ келью и, затворивъ дверь, заняться дѣломъ или прилечь на свою рогожу заснуть, пока не позвонятъ къ вечернѣ. Послѣ вечерни онъ долженъ воздерживаться отъ пищи, ничего не ѣсть, если же безсиленъ бороться съ немощью плоти, то можетъ съѣсть немного хлѣба и выпить немного воды. Затѣмъ, воздавъ Богу

вмѣстѣ съ прочими молитвы повечерья, приложившись къ св. иконамъ и поклонившись игумену, онъ, молча же, долженъ итти въ свою келью, заняться чтеніемъ или рукодѣліемъ, проводя въ этомъ время до ночи, лечь на рогожу и спать до полуночи, когда онъ снова долженъ встать и молиться.

Такой строй жизни устанавливаетъ уставъ для монаха. Но эта школа смиренія, поста, молитвы, непрерывнаго труда, умерщвленія плоти, эта школа суроваго аскетизма далеко не всѣмъ по силамъ. Для водворенія этого устава нужно, чтобы въ монастырѣ собралось не малое число сильныхъ духомъ и вѣрою людей, истинныхъ монаховъ, чтобы былъ у нихъ хорошій руководитель игуменъ, своею нравственной мощью увлекающій къ трудному дѣлу монашескаго житія.

И въ нашемъ монастырѣ не сразу наладилось такое строгое общинножитіе. Нелады шли въ монастырѣ до тѣхъ поръ, пока не нашелся игуменъ, собравшій вокругъ себя не мало высокихъ духомъ иноковъ. Большими трудами снискалъ онъ себѣ любовь и уваженіе братіи. Когда онъ скончался, печаль и волненіе охватили всѣхъ, долго они не могли избрать себѣ новаго пастыря. Шли споры, но верхъ взяла лучшая часть монашества.

Ударили въ било, сошлась братія въ церковь и начала молиться Пресвятой Богородицѣ. „И се дивно бысть дѣло“: въ церкви ко всеобщему удивленію единогласно изрекли: „послемся къ Васильеви-попови, который вдовъ. Мужъ онъ достойный, славенъ своею жизнью, добродѣтелью, благоразуміемъ, вѣрою, смиреніемъ и любовью. Будемъ просить его, чтобы онъ былъ игуменомъ и управителемъ стаду черноризцевъ“. Придя, поклонились Василью и сказали: „мы, вся братія, черноризцы, кланяемся тебѣ и хочемъ тебя имѣть себѣ отцомъ и игуменомъ“. Пораженный этимъ священникъ, также поклонившись, отвѣтилъ: „Отцы и братья, правда, сдѣлаться черноризцемъ я помышлялъ уже въ сердцѣ своемъ, но какъ вы вздумали предлагать мнѣ, недостойному, игуменство?“ Долго и много „прѣлся имъ“[1]) Василій и отрекался. Наконецъ, братья взяла его и по-

---

[1]) Т.-е. препирался съ ними.

вела въ монастырь. Тамъ его постригъ владыка и, съ согласія князя, поставилъ игуменомъ.

Идетъ двадцатое лѣто игуменства его. Старецъ, со смиреніемъ принявшій на себя трудное дѣло духовнаго водительства, ведетъ его бодро, несмотря на свой преклонный возрастъ, почерпая силы въ сознаніи своей обязанности передъ Богомъ. Онъ сталъ дѣйствительнымъ „пастыремъ святого стада и учителемъ", отцомъ и главою монастыря. О всѣхъ инокахъ онъ заботился, какъ о дѣтяхъ, ко всѣмъ относится съ равной любовью и попечительностью, онъ главный руководитель всѣхъ и каждаго въ отдѣльности въ дѣлѣ спасенія. Въ церкви, куда собирается братія на службы, онъ предлагаетъ духовныя поученія, онъ ее увѣщаетъ питать любовь къ Богу, совершать монашескіе подвиги терпѣливо и мужественно, возненавидѣть міръ и мірское, неустанно каяться и гнать отъ себя злые помыслы. „Братья", призываетъ онъ, „не оставили ли вы міра и по плоти родителей, ради Господа! Если же и пришедши сюда для спасенія, вы не духовное творите, то для чего вы облеклись въ иночество. Не избавятъ васъ отъ муки черныя ризы, если живете не по-чернечески. Устыдитеся и покайтеся, возлюбите тихое, безмятежное житіе, къ которому Господь васъ призвалъ. Воспряньте, братья, и пекитесь мысленно о душѣ своей, работайте Господеви со страхомъ и со всякимъ смиренномудріемъ!" Такъ онъ убѣждаетъ, призываетъ, поддерживаетъ слабыхъ, укрѣпляетъ малодушныхъ, согрѣшившихъ старается возвратить на путь истинный. Око игумена бодрствуетъ надъ каждымъ. Онъ наблюдаетъ, не занимается ли инокъ дѣломъ безъ его воли, желанія и благословенія, не предается ли бездѣлію и пустословію. Ночью онъ обходитъ кельи и, если слышитъ бесѣду двоихъ и троихъ, то стучитъ въ дверь кельи, отходитъ и на утро призываетъ виновныхъ и обличаетъ ихъ. Раскаивающихся прощаетъ, на другихъ накладываетъ эпитимію. Особенно строго слѣдитъ онъ за выполненіемъ обѣта нестяжательности. Всякія лишнія вещи, найденныя имъ въ кельѣ инока, онъ беретъ, предаетъ огню или отдаетъ бѣднымъ, и провинившемуся брату даетъ наставленіе.

Все въ обители совершается не иначе, какъ съ его благословенія, и онъ требуетъ, чтобы все освящалось молитвой. Когда наступаетъ время службы церковной, одинъ изъ иноковъ приходитъ въ келью игумена, чтобы испросить благословенія созывать братію. Точно такъ же поваръ изъ братіи, намѣреваясь варить пищу или печь хлѣбы, прежде всего беретъ благословеніе у настоятеля, потомъ кладетъ три земныхъ поклона передъ алтаремъ и, зажегши свѣчу отъ алтаря, разводитъ ею огонь. Если же какой братъ совершитъ что-либо безъ благословенія, то подвергается отъ игумена эпитиміи, а приготовленную пищу игуменъ приказываетъ бросить въ огонь или въ рѣку. Онъ распоряжается и расходуетъ монастырское имущество, онъ печется о благоустройствѣ храма и монастырскихъ строеній: не все закончено, увеличеніе братіи, новыя нужды, ростъ хозяйства вызываютъ расширеніе построекъ.

Однако власть игумена не произвольна. Въ своей дѣятельности онъ руководствуется уставомъ монастыря и строго исполняетъ его предписанія. Въ важныхъ случаяхъ онъ не прочь выслушать мнѣніе братіи. Игуменъ — главный начальникъ монастыря, но при всей своей энергіи и силахъ все бремя монастырскаго устава онъ не можетъ нести одинъ. У него нѣсколько помощниковъ. Одни изъ нихъ надзираютъ за поведеніемъ монаховъ, другіе вѣдаютъ церковныя дѣла монастыря и монастырское богослуженіе, третьи ведутъ хозяйство. Всѣ они избираются игуменомъ, состоятъ подъ его непосредственнымъ руководствомъ и отдаютъ ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ управленіи и завѣдываніи монастыремъ, его хозяйствомъ и имуществомъ помогаетъ игумену — экономъ. Въ виду важности и трудности дѣла игуменъ избралъ для него самаго способнаго и старѣйшаго инока, отличающагося разсудительностью, опытомъ и энергіей. Это второе лицо послѣ игумена и въ церкви, и въ трапезѣ, и въ другихъ собраніяхъ, ему братія оказываетъ должный почетъ и уваженіе. Онъ хранитъ монастырскую казну и имущество, вѣдаетъ приходъ и расходъ, содержаніе монаховъ, ихъ одѣяніе и обувь. Въ его вѣ-

дѣніи находятся тіуны и приставники, которые живутъ въ монастырскихъ селахъ, заботясь о содержаніи монастырскаго скота и заготовленіи для обители всякихъ припасовъ. Съ нимъ раздѣляетъ трудъ кутникъ — трапезничій, завѣдующій кладовыми съ съѣстными припасами, амбарами съ хлѣбомъ; онъ слѣдитъ за приготовленіемъ всего для трапезы, за порядкомъ и тишиной въ столовой. Кутнику данъ въ помощь ключникъ, хранящій ключи отъ всѣхъ хозяйственныхъ службъ и имѣющій подъ своимъ руководствомъ повара.

Въ церковномъ дѣлѣ главный помощникъ игумена — уставщикъ-доместикъ. Онъ блюститель храма и его принадлежностей, распорядитель въ богослуженіи. Онъ заботится о благоустройствѣ и благочиніи въ церкви, предначинаетъ пѣсни и устанавливаетъ пѣніе, читаетъ во время трапезы поученія. Ему помогаетъ церковный устроитель — пономарь, на обязанности котораго лежитъ забота о веществахъ, потребныхъ для совершенія таинства. Онъ „строитъ добро въ церкви, кандилы масленныя [1]) измывая и приливая масло въ мѣру“, онъ поддерживаетъ чистоту въ церкви и вѣдаетъ церковный звонъ.

Важное мѣсто среди братіи занимаетъ вратарь, неотлучно находящійся у воротъ монастыря. Тутъ же и келья его. Онъ наблюдаетъ за всѣми входящими и выходящими, опрашиваетъ ихъ, дозволяя выходить только тѣмъ, кто получилъ разрѣшеніе отъ игумена и предъявитъ ему „печать“ настоятеля. Онъ отходитъ отъ вратъ, затворивъ ихъ, только во время божественной службы.

Всѣ эти лица необходимы, чтобы хранить порядокъ, установленный въ монастырѣ, чтобы направить и поддержать различно настроенныхъ иноковъ и руководить людьми, стоящими на различныхъ ступеняхъ монашескаго совершенства.

До нѣкоторой степени мы можемъ прослѣдить это различіе по одеждамъ находящихся на монастырскомъ дворѣ. Одни — въ одеждѣ мірской. Это — тѣ послушники, которые только начинаютъ монашескую жизнь, монахи новоначальные или перво-

---

[1]) Т.-е. лампады.

начальные. Принявъ ихъ въ монастырь, игуменъ не сразу постригаетъ ихъ, а оставляетъ на испытаніе. Съ благословенія и дозволенія игумена живутъ они въ обители. Имъ велитъ игуменъ ходить въ своей одеждѣ, пока они не усвоятъ себѣ строй монастырской жизни. Нѣкоторымъ изъ нихъ, уже прошедшимъ искусъ, онъ разрѣшаетъ еще до постриженія надѣвать, послѣ молитвы и освященія, одежды монашескія: клобукъ, сдѣланный изъ шерсти самими монахами, и длинную чернаго цвѣта одежду, грубую съ прямымъ воротомъ, доходящую до половины голеней или спускающуюся нѣсколько ниже ихъ. Иные изъ нихъ, ревнующіе объ умерщвленіи плоти, надѣваютъ рубашку изъ жесткой шерсти, власяницу, которая колетъ и жалитъ ихъ тѣло. Тѣ, кто прошелъ всѣ испытанія, кто окрѣпъ въ подвигахъ иноческаго житія и отвратился отъ земныхъ помысловъ, тѣ послѣ испытанія постригаются.

Торжественно среди церкви въ присутствіи всей братіи при зажженныхъ свѣчахъ, игуменъ спрашиваетъ инока, желаетъ ли онъ сподобиться монашескаго чина; по доброй ли волѣ пришелъ онъ ко Христу, отрицается ли онъ отъ этого міра, и пребудетъ ли онъ въ монастырѣ до послѣдняго движенія жизни. Давъ на все утвердительные отвѣты, постригаемый произноситъ монашескіе обѣты дѣвства, нестяжательности, поста и смиренія. Тогда игуменъ оглашаетъ его, т.-е. наставляетъ его относительно цѣлей предстоящей ему жизни.

„Ты, какъ свѣча, воленъ въ себѣ до церковныхъ дверей“ говоритъ ему игуменъ, „потомъ не смотри, какъ и что изъ тебя сдѣлаютъ. Ты, какъ одежда, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки, а потомъ не заботься, если разорвутъ тебя и на тряпки. Имѣй свою волю только до вступленія въ монастырь, по принятіи же монашескаго образа всего отдай себя въ послушаніе, не скрывай въ себѣ и малаго своевольства“. Затѣмъ крестообразно во имя Отца, Сына и Св. Духа постригаетъ ему игуменъ волоса на головѣ. Это знаменуетъ не только посвященіе постригаемаго Богу, но и отложеніе всѣхъ плотскихъ желаній и переходъ въ жизнь чистую, съ отрѣшеніемъ отъ міра. Послѣ этого постриженный

во время пѣнія трисвятаго принимаетъ изъ рукъ игумена монашескія одежды[1]). Каждая изъ нихъ должна напоминать ему о той или другой добродѣтели, къ которой инокъ долженъ стремиться всѣми силами. На постриженнаго надѣваютъ рясу — ризу правды. Станъ его стягиваютъ кожанымъ поясомъ въ знакъ того, что препоясывается силою истины на борьбу съ врагами его подвижничества, въ умерщвленіе тѣла и возстаніе духа, въ знакъ готовности на добрыя дѣла. На голову ему возлагаютъ скуфейку, клобукъ шерстяной — шлемъ спасенія, который долженъ постоянно напоминать объ его обязанности хранить простосердечье и незлобіе. По груди и спинѣ его повязываютъ перевязью — аналавомъ, какъ символомъ того креста, который инокъ беретъ на себя, чтобы слѣдовать за Христомъ, твердо и строго выполняя заповѣди Спасителя. Наконецъ, накладывается на него мантія — броня правды, которая будетъ внушать иноку, что онъ, умертвивъ плотскія страсти постоянно долженъ прилежать добродѣтели. Мантія охватываетъ все тѣло, показывая этимъ, что всѣ члены тѣла монашествующаго мертвы. Послѣ этого постриженный отрѣшенъ отъ міра и получаетъ вмѣсто мірского имени новое. Ему дается свѣча, и всѣ въ знакъ единенія цѣлуютъ его. Съ этого времени инокъ не разстается съ мантіею, безъ нея не выходитъ изъ кельи. Эти монахи называются мантейными. У однихъ, кто работаетъ, мантія короткая, чтобы не мѣшала движенію, у другихъ — болѣе длинная — до половины голеней, а иногда она бываетъ и такъ велика, что ею можно закутаться и вполнѣ закрыть себя всего отъ непогоды.

Кромѣ новоначальныхъ и мантейныхъ монаховъ есть еще и принявшіе великую схиму, люди высшаго совершенства. Ихъ можно узнать по куколю съ изображеніемъ креста, совсѣмъ закрывающему ихъ голову. Тѣхъ не видно на дворѣ монастыря: они живутъ въ уединеніи и безмолвіи, въ постоянномъ созерцаніи Бога.

Цвѣтъ, покрой и общій характеръ одежды, выражая монашеское любомудріе, скорбь и сѣтованіе о бывшихъ заблужде-

[1]) Чинъ постриженія остался почти неизмѣннымъ до нашего времени.

ніяхъ, долженъ располагать инока къ добродѣтели, побуждать душу его презирать земное и взирать горѣ, чтобы она могла отрѣшиться отъ всего земного и тѣмъ легче перейти въ селенія небесныя.

Но подняться до этой конечной цѣли монашества далеко не всѣ могутъ въ равной степени. Поэтому еще сильнѣе чѣмъ по внѣшности монахи различаются по внутреннимъ качествамъ, душевнымъ настроеніямъ и степени духовной работы. Въ этой работѣ надъ собственнымъ совершенствомъ много зависитъ отъ того, чего ищутъ приходящіе въ монастырь и насколько у нихъ есть силы для достиженія высокаго идеала подвижничества.

Однихъ привела въ монастырь бѣдность, скудость домашняго крова, легшая невыносимымъ гнетомъ на нихъ. Это мелкіе люди, которые имѣли въ виду въ монастырѣ покормиться, а нѣкоторые изъ нихъ еще желали превратиться изъ смерда въ „отца" и тѣмъ удовлетворить свое честолюбіе. Другіе, пострадавшіе отъ неустойчивости строя, отъ тяжелыхъ условій жизни, пришли сюда, чтобы укрыться отъ тревогъ и насилій и найти здѣсь спокойную тихую жизнь.

Это — сыны міра. Они вступили въ монастырь необдуманно, по нуждѣ, по корысти, по невѣрному расчету, съ цѣлями, не имѣющими никакого отношенія къ подвижничеству. Это монахи только потому, что отпустили волосы[1]) и бороду и перемѣнили платье. Они не порвали связей съ міромъ и живутъ имъ. Получивъ кровъ и пищу, одежду и спокойствіе, они уже недовольны, что столъ скуденъ, одежда груба, помѣщеніе тѣсно, лишеніе пищи и сна имъ тяжело, трудны работы, неустанное бодрствованіе и молитва. Они не приходятъ къ началу евангелія, бесѣдуютъ въ церкви, „не текутъ на дѣло съ прочіею братіей со тщаніемъ". Они не прочь пойти въ городъ и тамъ пожить, не прочь собрать себѣ въ келью побольше „доброхотныхъ даяній". Эти люди мало заботятся о своемъ нравственномъ и религіозномъ совершенствованіи. Презирая

---

[1]) Длинные волосы стали носить монахи съ начала IX вѣка.

знаніе, они возстаютъ противъ ученія, забрасываютъ бранными словами начитаннаго собрата. Они склонны больше къ чревоугодію, пьянству, „ни во что вмѣняютъ“ обѣтъ послушанія, „мудрствуютъ высоко, повелѣваютъ съ гордостью“. Попадаются среди нихъ и такіе, которые лгутъ, клевещутъ и даже обкрадываютъ братію и монастырь.

Съ горестью видитъ это игуменъ и часто обличаетъ такихъ иноковъ за нерадѣніе о своемъ спасеніи: „Мы называемся именемъ черноризцевъ“, говоритъ онъ имъ, „а злыми дѣлами далеко отстоимъ отъ нихъ. Читаемъ житія святыхъ и затыкаемъ уши, чтобы не слышать объ ихъ мужествѣ, а на рѣчи непристойныя, на укоры, на гнѣвъ не лѣнивы, на это и уста отверзаемъ, и очи не дремлютъ, и ухо отверсто. Когда время службы зоветъ насъ въ церковь, сатана омрачаетъ наши сердца лѣностью, чтобы не итти не только въ церковь, но и на трапезу. О повечеріи нечего и говорить. Сколько разъ я говорилъ о томъ, и нѣтъ ни одного изъ васъ, кто бы послушалъ. Сколько лѣтъ прошло, и я не вижу ни одного, кто пришелъ бы ко мнѣ и спросилъ, какъ мнѣ спастись! Молю васъ, братія, подвизайтесь въ постѣ, молитвѣ, пекитесь о спасеніи душъ, возвратитесь отъ злобы и путей лукавыхъ.“

„Окаменѣло сердце иныхъ, имъ трудно слушать ушами, смущаются помыслы души ихъ и неослабно въ нихъ хотѣніе сотворить грѣхъ“... Въ случаѣ неоднократныхъ заблужденій, когда не только слова, но и эпитимія и другія наказанія не дѣйствуютъ, недостойныхъ иноковъ игуменъ удаляетъ изъ монастыря, чтобы ихъ примѣръ не заразилъ слабыхъ. Но на другихъ дѣйствуютъ слова игумена и особенно примѣръ его жизни, и они исправляются.

Трудно принять мысль и такъ проникнуться ею, чтобы отрѣшиться совершенно отъ того, что впитано съ дѣтства, къ чему привыкла мысль и воля въ теченіе долгой жизни въ языческомъ обществѣ. Еще труднѣе перестроить свою всю жизнь, весь внутренній міръ, духовно переродиться[1]).

[1]) Даже высшіе слои, князь, дружина, купцы за немногими исключеніями, приняли христіанство чисто внѣшнимъ образомъ и были полуязыческими. Вся же громад-

Въ полуязыческомъ міру человѣкъ свободно отдается всѣмъ своимъ влеченіямъ; тамъ наслажденіе, веселая жизнь безъ стѣсненій, гудки, сопѣли, пѣсни, пиры во всю ночь Въ монастырѣ полная непріязнь ко всему, что можетъ сообщить прелесть земной жизни. „На что тебѣ, христіанину“ говорятъ здѣсь, „гудокъ и сопѣли? У тебя есть гусли псалтырныя. На что тебѣ пѣсни? — У тебя есть псалмы[1]). Смѣха бѣгай, бѣгай лихого скомороха, поганьское бо есть, а не христіанское. Не ищи веселія и всякой утѣхи — есть книги животворныя, читай святыхъ мужей повѣсти, ученія, дѣла“... Жизнь сама по себѣ не имѣетъ цѣны: „Не наслажденіе, а страданіе даетъ смыслъ жизни“, должно не избѣгать страданія, а искать его, нужно поститься, удручать плоть[2]). Слезы и грусть, страданіе и болѣзнь — удѣлъ инока. Все это нужно переносить съ радостью въ сознаніи, что, если бы Богъ захотѣлъ, то помиловалъ бы. „На землѣ — скорби, туга и недугъ вмалѣ, за гробомъ — радость и веселіе; тамъ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, того ради сіе претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ“.

Тамъ, въ міру, цѣнятся богатства, роскошь, блестящія одежды. Здѣсь всякое стяжаніе считаютъ матерью всякаго зла. Сребролюбивый готовъ затягаться до смерти, не любящій же богатства человѣкъ Господа возлюбитъ и заповѣди его сохранитъ: онъ не будетъ беречь имѣніе, а раздастъ все и будетъ

ная масса населенія по міросозерцанію, навыкамъ и образу жизни, была языческой, и чѣмъ дальше отъ торговыхъ и культурныхъ путей и центровъ, тѣмъ рѣже могла слышать проповѣдь и прикасаться къ христіанству. Для нравственнаго перерожденія этой массы церковь не имѣла ни достаточнаго количества силъ, ни времени. Поученія пастырей до XIII вѣка направлены противъ язычества и показываютъ, что оно часто стояло нетронутымъ особенно въ глуши лѣсовъ и болотъ. Въ лучшихъ случаяхъ бывало механическое соединеніе воззрѣній христіанскихъ и языческихъ въ видѣ двоевѣрія. Только послѣ XIV вѣка язычество въ массахъ населенія потеряло цѣльность и вступивъ въ органическое сочетаніе съ христіанствомъ, придало народнымъ христіанскимъ вѣрованіямъ своеобразный оттѣнокъ. Съ этого времени поученія обличаютъ главнымъ образомъ обрядность, пережившую миѳъ и потерявшую свой смыслъ.

[1]) Псалтирь была первой учебной книгой, наиболѣе назидательнымъ чтеніемъ и спасительной книгой въ важныхъ случаяхъ жизни. Были люди, знавшіе ее наизусть.

[2]) Такъ въ знойную ночь выходилъ обнаженный инокъ на болото, чтобы комары впивались въ его тѣло, когда онъ пѣлъ псалмы иපрялъ волну.

жить въ произвольной нищетѣ, ходить въ худыхъ, убогихъ ризахъ: тамъ славятся свѣтлыми ризами — здѣсь добрыми дѣлами.

Тамъ въ мiру, въ полуязыческомъ обществѣ пользуются особымъ уваженiемъ сила, „буесть“ — отвага, самоувѣренность, сознанiе своихъ силъ; въ почетѣ даже обманъ, ведущiй къ успѣху; тамъ ничего не стоитъ зазвать, заманить врага и убить[2]); тамъ „гордятся велерѣчiемъ, со всѣми спорятъ, всѣхъ укоряютъ“; тамъ „восхищаютъ земную честь и власть, санъ и славу“. Въ монастырѣ желаютъ подчинить языческую гордыню и необузданность христiанскому смиренiю. Здѣсь воспитываютъ уваженiе и любовь ко всякой кротости. „Не имѣй буести, ни гордости, ибо въ сердцѣ гордаго обитаетъ дьяволъ, и слово Божiе не можетъ утвердиться въ немъ“, учатъ иноки. Здѣсь — противъ коварства и обмана: „Не буди ино на сердцѣ, ино на устѣхъ“, здѣсь проповѣдуютъ терпѣнiе, перенесенiе досады, клеветы, поношенiя. „Чѣмъ хочешь спастись, говорятъ здѣсь, если и постникъ, и трезвенникъ, и нищъ, и безъ сна пребываешь, а досажденiя не терпишь, не увидишь спасенiя“. Вмѣсто богатыря физической силы здѣсь выдвигаютъ богатырей духа, нравственной мощи, вмѣсто примѣровъ коварства и насилiя — образцы любви къ ближнимъ и помощь страждущимъ. „Тѣхъ, кто мало причастенъ свѣту, тѣхъ житiе и тѣхъ правопуть прiими, тѣхъ нравы ты взыщи со всею силою и со всею кротостью“. Къ этому призываетъ монастырь.

Для того, чтобы пересоздать такимъ кореннымъ образомъ самого себя и свою жизнь, нужна яркая мысль, горячее желанiе и сильная воля. Это удѣлъ не всѣхъ, а только немногихъ избранныхъ, тѣхъ, у кого есть жажда спасенiя и духовная крѣпость, кто имѣетъ силы для борьбы съ самимъ собой и способенъ къ самоотреченiю и подвигу.

Среди иноковъ есть такiе, которые „какъ земля, жаждущая воды“ приняли слово Божiе, которые со всею горячностью новыхъ послѣдователей отдались иночеству. Это истинные

---

[2]) Такъ между прочимъ поступилъ въ 1217 г. Глѣбъ Рязанскiй и его братъ Константинъ: во время пира они умертвили шесть князей, много бояръ и челяди.

монахи, искренно цѣнящіе высокіе идеалы и всю жизнь остающіеся имъ вѣрными, упорно борясь за осуществленіе ихъ.

Таковъ старецъ, благочестивый постникъ, усердный молитвенникъ и трудолюбецъ. Въ міру онъ велъ бурную жизнь. Затѣмъ онъ пришелъ къ мысли, что все въ этой суетной жизни обманчиво, что все земное протекаетъ, проходитъ мимо, а будущія блага непреходящи и вѣчны и безконечно царство небесное, уготованное Богомъ любящимъ его, и онъ рѣшилъ уединиться въ монастырь, чтобы молиться и каяться, „искупить многія смерти отъ своихъ рукъ". Когда онъ вступилъ въ обитель, онъ не зналъ грамоты, былъ „невѣжа словомъ". Здѣсь онъ выучился читать и писать и отдался письму, какъ богоугодному дѣлу, какъ подвигу иноческому. Не мало онъ изготовилъ книгъ для своего монастыря, для другихъ обителей, для князей и бояръ. Написалъ онъ не одинъ служебникъ, псалтирь, евангеліе и апостолъ, написалъ и кондакарь[1]) съ нотными знаками — крюками „такъ какъ книгамъ хитеръ былъ писати". Теперь онъ старъ, слабъ глазами, не можетъ писать такъ, какъ писалъ раньше, и онъ пріохотилъ къ дѣлу писанія одного способнаго инока. Онъ научаетъ его, какой нужно выбирать пергаминъ, какъ нужно его разглаживать и зачищать, какія оставлять „берега" — поля, какъ прочерчивать остріемъ на страницахъ линіи для правильности письма, какъ чинить перо[2]),

[1]) Первыя нотныя книги привезли греческіе и славянскіе пѣвцы, пріѣхавшіе на Русь въ X вѣкѣ. По ихъ образцу писались древнѣйшія русскія богослужебныя книги для пѣнія. Онѣ написаны на пергаминѣ чернилами и состоятъ изъ текста, писаннаго славянскими буквами, даже въ томъ случаѣ, когда текстъ былъ греческій, и изъ надстрочныхъ знаковъ и удареній, поставленныхъ надъ текстомъ. Нотныхъ линій нѣтъ. Безлинейные нотные значки назывались „знаменами" отъ слова знамя — нота, и пѣніе по такимъ нотнымъ знакамъ — знаменамъ получило названіе знаменнаго распѣва, т.-е. пѣнія нотнаго, по нотамъ, въ противоположность пѣнію безъ нотъ по слуху или навыку. Иначе называлось это пѣніе — столповымъ (отъ столпъ — нота), т.-е. нотнымъ. Почеркъ знаменныхъ нотъ горизонталенъ и ровенъ и приближается къ уставному письму. Позднѣе знамена стали называть крюками или крюковыми знаками. Въ зависимости отъ пѣснопѣній нотныя рукописи назывались стихирарями, ирмологіями, кондакарями. Надъ знаменными знаками въ кондакаряхъ нерѣдко ставились еще великія кондакарныя знаменія для указанія характера исполненія знаменныхъ нотъ, надъ которыми они поставлены. Въ библіотекѣ Московской синодальной типографіи хранится (подъ № 1206) кондакарь XI вѣка на пергаминѣ въ 4-ю долю большого листа.

[2]) Починъ пера или трости (писали тѣмъ и другимъ) обусловливалъ почеркъ. Сначала расщепъ былъ не великъ, отрѣзъ не широкъ и прямъ, а срѣзъ не остеръ.

какъ составлять чернила и киноварь[1]). Внимательно слѣдитъ за нимъ старецъ, чтобы онъ точно и правильно списывалъ, чтобы не ломалъ пера, не портилъ и не пачкалъ рукописи, удаляя тѣхъ, кто приходитъ къ нему, разсѣиваетъ и мѣшаетъ столь важному дѣлу. Уже болѣе шести мѣсяцевъ работаетъ надъ перепиской евангелія молодой писецъ. Сидя за аналоемъ, на которомъ разложены „харатьи"[2]), тщательно, медленно, съ любовью выводитъ онъ красивыя буквы крупнаго четкаго уставнаго письма, успѣвая написать не болѣе полутора листа въ день[3]). Работа уже близится къ концу. Остается написать киноварью на остальныхъ листахъ пропущенныя начальныя буквы, да дать собрату иконописцу, чтобы тотъ искусной рукою нарисовалъ ему красками и золотомъ заставки въ началѣ главъ. Закончитъ тогда свой трудъ инокъ, означивъ годъ, число и мѣсяцъ начала и окончанія письма и сдѣлаетъ приписку, въ которой выразитъ радость объ окончаніи долгой работы и будетъ просить, чтобы его книгу читали, „справливая Бога для", не кляня его за описки.

Тутъ же въ кельѣ, подлѣ него работаетъ и его руководитель — старецъ. Онъ то сучитъ нитки, то заготовляетъ доски и кожу для переплета, то вплетаетъ написанныя тетради[4]),

---

Позднѣе расщепъ увеличился, отрѣзъ сдѣлался шире и косѣе, срѣзъ острѣе. Чѣмъ болѣе было разницы между широтою отрѣза и остротою срѣза, тѣмъ рѣзче въ письмѣ отдѣлялась тонкая черта отъ толстой. Въ XI вѣкѣ господствовалъ почеркъ, въ которомъ очень толстыхъ чертъ не было. Въ XII и XIII вѣкахъ почеркъ состоялъ въ соединеніи очень толстыхъ съ не очень тонкими. Письмо было кирилловское — грекославянское съ установившимся съ конца XI вѣка правописаніемъ.

[1]) Киноварь — минеральная красная краска.

[2]) Харатья или хартія — пергаменная рукопись, отсюда „харатейные списки".

[3]) Примѣромъ скораго писанія можетъ служить Апостолъ 1220 года въ 240 листовъ въ листъ, написанный въ два мѣсяца безъ нѣсколькихъ дней, т.-е. по $4^1/_2$ листа въ день. Образцомъ обычнаго письма является Остромирово Евангеліе 1056—1057 года, изготовленное дьякономъ Григоріемъ для Новгородскаго посадника Остромира при 294 листахъ въ листъ въ 7 мѣсяцевъ, т.-е. $1^1/_2$ листа въ день. При медленности работы стоимость книгъ была значительна. За молитвенникъ Владиміръ Ярославовичъ Галицкій заплатилъ 8 гривенъ кунъ (отъ 20 до 100 руб.). Книги, какъ драгоцѣнность, хранились въ кладовыхъ. Отъ XI вѣка до насъ дошло около 30 книгъ, отъ XII вѣка около 65.

[4]) Образцы древнѣйшихъ русскихъ переплетовъ сохранились въ С.-Петербургской Духовной Академіи — Служебная Минея на сентябрь и октябрь (подъ № 168) начала XII вѣка, и въ Московской Типографской библіотекѣ — Евангеліе (подъ № 6) половины XIII вѣка. См. книгу у доместика на картинѣ.

то самъ берется за перо, чтобы продолжать начатый имъ лѣтописный сводъ[1]). Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ, изъ года въ годъ онъ заноситъ въ свою запись событія, которыя совершаются на его глазахъ. Онъ внимательно отмѣчаетъ измѣненія и событія, которыя происходятъ въ церковной жизни вообще и жизни монастыря въ частности, записываетъ поставленіе и смерть игуменовъ и епископовъ, построеніе и возобновленіе церквей и монастырей, пожертвованія на обитель, нашествія и невзгоды, неурожаи, морозы, зловѣщія знаменія. Къ тому, что онъ видѣлъ самъ, онъ присоединяетъ и то, что узнаетъ изъ живыхъ разсказовъ современниковъ о совершившемся въ городѣ и княжествѣ. Недавно онъ получилъ новыя сказанія и хочется ему дополнить ими свою запись. Не легкое это дѣло. Нужно все сопоставить, привести въ связь, примирить, найти мѣста для вставокъ и искусно внести ихъ. Со скорбью онъ говоритъ о княжескихъ междоусобіяхъ, объ отсутствіи братолюбія, осуждаетъ нарушеніе правъ и религіозныхъ обязанностей, непониманіе пользы русской земли, приверженность къ языческой вѣрѣ. Спокойное теченіе его разсказа прерывается иногда діалогомъ, когда онъ повѣствуетъ о томъ, чего свидѣтелемъ былъ самъ. И творитъ свое дѣло старецъ, не подозрѣвая того значенія, какое получитъ позднѣе трудъ, написанный его рукою въ тиши кельи, для изученія многихъ сторонъ жизни древней Руси.

„Какъ звѣзда свѣтится“ и другой инокъ глубокаго благочестія и смиренія. Родомъ онъ знаменитый бояринъ[2]). Слыша еще въ дѣтствѣ о великихъ подвижникахъ[3]), онъ рано поло-

[1]) Лѣтописный сводъ — компиляція изъ лѣтописныхъ замѣтокъ (записей событій съ хронологической датой) и лѣтописныхъ сказаній (цѣльныхъ разсказовъ о выдающихся событіяхъ). Соединеніе нѣсколькихъ сводовъ — лѣтописный сборникъ.

[2]) Эти единичныя личности выходили главнымъ образомъ изъ княжеской дружины и купеческой среды, которая частыми сношеніями съ греками была лучше подготовлена къ принятію вліянія церкви. Наиболѣе культурные люди этихъ слоевъ чувствовали превосходство греческой вѣры надъ неразвитою языческою, относились къ ней съ благоговѣніемъ, свято исполняли христіанскіе обряды и усвоили себѣ нѣкоторыя элементарныя нравственныя правила. Въ этой части населенія ранѣе всего начало укореняться византійское міросозерцаніе, и здѣсь новая пришлая вѣра нашла себѣ наиболѣе ревностныхъ послѣдователей.

[3]) Сѣмена аскетизма разносили паломники-старцы, странствовавшіе по городамъ и селамъ. Ихъ же сѣяла и книга.

жилъ въ сердцѣ своемъ твердое намѣреніе быть ихъ подражателемъ. Онъ отказывался отъ дѣтскихъ игръ, не любилъ одеждъ свѣтлыхъ, надѣвалъ рубища и работалъ вмѣстѣ съ рабами со всякимъ смиреніемъ. Тайкомъ отъ всѣхъ онъ заказалъ себѣ у одного кузнеца желѣзныя вериги, ходилъ въ нихъ, не смущаясь тѣмъ, что онѣ натирали ему тѣло до крови и ранъ. Воодушевившись словами писанія, отвергнувъ всѣ просьбы родныхъ, онъ рѣшилъ принять постриженіе. Нѣсколько монастырей обошелъ онъ, но, видя его „простоту и худость одежды", ни одинъ настоятель не принялъ его. Когда же нашъ игуменъ сжалился надъ нимъ и, видя его твердое желаніе, послѣ искуса постригъ его, инокъ съ ревностью отдался подвижничеству. Три года онъ пробылъ въ поварнѣ, работая на братію. Своими руками онъ кололъ дрова для приготовленія пищи, а въ свободное отъ дѣлъ время онъ пѣлъ часы Богу. Потомъ его приставили къ монастырскимъ воротамъ, и пробылъ онъ тутъ три года, не отходя никуда кромѣ церкви. Затѣмъ игуменъ назначилъ его служить въ трапезѣ и, наконецъ, волею игумена и всей братіи онъ принужденъ былъ имѣть келью, которую самъ построилъ себѣ и около насадилъ огородъ малый.

Онъ крѣпкій постникъ: ѣстъ хлѣбъ съ водою, вареную зелень или одну сырую. Постомъ и воздержаніемъ изсушалъ онъ свою плоть, отъ постояннаго поста онъ худъ и блѣденъ. Безпрестанно онъ въ трудѣ, никогда его не видятъ празднымъ. То онъ плететъ копытца[1]) и клобуки, носитъ ихъ въ городъ продавать, а на вырученныя деньги покупаетъ для братіи жито; ничего не беретъ себѣ, а если кто ему дастъ что-либо, онъ это раздаетъ убогимъ и нищимъ; то, поставивъ въ кельѣ своей жерновъ, онъ беретъ изъ сусѣка пшеницу и своими руками перемалываетъ ее, большую часть ночи проводя безъ сна въ трудахъ и молитвѣ[2]); то нелѣностно работаетъ онъ топоромъ (см. картину). Даже во время труда у него всегда на устахъ молитва Іисусова: „Іисусе Христе, Сыне Божій, по-

---

[1]) Т.-е. чулки.

[2]) Молитва — орудіе для постояннаго дисциплинированія воли.

милуй мя“. Ибо молитва — самый благоуханный, самый пріятный для Господа ѳиміамъ.

Это натура мягкая, кроткая, всецѣло проникнутая мыслью, что спасенія можно достигнуть только трудомъ, изнуреніемъ, молитвою, всевозможнымъ терпѣніемъ и страданіемъ. Нашъ старецъ „простъ умомъ“, онъ неспособенъ къ энергической дѣятельности, ему не дано создавать, онъ чуждъ міра и его дѣлъ.

Совсѣмъ иного характера уставщикъ-доместикъ (см. картину). Это человѣкъ столь же суроваго аскетизма, сколько и героическаго дѣла. Для него недостаточно думать о собственномъ спасеніи, онъ чувствуетъ въ себѣ силы дѣйствовать на благо ближнихъ, желаетъ спасти не только себя, но и другихъ. Это мужъ способный руководить, положить начало. Онъ не можетъ заключиться въ кельѣ. Онъ ничего не боится, онъ готовъ на все.

Сынъ богатаго и уважаемаго человѣка, онъ съ юныхъ лѣтъ обнаружилъ остроту ума и жажду знанія. Будучи отданъ „единому отъ учитель“ „книгамъ учити“, онъ быстро овладѣлъ грамотою и, чуждаясь игры, ходилъ въ церковь, гдѣ пѣлъ и читалъ. Также и дома онъ проводилъ много времени за чтеніемъ. Юношею, похоронивъ родителей, онъ, презирая мірское, роздалъ все имущество вдовамъ, сиротамъ, убогимъ и рѣшилъ постричься въ монахи. Обходя монастыри, онъ долго не могъ остановиться. То ему не нравился строй жизни монашеской, то его не принимали, требуя отъ него большой вкладъ. Наконецъ, его пріютилъ нашъ монастырь. Съ большимъ жаромъ отдался инокъ подвигамъ аскетизма, соединяя съ этимъ жажду къ чтенію. Въ небольшомъ монастырскомъ книгохранилищѣ онъ нашелъ сочиненія Кирилла-философа, житія и творенія Василія Великаго, Ефрема Сирина, Іоанна Златоуста, Ѳеодосія Печерскаго[1]), Минеи Четьи, Патерикъ и Прологъ[2]). Интересуясь не только писаніями святыхъ отцевъ, онъ

[1]) Послѣднихъ четырехъ упоминаетъ составитель житія Авраамія Смоленскаго, XIII вѣка.

[2]) Патерикъ — сборникъ житій святыхъ, Прологъ — сборникъ краткихъ житій вятыхъ, Минеи Четьи — сборникъ житій святыхъ, расположенныхъ по мѣсяцамъ и днямъ.

досталъ и „Златыя Чепи“ и „Поученіе нѣкоего отца къ сыну“, и даже „Голубиныя книги“, въ которыхъ разсказывалось о явленіяхъ природы, о сотвореніи міра и человѣка, излагались нравственныя житейскія поученія. Писанія эти онъ досталъ, перечиталъ и не безъ труда, такъ какъ подобныя сочиненія многими считаются еретическими. Эти книги — апокрифическія — отреченныя. Многое, чего не было въ монастырѣ, онъ желалъ имѣть въ обители. Нѣкоторыя монастырскія рукописи были ветхи, растрепанныя и въ недостаточномъ количествѣ, а онъ думалъ, что и кто-нибудь другой пожелаетъ прочесть, и онъ писалъ самъ и приспособилъ переписчиковъ, чтобы сдѣлать списки.

Чтеніе писаній наполнило душу его словесами Божіими, возбудило его мысль. Уносясь мыслью къ страшному суду и прохожденіямъ души чрезъ мытарства, онъ написалъ двѣ иконы страшнаго суда съ изображеніемъ воздушныхъ мытарствъ и стихи къ нимъ. Возбуждаясь самъ зрѣніемъ этихъ иконъ къ постоянной памяти о часѣ смертномъ и страшномъ судѣ, онъ и другихъ заставлялъ останавливаться чаще мыслью на нихъ, чтобы въ постоянномъ размышленіи о страшномъ судѣ, денно и нощно молились, неосужденно предстать предъ престоломъ Божіимъ.

Видя такую жизнь инока, игуменъ поставилъ его въ священники и сдѣлалъ уставщикомъ-доместикомъ. И теперь „не въ молчальной келліи онъ жилъ“, а взялъ на себя трудъ „корабельника и кормчаго, вѣдущаго путь и пристанища“, и трудится онъ ревностно. Въ сосѣднихъ съ монастыремъ приходахъ службы совершаются не всегда благоговѣйно и часто невразумительно. При невыработанности русскаго языка, при неумѣніи переводить съ греческаго на церковно-славянскій службы представляютъ смѣсь греческихъ словъ съ русскими. Не понимая этого набора словъ[1]), многіе во время службы говорятъ громко

[1]) Вотъ образецъ изъ службы въ одномъ Кондакарѣ XII вѣка: Раби Господа алелугіа; по всей земли алелугія; ти икоумени алелугія; о Өеосъ моу алелугіа; Слава тебѣ Боже, алелугіа. Въ 8-мъ гласѣ: — епи си Коуріе илипса, алелугіа, слава тебѣ, Боже, алелугіа. Пѣлось это по-гречески и по-славянски рядомъ. Слова псалмовъ, можетъ быть, пѣлись немногими, а всѣмъ извѣстное повторялось всѣми присутствующими въ церкви.

о житейскихъ дѣлахъ. Малограмотные, плохообезпеченные священнослужители [1]) отправляютъ службы безъ всякаго порядка. Живое слово проповѣди раздается, рѣдко.

Новый уставщикъ не только хорошій чтецъ, онъ и толкуетъ темное. Самъ совершаетъ онъ литургію съ благоговѣніемъ, много заботится о порядкѣ службы въ монастырѣ, объ ея благочиніи и строго запрещаетъ въ храмѣ небреженіе и разговоры. Владѣя даромъ слова, онъ часто въ церкви говоритъ поученія: „Мы созданы“, учитъ онъ, „не для того, чтобы ѣсть, пить и одѣваться въ красивыя одежды, а для того, чтобы угождать Богу... Жизнь земная есть война, а для войны нужны оружія, нужны познанія опытныя: такъ для брани духовной нужно учиться многому у опытныхъ святыхъ мужей, нужно отъ нихъ узнать какое духовное оружіе полезно въ какомъ случаѣ. Для веденія успѣшной войны — одно средство, одно оружіе — знаніе“.

Идетъ слава о новомъ уставщикѣ-проповѣдникѣ въ близь лежащій городъ, и „князи, вельможи, свободные, рабы и рукодѣльные люди стекаются слушать божественное чтеніе, пѣніе и проповѣдь его“. Игуменъ далъ ему дозволеніе принимать мірянъ и давать имъ наставленіе: „дадеся бо ему благодать Божія“. Всѣхъ нуждающихся онъ приглашаетъ въ келью, объясняетъ, читаетъ имъ, говоритъ о нравственномъ совершенствѣ, о часѣ судномъ. Съ любовью и радостью приходятъ къ нему и принимаютъ его совѣты.

Много пріобрѣлъ себѣ друзей инокъ, но не мало среди братіи и недовольныхъ имъ. Одни завидуютъ ему, другіе косо съ недовѣріемъ смотрятъ на его проповѣдь и занятія чтеніемъ книгъ [2]). Они вспоминаютъ, что былъ у нихъ братъ инокъ,

---

[1]) Сначала приходскими священниками были греки и болгары, они и внесли это смѣшеніе. Появившіеся русскіе не были достаточно подготовлены. Грамотныхъ было трудно отыскать, ставили неграмотныхъ и малограмотныхъ. Впрочемъ и такихъ было не легко найти: для зажиточныхъ людей это было мало привлекательно, шли главнымъ образомъ тѣ, кто не имѣлъ ничего лучшаго. Корма приходъ давалъ мало; немного можно было взять съ малосостоятельныхъ смердовъ, а платы были большія: въ пользу епископа полагалось внести плату за посвященіе и затѣмъ еще оброки.

[2]) Существовало направленіе, которое не одобряло чтенія, религіозно-нравственнаго мышленія, боясь какъ бы изученіе Св. Писанія и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, вся книжная мудрость не привели бы къ духовной гордости.

похожій на новаго доместика, и дьяволъ прельстилъ его. Явившись къ нему, онъ сказалъ: „Ты не молись, а только читай книги, и черезъ это будешь бесѣдовать съ Богомъ и изъ книгъ станешь подавать полезное слово приходящимъ къ тебѣ". Прельстился братъ и не сталъ молиться, а прилежно занялся чтеніемъ и поучалъ приходившихъ къ нему, бесѣдовалъ и пророчествовалъ. Скоро онъ зналъ весь Ветхій завѣтъ наизусть. Евангелія же и Апостола онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, ни читать и другимъ не давалъ бесѣдовать съ собою о нихъ. Изъ этого всѣ поняли, что прельщенъ онъ отъ врага, и вотъ св. отцы не стерпѣли этого, пришли къ прельщенному, помолились Богу, отогнали бѣса отъ затворника, и послѣ онъ не видалъ его болѣе. Вышелъ монахъ изъ затвора и спрашивали его о Ветхомъ завѣтѣ, чтобы услышать что-нибудь. Инокъ же клялся, что никогда не читалъ такихъ книгъ, даже забылъ сразу грамоту, такъ что блаженные отцы должны были учить его вновь грамотѣ[1]). „Не отъ дьявола ли это и у уставщика", говорятъ иные изъ братіи: „ибо знаніе и земная мудрость иногда бываютъ и даромъ бѣсовъ".

Но не смущается уставщикъ этимъ говоромъ, завистью и кознями, крѣпокъ онъ духомъ и горитъ ревностью къ своему дѣлу.

И теперь, когда раздались удары въ било, первыми идутъ настоятель и доместикъ, не даромъ они постоянно и настойчиво требуютъ посѣщенія церкви: для спасенія души необходима общая молитва. „Подъ предлогомъ болѣзни не отлучайся отъ собранія церковнаго", говорятъ они. „Овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, скоро погибнетъ отъ волковъ. Ибо какъ дождь раститъ сѣмя, такъ церковь влечетъ души на добрыя дѣла. То, что ты творишь въ кельѣ, маловажно, не имѣетъ такой силы, какъ въ церкви. Читаешь ли ты псалтирь, двѣнадцать ли псалмовъ поешь — все это не можетъ сравниться съ соборнымъ пѣніемъ одного Господи помилуй! Монахъ, что

---

[1]) Такъ излагается житіе Никиты (Кіевскаго), „который потомъ предалъ себя на воздержаніе, послушаніе и чистое смиренное житіе, такъ что превзошелъ всѣхъ въ добродѣтели и впослѣдствіи былъ поставленъ епископомъ въ Новгородѣ за премногую свою добродѣтель".

воинъ: когда раздастся трубный звукъ, воинъ уже не спитъ. Забывая жену, дѣтей, имущество, даже жизнь свою, онъ устремляется въ битву преходящей славы ради. У инока же — борьба съ злыми силами за высшую цѣль. Поэтому инокъ долженъ съ ударомъ призывнымъ спѣшить къ святой церкви". Кто же, слыша три ударенія бильныхъ съ тщаніемъ не течетъ въ церковь, опаздываетъ, уходитъ, „развѣ истовыя вины и болѣзни[1]), въ эпитиміи да будетъ, да стоитъ въ трапезѣ, сухо да ястъ, да поклонится 30 разъ".

Большая часть братіи двинулась въ церковь. Не идутъ только нѣкоторые лѣнивые, а также тѣ, кто затворился и кто боленъ. Затворникъ не выходитъ изъ кельи уже нѣсколько лѣтъ, и пищу себѣ получаетъ отъ настоятеля одинъ разъ въ день чрезъ оконце, въ которое проходитъ рука. Болящій братъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не сходитъ съ своего одра.

Въ мірѣ онъ имѣлъ богатство, былъ купцомъ. Онъ пожелалъ быть инокомъ, роздалъ имѣніе нищимъ, принялъ постриженіе и сталъ вести строгую жизнь. Онъ облекся въ власяницу, зимою въ протоптанныхъ черевьяхъ стоялъ въ церкви, такъ что ноги его примерзали къ камнямъ пола и непрестанно со слезами молился Богу. Такъ долго жилъ онъ, но съ нѣкотораго времени братія стала замѣчать, что съ нимъ творится что-то неладное. Разъ, когда онъ не пришелъ въ церковь, братія изумилась и, явившись къ нему въ келью, нашла его полумертвымъ. Долго онъ оставался глухъ и нѣмъ, и только постепенно возвратился къ нему даръ слова. Тогда онъ разсказалъ, что съ нимъ произошло.

Когда онъ по обычаю, пропѣвъ псалмы и положивъ поклоны, утомленный сидѣлъ въ кельѣ, потушивъ огонь, вдругъ въ кельѣ засіялъ свѣтъ и передъ нимъ стали два юноши, съ лицами, блестящими какъ солнце. И сказали они ему: „мы ангелы", онъ въ простотѣ, не заподозривъ въ нихъ бѣсовъ, поклонился имъ. Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ нихъ сказалъ бѣсамъ, явившимся съ нимъ: „Возьмите сопѣли, бубны

---

[1]) Т.-е. кромѣ дѣйствительной причины и болѣзни.

и гусли и ударяйте въ нихъ, пусть инокъ намъ спляшетъ". Ударили въ сопѣли, бубны и гусли бѣсы и начали играть инокомъ, привели его въ совершенное истощеніе, оставивъ еле живымъ и надругались надъ нимъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня и нашла его братія полумертвымъ.

Разслабленъ онъ теперь тѣломъ, но духъ его бодръ. Часто, когда къ нему приходитъ братія, онъ поучаетъ ее: „Какъ скоро святой мужъ обречетъ себя на сугубое воздержаніе, тотчасъ являются къ нему искусители-бѣсы и отвлекаютъ его отъ богомыслія. Прежде невѣрные люди чтили бѣсовъ, поклонялись имъ и за боговъ почитали. Теперь же у угодниковъ божіихъ они въ пренебреженіи и безчестіи, какъ рабы купленные работаютъ, и люди ихъ отъ себя отгоняютъ. Бѣсы не могутъ стерпѣть такой обиды. „О злые, лютые супостаты, вопитъ бѣсъ, до смерти вашей безъ отдыху буду бороться съ вами". Не вѣдаетъ дьяволъ, что этимъ только онъ доставитъ инокамъ большіе вѣнцы. Сначала онъ дѣйствуетъ невидимо, потомъ досаждаетъ монахамъ, являясь тѣлеснымъ очамъ то въ образѣ лютыхъ звѣрей съ шерстью, съ когтями, съ хвостомъ, съ рогами и крыльями, то въ видѣ гадовъ, иногда въ образѣ человѣка. Постоянно нужно быть наготовѣ противъ дьявола. Нужно творить противъ бѣсовъ молитву запрещенія и чаще призывать имя Божіе. Великая твердость нужна, чтобы не погибнуть отъ бѣсовъ"...

Рѣютъ въ воздухѣ угасающаго душнаго дня, сулящаго ночью грозу, удары въ било, и текутъ иноки, одни смиренно другіе какъ-будто величаясь, не забывъ мірской буести (см. на картинѣ группу на фонѣ церкви). Не опережая другъ друга, идутъ монахи въ церковь. И будутъ въ церкви иноки пѣть вечернія славословія, молясь Богу за живущую въ монастырѣ братію, за жертвующихъ на обитель, за міръ, за всѣхъ христіанъ.

* * *

Непрерывно, неустанно, съ великимъ усиліемъ и скорьбями ведетъ настоятель борьбу со слабостью братіи. Игуменъ

сознаетъ, что труденъ уставъ общинножитія, что не по силамъ онъ большинству, обыкновеннымъ людямъ, и по частямъ дѣлаетъ послабленія, но все-таки многіе не выносятъ и уходятъ изъ монастыря въ монашескія слободки, гдѣ жизнь и надзоръ легче. Надолго ли хватитъ силъ для этой борьбы у игумена? А когда смерть смежитъ ему очи, найдется ли ему такой же преемникъ, который сумѣлъ бы вдохнуть въ братію такую же ревность къ подвигамъ, соберется ли около него достаточно сильныхъ натуръ, которыя поддерживали бы его въ стремленіи сохранить строгій общинножитный уставъ?

Большинство, пришедшее въ монастырь не столько съ мыслью о будущей жизни, сколько съ желаніемъ получше устроить свою настоящую жизнь, хочетъ итти ко спасенію путемъ монашескимъ, но желаетъ облегчить себѣ трудность пути. Оно мало расположено къ строгости и суровости жизни. Эти иноки подавятъ численностью, погубятъ общинножитіе — истинный монашескій уставъ и увлекутъ до своего уровня и тѣхъ, кто могъ бы быть настоящимъ подвижникомъ. Они добьются того, что имъ разрѣшатъ имѣть по кельямъ свои вещи и деньги, ослабятъ уставъ и отъ всего останется только общая трапеза[1]), да общая одежда монашеская. Тогда исчезнетъ общежитіе и замретъ истинная монашеская жизнь[2]).

---

[1]) Съ дозволеніемъ, сверхъ того, имѣть свою.

[2]) И дѣйствительно, урѣзанное и сокращенное общежитіе къ XIII вѣку почти перестало существовать. Въ половинѣ этого вѣка иночество „ослабѣло духомъ, не уменьшившись числомъ“. Павшее монашество возродилось въ XIV вѣкѣ, но въ Сѣверо-восточной Руси въ новыхъ условіяхъ и съ новымъ характеромъ.

Н. Тарасовъ и И. Ф. Гартвигъ.

Изъ исторіи русской культуры.

Въ усадьбѣ князя-вот-чинника.

Изданіе В. В. Думнова.

МОСКВА.—1909.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Съ картины А. Ѳ. Максимова.

Въ усадьбѣ князя-вотчинника.

Въ усадьбѣ князя-вотчинника[1]).

Еще въ XII столѣтіи, въ предѣлахъ Кіевскаго періода русской исторіи, замѣчается постепенный переходъ къ новому строю жизни, къ такъ называемому удѣльному порядку (XIII—XV в.). Хозяйственная жизнь Поднѣпровья разстраивается, борьба со степью съ сознаніи южанъ становится безполезной и непосильной[2]); чувство общей связи, общей думы о всей Русской землѣ ослабѣваетъ; каждый князь, постепенно обособляясь отъ другихъ сородичей, старается устроиться самостоятельной и независимой жизнью и прежнія крупныя княжества дробятся на множество мелкихъ удѣльныхъ[3]). Въ связи съ этимъ въ населеніи, сначала въ низахъ, а потомъ и среди князей и бояръ, съ стихійною силою выростаетъ стремленіе уйти отъ замирающей жизни на новыя мѣста, чтобы тамъ начать новую жизнь; часть переселенцевъ тянется на сѣверо-востокъ за Оку, въ область верхняго Поволжья, другая — на западъ, въ глубь Галиціи и Польши. Южная Русь къ концу XII в. бѣднѣетъ

---

1) Картина исполнена для этого изданія А. Ѳ. Максимовымъ.

2) См. очеркъ: „Половецкій набѣгъ".

3) Правда, поддерживается еще старое „лѣствичное восхожденіе" и живучее понятіе старшинства дяди надъ племянникомъ долго еще будетъ отстаивать свое существованіе, какъ на югѣ, на развалинахъ приднѣпровской жизни, такъ и во Владимірско-Суздальскомъ княженіи. Однако, жизнь уже сдвинулась со старыхъ основаній, и два несчастныхъ пораженія, одно конца XII в., описанное въ Словѣ о полку Игоревѣ, этомъ драгоцѣнномъ перлѣ русской древней поэзіи, другое начала XIII в. — битва на Калкѣ, являются только яркими показателями безсилія вдохнуть жизнь въ старыя одряхлѣвшія формы.

и пустѣетъ. Въ этотъ моментъ мы перевертываемъ прочитанную страницу русской исторіи и начинаемъ ея новую главу.

Посмотримъ теперь, какъ устроились тѣ переселенцы, которые потянулись на сѣверо-востокъ, за Брынскіе и Муромскіе лѣса, къ Окѣ и Волгѣ. Черезъ эти лѣса въ XI и началѣ XII вѣка не замѣтно прямого сообщенія Кіевской Руси съ отдаленнымъ Ростово-Суздальскимъ краемъ[1]). Съ половины XII в. дорогу эту сталъ прочищать народъ, передвигавшійся на сѣверо-востокъ.

Колонизація сѣверо-восточной Руси и особенно ея природа дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, какъ и тѣ силы, которыя объясняютъ намъ разложеніе Кіевской Руси: онѣ усиливаютъ еще болѣе распаденіе сложившихся въ Приднѣпровьѣ отношеній.

Какъ это всегда бываетъ въ лѣсной полосѣ, переселенцы идутъ небольшими группами; болѣе сильные, болѣе смѣлые покидаютъ старыя мѣста, въ которыхъ они видѣли столько горя и невзгодъ, отдѣляются отъ сородичей и сосѣдей, примирившихся со своей судьбою, и идутъ въ далекіе залѣсскіе края на новую жизнь. Переселенцы переходятъ на новыя мѣста не сразу, а птичьими перелетами, нѣсколько разъ осѣдая по пути и опять продвигаясь впередъ черезъ лѣса и болота; и если одно поколѣніе не могло закончить этой тяжелой работы, его смѣняло другое и продолжало ее, побуждаемое здоровымъ инстинктомъ народа, сремящагося положить прочный фундаментъ для лучшаго будущаго.

---

[1]) Въ 1015 г. Глѣбъ Муромскій, узнавъ о болѣзни отца, ѣдетъ въ Кіевъ обходнымъ путемъ вверхъ по Волгѣ и черезъ Смоленскъ внизъ по Днѣпру. Владимиръ Мономахъ въ „Поученіи дѣтямъ“ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ похвальбы говоритъ, что одинъ разъ изъ Кіева онъ проѣхалъ въ Ростовъ „сквозѣ вятичей“. Край вятичей, по верховьямъ Оки, былъ глухой лѣсной стороной; уйти въ лѣса къ вятичамъ значило спрятаться такъ, чтобы никто не нашелъ. Черниговскіе князья, къ территоріи которыхъ принадлежало племя вятичей, часто искали здѣсь убѣжища, побитые своею братьею. Здѣсь, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Орловской и Калужской губерній и тянулись столь извѣстные въ нашихъ сказаніяхъ о разбойникахъ дремучіе Брынскіе лѣса (Брянскъ, это Дебрянскъ — отъ „дебри“). Вотъ почему Суздальская земля называлась въ старину Залѣсской (Переяславль-Залѣсскій, Владиміръ-Залѣсскій). Сынъ Мономаха, Юрій Суздальскій, во время борьбы съ племянникомъ Изяславомъ (1149—1154), водитъ уже прямой дорогой изъ Ростова къ Кіеву цѣлые полки.

За Окой чувствовалось уже достаточно спокойно, чтобы окрѣпнуть, собраться съ силами и устроиться попрочнѣе: степь далеко, лѣса и болота для кочевниковъ представляютъ жилье неудобное, а могучая, широкая рѣка является основательной преградой для набѣговъ. Продвигаться дальше за Волгу пока нѣтъ надобности, да и представляется дѣломъ нелегкимъ: на сѣверѣ идетъ поперечное движеніе изъ Новгорода Великаго на востокъ; верстахъ въ 200 за Москвой (къ сѣверу) уже можно встрѣтить соперниковъ, такихъ же переселенцевъ, желающихъ захватить лучшія мѣста. И вотъ колонизація на время задерживаетъ свое дальнѣйшее поступательное движеніе; между тѣмъ съ юга народъ все прибываетъ и густо осѣдаетъ въ междурѣчьѣ Оки и Волги, создавая силу и мощь новыхъ удѣльныхъ княжествъ[1]).

Колонизація, разрывая кровныя и культурныя связи южнорусскаго населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ разбивала и самихъ новоселовъ на мелкія группы, пробиравшіяся на сѣверо-востокъ каждая за свой страхъ и своими силами. Природа Залѣсскаго края въ свою очередь содѣйствовала развивавшейся здѣсь обособленности населенія. Намъ трудно теперь представить себѣ всю первобытную дикость тогдашняго Залѣсья. Переселенцы на новыхъ мѣстахъ, по выраженію житій, были „ограждены отовсюду, яко оградою, великими и страшными дебри и многими лѣсы и зыбучими мхами и непроходимыми блаты"[2]).

Народу, попавшему въ такія условія, приходится начинать исторію какъ бы съ начала, и русскій народъ, принесшій съ юга уже значительные задатки культуры, бодро принялся за новую работу. Переселенцамъ, прежде всего, надо найти сухое, возвышенное мѣсто, гдѣ бы можно было построиться; по свойству мѣстности въ средней полосѣ Россіи, это большею частью или правый нагорный берегъ рѣки, или опушка вѣко-

---

[1]) Суздальскаго, Тверского, Ярославскаго, Московскаго, Нижегородскаго, Рязанскаго.

[2]) Въ глухихъ болотистыхъ углахъ нашего сѣвера или въ Сибири, съ ея таежной глушью, и до сихъ поръ встрѣчаются деревни, въ которыя можно проѣхать только зимою, когда замерзаютъ болота.

вого непроходимаго лѣса (раменье[1]). Выбравъ удобное мѣсто, новоселы заводили здѣсь подсѣчное, или огневое хозяйство. Это была необычайно трудная работа: чтобы очистить мѣсто подъ пашню, надо было выжечь лѣсъ, выкорчевать пни, поднять цѣлину. Выжигая лѣсъ на нови, удобряя почву золой, крестьянинъ[2]) сообщалъ суглинку усиленное плодородіе, но черезъ 6—7 лѣтъ почва совершенно истощалась, и крестьянинъ поднималъ другую новь и переносилъ свой дворъ на другое мѣсто. Такъ вокругъ перваго поселенія появлялись новыя займища, выселки, „починки на лѣсѣ", и деревня въ одинъ-два, много три крестьянскихъ двора, становится господствующей формой разселенія въ сѣверной Россіи чуть не до конца XVII в. Въ восполненіе скуднаго пропитанія, доставляемаго хлѣбопашествомъ на верхне-волжскомъ суглинкѣ, крестьянинъ долженъ былъ обращаться къ промысламъ: охотѣ, бортничеству, льноводству, лыкодерству, рыболовству, смолокуренію, солеваренію, желѣзному дѣлу и т. п.

Такъ природа опредѣлила занятія и характеръ поселеній, давъ имъ и соотвѣтственныя названія — Подболотни, Залѣсья, Замошья, Раменки, Суходола, Вышелѣса, Бортнаго стана, Соли Вычегодской, Соли Камской и т. д. Обособленность этихъ лѣсныхъ поселеній еще болѣе поддерживалась свойствомъ нашихъ рѣкъ. Образуя цѣлую сѣть переплетающихся водныхъ путей, единственныхъ удобныхъ средствъ сообщенія въ лѣсной полосѣ, наши рѣчные бассейны, вмѣстѣ съ возникшими на нихъ поселеніями, дали готовое основаніе для удѣльныхъ дѣленій и подраздѣленій. Всѣ эти рѣки и рѣчки, въ родѣ Ухтомы, Сити, Мологи, Кубены, Вадболы, Прони, — опредѣляютъ рамки территорій мелкихъ княжествъ Ухтомскаго, Сицкаго, Кубенскаго, Вадбольскаго, Пронскаго и др., называвшихся по именамъ рѣчекъ, въ бассейнѣ которыхъ онѣ возникали. Понятно, что

---

[1]) Раменье (рама, рамо) — лѣсъ, сосѣдній съ пашней; рамо — плечо; обраменье — окраина пашни, росчисти въ лѣсу.

[2]) Отъ „христіанинъ" — слово, которое мы встрѣчаемъ въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1170 годомъ, какъ понятіе, противополагаемое половцамъ; съ XIV ст. терминъ „крестьяны" на сѣверѣ употребляется въ отличіе отъ мѣстныхъ старожиловъ, финновъ-язычниковъ.

эти глухіе и бѣдные удѣлы доставались самымъ младшимъ членамъ княжескаго рода; старшіе стремились захватить удѣлы, расположенные на крупныхъ водныхъ путяхъ, болѣе населенные и богатые.

Такъ колонизація и природа создали міръ русскихъ поселковъ, послужившій готовой почвой для удѣльнаго строя жизни, распространившаго свое вліяніе на весь политическій и соціальный бытъ Россіи въ XIII—XV вѣкахъ[1]).

Посмотримъ теперь, какъ устроились въ этихъ условіяхъ удѣльный князь, его бояре и населеніе.

* * *

Передъ нами усадьба одного изъ удѣльныхъ князей средняго достатка. Обнесенная тыномъ съ тесовыми, покрытыми въ два ската воротами для въѣзда, она раскинулась довольно просторно на „росчисти“ по холмамъ[2]), одинъ изъ которыхъ круто спускается къ небольшой рѣкѣ Быстрицѣ, извивающейся лентой и уходящей вдаль.

Кругомъ усадьбы широкій просторъ полей и поемныхъ луговъ, окаймленныхъ на горизонтѣ лѣсомъ — обычный ландшафтъ средней полосы Россіи. Трудами двухъ-трехъ поколѣній уже расчищено изъ подъ-лѣсу пространство, достаточное для небольшого княжескаго хозяйства. Власти князя подчинены нѣсколько десятковъ деревень, вытянувшихся узкой полосой верстъ на тридцать вдоль протекающей черезъ княжество рѣки; помимо обширныхъ лѣсовъ, въ которыхъ находятся многочисленные бортные ухожаи, да поемныхъ луговъ, дающихъ огромное количество сѣна, князь владѣетъ, кромѣ нѣсколькихъ малыхъ озеръ, половиною большого рыбнаго озера, расположеннаго верстахъ въ 5 отъ усадьбы въ сторону; это

---

1) Экономической основой этого быта является господство натуральнаго хозяйства, которое, въ противоположность хозяйственному укладу жизни Поднѣпровской, связывавшему всѣ части древней Руси въ одинъ обширный организмъ, въ сѣверо-восточной Руси разобщало отдѣльныя части страны, какъ самодовлѣющіе, хозяйственные мірки.

2) Дворы по возможности старались расположить на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды и зимнихъ сугробовъ.

озеро досталось ему по духовной отъ его бездѣтнаго племянника. Другая половина оставлена въ „опришнину“[1]) княгинѣ-вдовѣ, которая, однако, имѣетъ въ виду завѣщать нашему князю или его сыну не только свою половину озера, но еще и деревень 30—40 изъ Заозерскаго края, составляющихъ два прихода. За 15—20 лѣтъ дѣятельности князя доставшійся ему отъ отца удѣлъ на его глазахъ ожилъ: глухія дебри расчищены, множество „людей пришлыхъ“ поселились на „новяхъ“, завели лѣсные промыслы, образовали поселки. Лѣсъ оказываетъ имъ самыя разнообразныя услуги: онъ обстраиваетъ ихъ сосной и елью, отапливаетъ березой и осиной, освѣщаетъ ихъ избы березовой лучиной, обуваетъ ихъ лыковыми лаптями, обзаводитъ домашней посудой и мочаломъ; онъ даетъ населенію пушного звѣря и лѣсную пчелу. Особенно выгодную статью и для населенія и для князя представляютъ бортныя ухожья, дававшія медъ и воскъ. Отъ звѣринаго промысла, съ бобровыхъ гоновъ, съ бортныхъ ухожьевъ въ княжескую казну приливаютъ все новые и новые доходы. Въ интересахъ князя содѣйствовать заселенію края: чѣмъ больше „призванныхъ“ и „посаженныхъ“, чѣмъ лучше разработаны угодья, тѣмъ больше будетъ у князя и силы и казны. И князь старается привлечь „новыхъ жильцовъ“ льготами, подмогою, т.-е. ссудою, заботливостью о благосостояніи и спокойствіи „новоприходцевъ“. Однимъ, которые поселились въ глубинѣ виднѣющагося вдали лѣса и завели тамъ лѣсное хлѣбопашество „на пали“[2]), онъ разрѣшилъ не платить въ теченіе нѣкотораго времени за арендованную землю; другимъ, поселившимся поближе, по берегу рѣки, онъ позволилъ „не ходити на дѣло“, т.-е. не работать на его княжеской запашкѣ въ теченіе двухъ или болѣе лѣтъ; третьимъ, пришедшимъ съ пустыми руками издалека, онъ далъ готовые дворы или лѣсу на постройку и, кромѣ того „подмогѣ два-три рубля“; маломочнымъ оказалъ поддержку зерномъ „на сѣмена и на ѣмена“; наконецъ, нѣкоторымъ, болѣе сильнымъ

[1]) Выдѣленное въ полную собственность владѣніе, большею частью, отдававшееся княгинямъ-вдовамъ.

[2]) Пашня, расчищенная изъ-подъ срубленнаго и спаленнаго лѣса.

пришельцамъ, удѣлилъ часть своей власти, оставивъ, впрочемъ, за собою дѣла о душегубствѣ и татьбѣ съ поличнымъ — дѣла, дающія больше всего доходу его казнѣ, въ видѣ судебныхъ пошлинъ и пеней.

При мысли объ этихъ неустанныхъ заботахъ и вознѣ съ непрерывно прибывающими новоселами князю кажется, что это онъ заселилъ безлюдный дотолѣ край, что ему одному принадлежитъ заслуга оживленія лѣсной пустыни[1]). Благодаря этому въ сѣверно-русскомъ князѣ мы видимъ новый типъ владѣльца, который отличается отъ приднѣпровскихъ князей: подобно многимъ боярамъ-вотчинникамъ, князь „припалъ къ землѣ“ и отъ нея „почуялъ силу“[2]).

---

[1]) Это сознаніе ложится въ основу его чувства собственности по отношенію къ заселяемому пространству. Мысль: это мое, потому что мною заведено, мною оживлено — вотъ тотъ политическій взглядъ, какимъ колонизація пріучала смотрѣть на свое княжество первыхъ князей верхне-волжской Руси. Онъ уже не „князь кормленый“ Кіевской Руси, котораго пригласили на извѣстныхъ условіяхъ „блюсти“ русскую землю; онъ „князь-вотчинникъ“, хозяинъ и строитель своего удѣла. Въ этомъ удѣлѣ онъ не столько правитель, сколько владѣлецъ; его княжество для него не общество, а хозяйство. Онъ считаетъ себя собственникомъ всей территоріи княжества, но только территоріи съ ея хозяйственными угодьями; люди, свободныя лица, юридически въ составъ этой собственности не входятъ. Князь не видѣлъ въ свободныхъ лицахъ подданныхъ въ нашемъ смыслѣ этого слова, потому что и себя не считалъ государемъ. Этихъ политическихъ отношеній тогда не существовало; не существовало и отношеній, изъ нихъ вытекающихъ. Словомъ „государь“ выражалась тогда личная власть свободнаго человѣка надъ несвободнымъ, надъ холопомъ; и удѣльный князь, подобно всякому землевладѣльцу, считалъ себя государемъ только для своей челяди.

Такимъ образомъ, удѣльное владѣніе по характеру своему приблизилось къ простому частному землевладѣнію, къ той привилегированной собственности, которая на языкѣ древнерусскаго права называлась боярской. Вотъ почему княжества въ это время стали наслѣдоваться по завѣщанію и передавались по личному усмотрѣнію завѣщателя, а не по очереди старшинства. Такое княжество, составлявшее частную собственность и передававшееся по завѣщанію и называлось „удѣльнымъ“.

[2]) Несомнѣнный быстрый ростъ крупнаго землевладѣнія въ концѣ кіевскаго періода русской исторіи и въ началѣ періода удѣльнаго, завершающійся полнымъ его господствомъ въ XV—XVI вѣкахъ, является лучшимъ доказательствомъ ошибочности распространеннаго у насъ представленія о чрезвычайной подвижности населенія московской Руси, какъ особенности, отличающей ее отъ осѣдлаго запада. Военные походы, дававшіе много добычи Поднѣпровью, на сѣверѣ потеряли прежній захватный характеръ; тамъ князь ходилъ къ людямъ (полюдье), здѣсь люди шли къ князю. У осѣвшаго сѣв.-русскаго князя съ его дворомъ и дружиною потребности не могли имѣть того минутнаго преходящаго значенія, какое обусловлено было безпокойнымъ образомъ жизни южныхъ князей; онѣ требовали удовлетворенія путемъ сборовъ болѣе опредѣленныхъ по времени, количеству и качеству; отсюда замѣна военной добычи системою кормленій. Князья

Хозяйство удѣльнаго князя ведется по типу боярскаго или вотчиннаго хозяйства[1]). Въ XII—XIV вв. главными статьями этого хозяйства являются звѣриная и рыбная ловля, промыслы, скотоводство и лишь отчасти земледѣліе. При отсутствіи капитала и рынковъ для сбыта крупная вотчина работаетъ только на себя, и всѣ продукты потребляются на мѣстѣ; отсюда возможность для князя и боярина держать при себѣ большое количество „дворныхъ“ слугъ и людей.

Въ этихъ условіяхъ живетъ и дѣйствуетъ удѣльный князь, изображенный на картинѣ. Личныя потребности князя и его двора удовлетворяются не столько путемъ сборовъ съ крестьянъ, поселившихся на черныхъ земляхъ, сколько наличными силами и средствами его собственнаго хозяйства. Для охоты, рыболовства, скотоводства и другихъ промысловъ служатъ „холопы купленые“ и слуги, находящіеся „подъ дворьскимъ“[2]): „бортьници“ (пчеловоды), псари, „бараши[3]), садовници, посельскии, ключники, тивуны, деяки“ и разнаго рода „дѣлюи“ (рабочіе); эти „холопы промышленники“ и вольные слуги живутъ въ особыхъ поселкахъ-слободахъ при лѣсахъ, озерахъ и рѣчкахъ и доставляютъ во дворецъ полагающійся съ нихъ сборъ натурою; а кто изъ вольныхъ слугъ „не въсхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь“, скажетъ князь въ своей духовной (т.-е. завѣщаніи).

Что касается земледѣлія, то, не имѣя возможности вести крупное хозяйство, нашъ князь раздѣлилъ свою землю на двѣ неравныя части; одну часть, небольшую, онъ оставилъ для нуждъ своего двора; эта земля обрабатывается или обязательнымъ трудомъ „задворныхъ холоповъ“ — „страдниковъ“, по-

---

поручали производство суда, поддержаніе порядка и сборъ доходовъ слугѣ вольному, который черезъ своихъ холоповъ и тіуновъ собиралъ ихъ съ населенія; послѣднее выплачивало ему дань натурой при въѣздѣ и къ праздникамъ Рождества Христова, на Пасху и на Петровъ день, а судебныя пошлины при производствѣ суда.

[1]) Вотчинное хозяйство (на западѣ мэноріальное) представляетъ соединеніе крупнаго землевладѣнія съ мелкой культурой.

[2]) Дворскій (дворецкій) — по историческому своему происхожденію, есть первый дворовый человѣкъ; онъ завѣдуетъ дворомъ князя, всѣмъ его хозяйствомъ; ему были подчинены всѣ люди, состоявшіе на службѣ двора, и всѣ дворцовыя земли.

[3]) Отъ слова „бара“ — домашняя рухлядь; барачъ — смотритель рухляди.

саженныхъ на пашню и населявшихъ „людскія деревни“ князя, или отдается большею частью съ „подмогой“ въ пользованіе вольнымъ людямъ, дворцовымъ крестьянамъ, съ обязательствомъ ставить во дворецъ опредѣленное количество хлѣба, сѣна, подводъ, а также дѣлать „боярское дѣло“, т.-е. помогать работамъ на княжеской пашнѣ. Остальныя земли, такъ называемыя, „черныя“, представлявшія большую часть удѣла, князь сдалъ въ аренду, на оброкъ, отдѣльнымъ крестьянамъ или цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ, какъ это дѣлали и частные землевладѣльцы. Эти черносошныя земли назывались „оброчными“.

Наконецъ, третій разрядъ земель въ этомъ удѣлѣ составляютъ владѣнія частныхъ вотчинниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ; нашъ князь или засталъ ихъ на мѣстахъ при своемъ водвореніи въ княжествѣ или уступилъ имъ часть своей земли и власти, такъ какъ они были нужны ему для службы или для молитвы. Первые являются почти независимыми отъ нашего князя властителями, вторые служатъ ему на тѣхъ или другихъ условіяхъ, сохраняя, впрочемъ, за собою право перейти на службу къ другому князю, согласно обычному тогдашнему требованію договорныхъ грамотъ, выражавшемуся словами: „путь чистъ, безъ рубежа“.

Природа и хозяйственная жизнь опредѣляютъ и внѣшній обликъ усадьбы. Постройки, которыя видны на правой сторонѣ, начиная съ Божьяго храма и кончая княжьими теремами, носятъ на себѣ отпечатокъ древне-русскаго сѣвернаго строительства, лучшими носителями котораго можно считать новгородскихъ плотниковъ. Въ сѣверной или вообще въ лѣсной сторонѣ начальною формою строительнаго художества была „клѣть“, образцы которой можно разсмотрѣть въ постройкѣ храма, находящагося на дальнемъ планѣ; клѣть, это четырехугольный срубъ изъ бревенъ, положенныхъ другъ на друга въ нѣсколько рядовъ, или вѣнцовъ и связанныхъ или въ уголъ (съ выступами бревенъ) или въ лапу (безъ выступовъ); нормальный размѣръ такой клѣти, въ ширину и въ вышину, опредѣлился въ теченіе вѣковъ свойствами самого матеріала, т.-е. длиною и толщиною изготовлен-

наго для обычныхъ строеній лѣса[1]). На сѣверѣ, при изобиліи лѣсного матеріала и по свойствамъ болѣе суроваго и сырого климата, съ давнихъ временъ, даже у сельскихъ людей, обнаружилась потребность ставить жилье въ два яруса; нижняя клѣть получала тогда названіе подклѣта, омшаника, подвала и т. п. Такъ храмъ, изображенный на картинѣ, расположенъ не „на пошвѣ“, а на подвалѣ, и чтобы попасть въ храмъ, надо подняться по лѣстницѣ. Храмъ Божій долженъ быть виденъ издали и потому надъ храмомъ высится срубленный на восемь угловъ верхъ, съ красивымъ изгибомъ, покрытый своеобразнымъ высокимъ шатровымъ покрытіемъ, спускъ котораго внизу обдѣланъ „полицею“, т.-е. довольно широкимъ обломомъ, защищавшимъ стѣны храма отъ потоковъ дождевой воды[2]). Когда населеніе стало прибывать и храмъ сталъ тѣсенъ, къ основной клѣти прирубили вторую тоже на подвалѣ, а къ ней притворъ, къ которому пристроено было крыльцо; на это крыльцо можно подняться со двора, а также крытымъ переходомъ пройти прямо изъ дворца.

Княжіе терема тоже выростали постепенно, по мѣрѣ роста семьи и потребности въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Для каждой статьи княжескаго обихода ставилась клѣть; для спальни особо — одрина, для стола и пріемовъ другая — гридня; особо для жены, для дѣтей, какъ малыхъ, такъ и взрослыхъ, особо для каждаго разряда служащихъ людей и для каждаго порядка людской службы. Къ этимъ-то органически выросшимъ хоромамъ и ведетъ находящееся на переднемъ планѣ крыльцо, на которомъ стоитъ нашъ князь. Въ древнемъ быту устройство крыльца не ограничивалось только тѣмъ значеніемъ, что это былъ необходимый входъ въ жилище. Оно, вмѣстѣ съ тѣмъ представляло

---

1) Обычно 3—4 сажени.

2) Такого рода чрезвычайно красивыя шатровыя покрытія сохранились на многихъ церквахъ Архангельской, Олонецкой и Вологодской губ.; съ XVI ст. эта форма покрытія перешла на каменные храмы; первымъ образчикомъ такого рода строенія считается сѣнь близъ Переяславля Залѣсскаго (въ 4 верстахъ), поставленная при царѣ Иванѣ Грозномъ. Въ городахъ центральной Россіи каменныхъ шатровыхъ колоколенъ не мало; изъ храмовъ, покрытыхъ шатромъ, извѣстенъ болѣе всего Покровскій соборъ въ Москвѣ (Василій Блаженный).

мѣсто особаго значенія, гдѣ долженъ былъ проходить цѣлый особый порядокъ бытовыхъ отношеній. На немъ происходили церемонныя встрѣчи и проводы гостей и стало-быть, показывался лицомъ тогдашній чинъ или этикетъ жизни. Вотъ почему и устройство крыльца выработалось въ особый строительный типъ. Обыкновенно оно состояло изъ нѣсколькихъ широкихъ лѣстницъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга „рундуками", или площадками, иначе сказать, отдыхами. Такъ какъ дорогому гостю, по обычаю, дѣлалось три встрѣчи, то и на крыльцѣ устраивалось три рундука. Сначала три ступени вели на нижній рундукъ, стоявшій передъ хоромами на площади двора. Дальше ступени шли прямо на средній рундукъ, откуда лѣстница поворачивала подъ прямымъ угломъ или вправо или влѣво, возлѣ стѣны зданія, и приводила на верхній рундукъ, находившійся на уровнѣ пола сѣней, передъ сѣнными дверями. Совокупность этихъ рундуковъ и лѣстницъ и составляла крыльцо, которое, какъ независимая часть, всегда пристраивалась къ хоромамъ особо, крыломъ, и никогда не входила подъ общую кровлю даже съ сѣнями; при этомъ каждая доля крыльца покрывалась особою кровлею, которая на нашей картинѣ изукрашена изображеніями птицъ, а сверху заканчивается конькомъ или кнесомъ, т.-е. соединеніемъ скатовъ въ вершинѣ въ одно ребро. Колонки у крыльца тоже изукрашены грубою рѣзьбою съ перехватами[1]), а доски въ боковыхъ стѣнкахъ расположены елочкой, какъ это гораздо лучше видно въ крыльцѣ церковномъ; кровля крыта узорчатымъ гонтомъ, а у церковнаго креста, чешуей[2]).

Виднѣющіяся за церковью хозяйственныя постройки, предназначенныя для храненія продуктовъ хозяйства, незатѣйливы по своей архитектурѣ — было бы прочно и просторно. Нѣсколько лучшій видъ представляетъ постройка, гдѣ живетъ „посельскій" [3]), завѣдывавшій дворцовой запашкой. Въ горницу (верх-

---

[1]) Такія рѣзныя колонки можно видѣть сейчасъ, напр. въ Пучугѣ, Вологодской губ. См. картину Верещагина въ Третьяковской галлерeѣ въ Москвѣ.

[2]) Подобную кровлю можно видѣть на деревянномъ храмѣ близъ Ростова Ярославской губ., на р. Ишмѣ.

[3]) „Посельскій" (по западно-европейской терминологіи феодальной эпохи villicus отъ villa — село) велъ хозяйство только на дворцовой землѣ, за что и пользовался

ній ярусъ) ведетъ со двора лѣстница съ красивыми просвѣтами любимой въ древне-русскомъ зодчествѣ полукруглой формы, съ „колпакомъ" надъ верхнимъ рундукомъ; внизу въ „подвалѣ" и въ кладовыхъ рядомъ съ горницей хранится кормовой запасъ, мука, лучшее зерно для посѣва, и все, что можетъ понадобиться въ хозяйствѣ. Вся постройка покрыта кровлею на 4 ската, которая называлась „скирдомъ" или „епанчею"[1]). Окна, которыя во всѣхъ постройкахъ расположены высоко, дѣлались или „малыя", узкія и продолговатыя, большею частью, волоковыя, или „красныя", т.-е. побольше и покрасивѣе, такъ наз. „косящатыя", съ затѣйливымъ „очельемъ" (фронтономъ) и наличниками; эти послѣднія дѣлались со ставнями.

Возлѣ избы посельскаго видны сельскохозяйственныя орудія, возъ съ мѣшками муки, только что привезенной съ мельницы, бочки со смолой; сзади виднѣется огромный „омбаръ" съ главнымъ добромъ — хлѣбомъ. Въ разныхъ избахъ, горницахъ и подклѣтахъ живутъ у князя цѣлыми семьями многочисленные дворяне этого двора, исполнявшіе всякія службы и всякое ремесло и художество для господина. Ближайшія службы ставились ближе къ хоромамъ, далекія тѣснились по окраинамъ двора, и все вмѣстѣ своими дверями, воротами и окнами, такъ сказать, глядѣло на хозяйскій „верхъ", какъ назывались господскія хоромы, откуда можно было однимъ взглядомъ окинуть весь дворъ.

Наша картина, на фонѣ повседневной хозяйственной жизни княжеской вотчины, изображаетъ административно-судебную дѣятельность князя. Князь — удѣльный державецъ — въ пре-

---

пожалованнымъ ему участкомъ земли, а также особыми пошлинами, которыя онъ собиралъ съ крестьянъ; онъ былъ подчиненъ дворецкому, „вѣдавшему" всѣ тѣ земли княжества, на которыхъ велось хлѣбопашество (черныя земли). Власть „посельскаго" была, кромѣ того, ограничена снизу, властью мірскихъ людей — выборныхъ старостъ; уставныя грамоты предписываютъ посельскому: „а безъ старосты и безъ лучшихъ людей суда не судити".

[1]) Ея вышина равняется ширинѣ основанія поперечныхъ скатовъ. Если кровля ставилась круче, такъ что вышина равнялась ширинѣ основанія продольныхъ скатовъ, то она называлась „полаткою".

красное лѣтнее утро вышелъ осмотрѣть свое хозяйство; вмѣстѣ со своими дворцовыми боярами онъ уже успѣлъ обойти дворъ, за оградой осмотрѣлъ работы на ближайшихъ поляхъ и лугахъ, побывалъ на гумнѣ и въ овинѣ и убѣдился, что дѣло идетъ своимъ чередомъ. По дорогѣ онъ обсуждаетъ со своими „думцами“ все то, что служитъ устроенію вотчины и удѣла: въ полѣ ведетъ рѣчь объ урожаѣ, о качествахъ зерна; при возвращеніи во дворъ князь обращаетъ вниманіе на два стога сѣна, заглядываетъ въ „омбары“ и кладовыя, бесѣдуетъ о томъ, хватитъ ли запасовъ втеченіе долгой зимы на всѣхъ живущихъ во дворѣ; сговаривается, когда назначить день для охоты и дѣлаетъ распоряженія по текущимъ дѣламъ. Государь-вотчинникъ не только не отвергаетъ, но и требуетъ всегда отъ подвластныхъ общаго совѣта, общаго схода для разсужденій по дѣламъ вотчины. Онъ не довѣряетъ одному уму, какъ бы великъ онъ ни былъ и настаиваетъ, чтобы всякое дѣло обсуждалось сообща, всѣми наличными умами. Ему всегда нужна „дума“ окружающихъ его людей.

На обратномъ пути у избы посельскаго князю бьетъ челомъ „худой“ (бѣдный) крестьянинъ, проситъ дать ему въ ссуду „осмину“ ржи для посѣва[1]); освѣдомившись у посельскаго, нѣтъ ли за просителемъ недоимки по прежнимъ долгамъ, князь даетъ разрѣшеніе выдать просимое. Крестьянинъ держитъ подъ мышкой мѣшокъ; посельскій приказываетъ ключнику отперетъ кладовую и насыпать зерна; онъ возьметъ съ крестьянина заемную, „кабалу“, въ которой будетъ указанъ срокъ для отдачи долга[2]), или количество работы на господской землѣ, какое съ него потребуется.

Кругомъ идетъ мирная повседневная хозяйственная жизнь; дворовый холопъ несетъ мѣшокъ муки священнику, живущему за церковью; у колодца перебраниваются бабы; къ водопою привели лошадей, по двору ходитъ домашняя птица; тутъ же вѣрный стражъ хозяйскаго добра, дворовый песъ.

---

[1]) Осмина (полчетверти) — восьмая часть кади, или окова; въ кади 32 кадки малыя, по четверику.

[2]) Тѣ, которые занимали деньги (серебро), назывались „серебряниками“.

Покончивъ съ хозяйственными заботами, князь послѣ легкаго отдыха выходитъ вновь и становится на нижней площадкѣ крыльца. Онъ вышелъ не одинъ; сзади него дворецкій, главный его помощникъ, который въ случаѣ утомленія, болѣзни или отсутствія князя, можетъ его замѣнить. Налѣво отъ крыльца, въ центрѣ картины стоятъ четыре боярина, съ которыми онъ дѣлитъ свои труды и доходы. Каждому изъ нихъ князь приказалъ (поручилъ) вѣдать тотъ или другой путь, т.-е. оброчную статью или угодья[1]). Одинъ изъ нихъ вѣдаетъ луга, лошадей и людей, приписанныхъ къ конюшему пути (конюшій), другой (чашникъ) завѣдуетъ „бортными ухожьями“ и медами, третій (стольникъ) — рыбной ловлею и другими угодіями „стольнича пути“, четвертый хранитъ рухлядь (домашній скарбъ), оружіе и дворцовую казну (казначей)[2]). Какъ ближайшіе совѣтники князя, постоянно ему помогающіе совѣтомъ и службою, они называются боярами „введенными“, такъ какъ они „вводились“ въ особое довѣріе къ князю.

Всѣ бояре, какъ и князь, одѣты понаряднѣе, хотя покрой одежды тотъ же, что и у крестьянъ. Рубахи — у простыхъ людей бѣлыя холщевыя, у знатныхъ и богатыхъ цвѣтныя, богато вышитыя, иногда шелковыя, дѣлались широкими и не очень длинными; спускаясь сверхъ исподняго платья, рубахи подпоясывались низко и слабо узкимъ пояскомъ — опояскою. Обувь дѣлалась изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфты, у бояръ изъ персидскаго и турецкаго цвѣтного расшитаго сафьяна.

Бояре почти каждый день собираются у крыльца[3]), гдѣ вмѣстѣ съ ними и въ настоящее время князь занятъ обычнымъ своимъ дѣломъ — судомъ и расправою. Власть нашего князя, какъ власть всякаго крупнаго землевладѣльца въ этотъ періодъ,

---

[1]) Отсюда названіе „путные бояре“.

[2]) Каждый изъ нихъ вѣдалъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, людей, приписанныхъ къ его вѣдомству; такимъ образомъ каждый человѣкъ зналъ, куда ему обратиться со своими дѣлами; удѣльный порядокъ дробилъ общество, но щадилъ лицо, которое со всѣми своими многообразными житейскими отношеніями было свободной недѣлимой единицей.

[3]) Въ ненастное время — въ теремѣ.

носитъ вотчинный характеръ: онъ судитъ вольныхъ людей и требуетъ себѣ повиновенія, въ интересахъ общественной безопасности, но лишь до тѣхъ поръ, пока эти люди сидятъ на его землѣ; какъ только кончается срокъ аренды, кончаются и его юридическія отношенія къ свободнымъ арендаторамъ его земли. Въ данный моментъ передъ нимъ бояринъ-вотчинникъ Иванъ Родивоновичъ, которому онъ далъ несудимую грамоту такого содержанія: „А волостели мои доводчиковъ своихъ не всылаютъ къ Ивану и ко всѣмъ его людемъ ни по что, ни кормовъ не емлютъ, ни судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ: а праветчики (сборщики), поборовъ не берутъ у нихъ, ни въѣзжаютъ ни по что. А вѣдаетъ свои люди самъ Иванъ или кому прикажетъ". Освободивъ его людей, живущихъ въ селѣ Кинели съ деревнями отъ всякихъ сборовъ и повинностей — „ино имъ не надобѣ... ни сѣнъ моихъ косити, ни коня моего кормити, ни къ сотскому, ни къ дворскому (дворецкому) не тянуть ни въ какія протори (убытки), ни въ разметы (раскладки), ни иныя ни которыя пошлины не надобѣ" — нашъ князь позаботился и о томъ случаѣ, когда произойдетъ столкновеніе интересовъ лицъ, подвластныхъ разнымъ вотчинникамъ; такія дѣла разбирались на *смѣсномъ* (совмѣстномъ) *судѣ* двухъ вотчинниковъ: „а случится судъ смѣсной, и волостели мои судятъ... а Иванъ съ ними же судитъ, или кому прикажетъ: а присудомъ ся дѣлятъ наполы"[1]). Наконецъ, князь предвидѣлъ въ своей грамотѣ и тотъ случай, который изображенъ на картинѣ: „А кому будетъ чего искать на Иванѣ или на его приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь Ондрѣй, или мой бояринъ введеный". Что же сдѣлалъ преступнаго бояринъ Иванъ? Онъ совершилъ со своими людьми обычное по тогдашнему времени дѣло — *наѣздъ,* т.-е. разбойничій набѣгъ на слугу племянницы князя, княгини-вдовы; слуга этотъ былъ „волостелемъ стольнича пути" на озерѣ и „вѣдалъ" рыбную ловлю на княгининой половинѣ; ему были подчинены „судомъ и кормомъ" рыболовы, жившіе въ пяти деревняхъ,

[1]) Судебный штрафъ пополамъ.

расположенныхъ вдоль берега, которые для совмѣстнаго съ волостелемъ суда и управленія выбирали „старосту рыболовля“. Набѣгъ боярина Ивана вызванъ былъ старыми счетами по владѣнію озерными рыбными богатстами; бояринъ угналъ нѣсколько лодокъ, ограбилъ имущество волостеля на 30 рублей съ полтиною (однорядку, шубу бѣлью, калиту съ деньгами) и убилъ княгининаго слугу Алешку.

На крикъ волостеля прискакалъ княгининъ псарь и сосѣдніе крестьяне; они бросились въ погоню за грабителями, захватили боярина и привели его къ князю. Черезъ нѣсколько дней былъ назначенъ судъ; тѣмъ временемъ извѣстили о случившемся княгиню-вдову, которая и прислала своего боярина введеннаго. Судъ совершается въ присутствіи стоящаго тутъ же у крыльца княгининаго боярина, который представляетъ интересы княгини-вдовы. Такимъ образомъ, передъ нами судъ „смѣсный“. Волостель смиренно стоитъ направо отъ зрителей, безъ шапки; провинившійся бояринъ Иванъ съ нимъ задорно объясняется; ближе, спиной къ зрителямъ, стоитъ княгининъ бояринъ. Старикъ волостель разсказываатъ: „бояринъ Иванъ насъ угонилъ со своими многими людьми... да насъ, господине княже, и псаря княгининаго учали бити и саблями сѣчи, а мы, княже, у нихъ отбилися, да на томъ бою у соцкаго, у Ѳилата, саблею ногу отсѣкли“. Показаніе потерпѣвшаго вполнѣ подтвердилось, да и бояринъ Иванъ не отрекается, и князь, поговоривъ съ своими „думцами“, обязываетъ боярина вернуть ограбленное и уплатить 2 рубля за Алешкину голову княгинѣ да два рубля въ свою княжескую казну[1]).

Покончивъ съ однимъ дѣломъ, нашъ князь долженъ будетъ разрѣшить еще другое дѣло, гдѣ ему также понадобится содѣйствіе его бояръ, такъ какъ въ случаяхъ болѣе важныхъ имена бояръ, участвовавшихъ въ рѣшеніи дѣла, прописывались въ актѣ, излагавшемъ приговоръ бояръ, чтобы впослѣд-

---

[1]) Такого рода наѣзды при отсутствіи государственной власти поневолѣ заставляли мелкихъ своеземцевъ (землевладѣльцевъ) „бить челомъ для береженья“ т.-е. искать защиты и покровительства „отъ сильныхъ людей насильства“ у князей, монастырей и крупныхъ бояръ землевладѣльцевъ; это обозначалось терминомъ „закладываться“.

ствіи можно было сослаться на нихъ, если князь умретъ; тогда они подтвердятъ, что грамота настоящая, княжеская; это тѣмъ болѣе необходимо, что нашъ князь писать не умѣетъ: „книгамъ не ученъ бѣаше", а только „книги духовныя въ сердцѣ своемъ имяше". Дѣло въ томъ, что уже давно слуга вольный Титъ Мартьяновъ, дожидающійся въ сторонкѣ своей очереди, билъ князю челомъ о томъ, что де „у князя есть островъ Шабуровъ съ Чернымъ озеромъ, внизъ рѣкою Быстрицею на усть Моломы; а тотъ де островъ и озеро дичь, на оброцѣ не бывалъ ни за кѣмъ, и нынѣ на оброкъ и во лготу и в помѣстье не отданъ никому, и к волости не приписанъ ни х которой", и его бы Тита Мартьянова „пожаловати", за службу, „что онъ служилъ, зимѣ и лѣтѣ по вся годы, дати ему тотъ островъ и с Чернымъ озеромъ на лготу, и сыстоки и со всѣми угодья, которые на томъ острову". И князь „Тита Мартьянова пожаловалъ, далъ ему тотъ островъ Шабуровъ на два года на лготу: тѣмъ ему островомъ и озеромъ и со всѣми угодьи, что на томъ острову, владѣти; а какъ отбудутъ лготѣ урошные лѣта, и Титу Мартьянову съ того острова послѣ лготы давати оброку, з году на годъ, по двѣ гривны". Мартьяновъ вмѣстѣ съ тѣмъ выпросилъ льготу отъ яма[1]) и всякой тягости на 5 лѣтъ для крестьянъ старожильцевъ и на 10 лѣтъ для новоприходцевъ, которыхъ онъ переманитъ къ себѣ „съ иныхъ сторонъ"; онъ проситъ при этомъ, чтобы „въ его околицу" не въѣзжали ни по что праветчики и другіе княжескіе слуги; а кто у него въ той вотчинѣ и селѣ съ деревнями „иметъ жити (изъ) людей, ино вѣдаетъ ихъ самъ Титъ Мартьяновъ или кому прикажетъ". Вольный человѣкъ Мартьяновъ, повидимому, человѣкъ бывалый и со средствами: онъ стоитъ, скрестивши руки, съ довольно независимымъ видомъ; на его сапогахъ, шапкѣ и рубахѣ расшиты узоры. Нашъ князь не прочь будетъ удовлетворить его просьбу и даже назначить его „волостелемъ" въ качествѣ органа мѣстнаго управленія на арендномъ началѣ: онъ выговоритъ себѣ тогда половину

[1]) Ямъ — подводная повинность — отъ татарскаго слова „дзямъ" — дорога; отсюда „дзямчи", или „ямчи", гонецъ, ямщикъ.

сборовъ, оброчныхъ, судныхъ и иныхъ. Однако князь въ своей духовной не забудетъ упомянуть: „а Шабуровъ островъ съ Чернымъ озеромъ, что есмь далъ Титу Мартьянову, аже иметь сыну моему которому служити, островъ и съ озеромъ будетъ за нимь; не иметь ли служити дѣтемъ моимъ, тотъ островъ отоимуть“. Князь властенъ и одинъ разрѣшить дѣло, но онъ совѣтуется со своими боярами, имена которыхъ и будутъ записаны въ актѣ вмѣстѣ съ именемъ дьяка, его писавшаго. Такимъ образомъ, передъ нами, у крыльца боярская дума въ ея простѣйшемъ составѣ; члены ея — бояре введенные и путные — отвѣтственные свидѣтели и сотрудники князя по дѣламъ управленія и суда, цѣловавшіе на томъ крестъ. Князь слушаетъ ихъ и думаетъ съ ними „добрую думу, кая бы пошла на добро“.

Обсудивъ важнѣйшія дѣла со своими боярами и поставивъ приговоръ, князь обращаетъ свое вниманіе на другихъ лицъ, стоящихъ у крыльца. На дальнемъ планѣ за боярами дворные люди или дворяне, которые состоятъ при князѣ для личныхъ услугъ или особыхъ порученій; ихъ двое: это младшіе дружинники, иногда даже княжескіе холопы; они служатъ ключниками, тіунами, дьяками, судебными приставами; „кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду“; въ военное время, подобно боярамъ и слугамъ, дворяне превратятся въ воиновъ. А теперь у каждаго изъ нихъ есть дѣло къ князю, и они, какъ младшіе, терпѣливо ждутъ, когда князь обратитъ вниманіе и на нихъ: одинъ изъ нихъ намѣтилъ себѣ въ жены дѣвицу, живущую у княгини въ теремѣ, и намѣренъ перейти на службу къ княгинѣ-вдовѣ вмѣстѣ съ новобрачной; такъ какъ дѣло почти уже слажено взаимнымъ соглашеніемъ дяди и племянницы, то дворянину придется уплатить лишь „выводную куницу“; другой обратится къ князю съ подобной же просьбой, но такъ какъ новобрачные останутся въ томъ же имѣніи, съ него князь возьметъ только или „новоженый убрусъ“ (полотенце) или 4 деньги.

Поодаль налѣво стоитъ захваченный съ поличнымъ тать, который думалъ воспользоваться княжескимъ хомутомъ; его

связали и привели княжескіе холопы. Князь поручитъ разобрать это дѣло своему боярину введенному-конюшему.

Въ полдень, покончивъ всѣ дѣла, князь съ боярами отдохнетъ за обѣденнымъ столомъ и подкрѣпитъ свои силы крѣпкимъ стоялымъ медомъ. Послѣ обѣда всѣ улягутся спать въ прохладномъ мѣстѣ и будутъ спать до вечерни. Къ вечеру пригонятъ княжеское стадо: коровъ, овецъ, барановъ[1]). Сельскохозяйственныя и домашнія работы будутъ прерваны, до слѣдующаго дня. А на завтра ждутъ князя новыя заботы подобныя тѣмъ, которыя онъ пережилъ наканунѣ.

Время близится къ осени. На дворцовыхъ земляхъ распаханы полосы подъ озимь; вскорѣ начнется посѣвъ; а тамъ пойдетъ молотьба да работа на княжеской мельницѣ; на зиму заготовлены для скота стога сѣна; сельскохозяйственный круговоротъ закончится, наступитъ зимнее время, и усадьба, занесенная снѣгомъ, надолго будетъ отрѣзана отъ всего окружающаго міра.

* * *

Приблизительно такую же жизнь ведетъ и крупный землевладѣлецъ-бояринъ. Дружина кіевскаго періода русской исторіи перестаетъ „бродить и кружиться", и, какъ мы видѣли, довольно рано, уже въ XII вѣкѣ и притомъ еще въ Приднѣпровьѣ, пріобрѣтаетъ новый осѣдлый характеръ, такъ какъ боярина привязываетъ къ мѣсту его землевладѣніе, основа его благополучія. Съ этихъ поръ дружинники не пируютъ больше „на сѣнѣхъ" въ княжескихъ теремахъ, а сидятъ мирно въ своихъ вотчинахъ и занимаются тѣмъ дѣломъ, которое въ удѣльныя времена было важнѣе всего — борьбою съ природой. Князь имѣетъ теперь дѣло не съ дружиной, какъ цѣлымъ, а съ отдѣльными слугами, боярами, которыхъ осталось во дворцѣ

[1]) Судя по значительному количеству скашиваемаго въ это время каждымъ дворомъ сѣна и по обычаю платить дани и налоги не только хлѣбомъ, но и продуктами скотоводства и птицеводства — масломъ, сыромъ, овчинами, бараньими лопатками, курами, яйцами — можно думать, что не только княжеское, но и каждое хозяйство имѣло коровъ, овецъ, барановъ, лошадей и домашнюю птицу. На сѣверѣ въ Новгородской области приходилось тогда по одной, по двѣ лошади на дворъ.

самое большое 9—13 человѣкъ, и то у богатаго или великаго князя.

Бояре-вотчинники настолько самостоятельны, что мало чѣмъ отличаются отъ мелкаго владѣтельнаго князя, имѣвшаго 2—3 села и нѣсколько деревень. Землевладѣлецъ въ удѣльный періодъ пользуется обширными привилегіями — правомъ вотчиннаго суда, управленія и сбора налоговъ[1]. Вотчинникъ во всемъ „вѣдаетъ свои люди самъ или кому прикажетъ“; впослѣдствіи обыкновенно исключались дѣла „о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ“. Благодаря дробленію удѣловъ, которое доходитъ до того, что иногда вся резиденція удѣльнаго „державца“ состояла изъ княжеской усадьбы и села, мелкіе удѣльные князья, или „княжата“, какъ ихъ стали называть позднѣе, теряютъ всякое политическое значеніе и сами идутъ на службу къ болѣе сильнымъ князьямъ. Однако, долгое время они пытаются сохранить черты владѣтельныхъ государей. Такъ, одинъ изъ князьковъ Кубенскихъ, владѣвшій волостью Бохтюгой, даетъ несудимую грамоту Глушицкому монастырю и пишетъ ее по формулѣ грамотъ великокняжескихъ: „Се, язъ, князь Юрій Ивановичъ, пожаловалъ есмь“... но, выдавая свое принизившееся значеніе мелкаго вотчинника, въ концѣ грамоты выговариваетъ себѣ отъ игумена „кормъ“: „на Рождество Христово полоть мяса, да десятеро хлѣбовъ... а на Петровъ день — десятеро хлѣбовъ да боранъ“.

Помимо этого дробленія власти, соединенной съ землевладѣніемъ, мы видимъ, что за отсутствіемъ государственной власти лица соединяются въ частные союзы для взаимной защиты и помощи, причемъ образуется лѣстница служебныхъ отношеній. Бояринъ удѣльнаго времени прежде всего военный слуга своего князя. Грамоты XIV и XV столѣтій свидѣтельствуютъ о непремѣнной обязанности бояръ слѣдовать за княземъ, когда онъ „садится на конь“, т.-е. выступаетъ въ походъ: „а кто кому служитъ, тотъ съ своимъ осподаремъ и ѣдетъ“. Но, выступая въ походъ съ войсками великаго князя, бояре про-

[1]) На западѣ такое право обозначалось словомъ „иммунитетъ“.

стого удѣльнаго князя идутъ особымъ полкомъ подъ стягомъ своего князя: „кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ княземъ и ходити, съ своимъ воеводой". Въ свою очередь люди, жившіе въ вотчинѣ боярина, зависѣли отъ своего вотчинника, а не отъ того князя, которому онъ служилъ, и бояринъ, слуга князя, имѣлъ въ свою очередь слугъ — „дѣтей боярскихъ" — мелкихъ вотчинниковъ, соотвѣтствовавшихъ боярскимъ дружинникамъ (отрокамъ) Кіевскаго періода.[1])

Однако, эта служба основана не на подданствѣ, а на свободномъ договорѣ: бояринъ удѣльнаго времени былъ вольнымъ слугою своего князя; во всякое время онъ могъ „отказаться" отъ службы и перейти на службу, „приказатися" другому князю[2]).

Договоръ удѣльнаго времени двусторонній: одинъ обѣщаетъ „господину осподарю моему.. служити ми ему вѣрно, безхитростно а быти ми съ нимъ за одинъ на всякаго", „а на томъ на всемъ язъ... цѣловалъ крестъ своему осподарю"[3]), а другой обязуется „боронити отъ всякого" своего слугу. И какъ бояре „били челомъ князю въ службу", такъ закладни „били челомъ боярину для береженья", причемъ бояринъ или князь, взявъ закладниковъ подъ свою защиту, говорилъ своему дворцовому слугѣ: „блюди ихъ, а въ обиду ихъ не выдавай никому". Свои отношенія къ господину-князю удѣльный слуга въ XV вѣкѣ выражалъ такъ: „Господине... твой есмь человѣкъ...[4]) „а всегда есми твой"; бояре, въ случаѣ отказа отъ службы, говорили: „Господине княже, не надѣйся на насъ, уже бо есмы отнынѣ не твои, и нѣсть есмя съ тобою, но на тя есмы".

Такова жизнь удѣльнаго времени. Мы видимъ, что главными его особенностями являются: экономическая обособлен-

---

[1]) Вавассеры или arrière-vassaux феодальнаго запада.

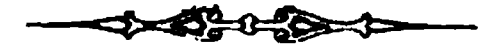
[2]) Въ цѣломъ рядѣ договорныхъ грамотъ XIV и XV вв. мы читаемъ: „а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля". Въ древнѣйшее время, надо полагать, бояре „отъѣзжали съ вотчинами", т.-е. передавали вотчины въ государственное обладаніе новаго господина; съ конца XIV вѣка князья оговариваютъ въ грамотахъ, что бояринъ воленъ служить кому хочетъ, но въ качествѣ землевладѣльца, онъ обязанъ подчиняться власти мѣстнаго князя, „судомъ и данью потянути по землѣ".

[3]) Это ничто иное, какъ обязательство службы и вѣрности — hommage и foi (servitium и fidelitas).

[4]) Homo на западѣ.

ность мѣстныхъ мірковъ, вытекающая отсюда политическая раздробленность Россіи XIII—XV вѣковъ, развитіе частно-правовыхъ отношеній вмѣсто государственныхъ, дробленіе власти и тѣсное соединеніе ея съ землевладѣніемъ, образованіе лѣстницы служебныхъ отношеній, наконецъ, договоръ, какъ основа взаимныхъ отношеній и свобода договаривающихся сторонъ, какъ основной элементъ общественности.

Въ новой обстановкѣ, въ условіяхъ сѣверной природы, среди обособленныхъ хозяйственныхъ мірковъ Сѣверная Русь политически дробилась и теряла прежнія слабыя связи земскаго единства; князья, замыкаясь въ своихъ вотчинахъ, отчуждались другъ отъ друга и, превращаясь по своимъ понятіямъ и интересамъ въ частныхъ сельскихъ хозяевъ, теряли значеніе блюстителей общаго блага. Сѣверная Русь была, сравнительно съ южной, бѣднѣе и матеріальными средствами и уровнемъ своего гражданскаго развитія. Однако, этотъ жизненный строй въ самомъ себѣ носилъ зародышъ разрушенія. Сдѣлавъ свое дѣло, давъ возможность населенію приспособиться къ новымъ условіямъ, подчинить себѣ природу и собраться съ силами, этотъ порядокъ долженъ былъ уступить свое мѣсто другому порядку, служившему выраженіемъ объединительныхъ стремленій великорусской народности. И когда изъ среды обѣднѣвшихъ и измельчавшихъ удѣльныхъ князей поднялся одинъ сильный владѣлецъ и вступилъ съ ними въ борьбу, онъ не только не вызвалъ со стороны удѣльныхъ сосѣдей дружнаго отпора, но даже встрѣтилъ сочувствіе великорусскаго населенія, искавшаго соотвѣтствующей политической формы для новой, болѣе широкой и сильной жизни — *національной* и *государственной*.



Н. Т. ТАРАСОВЪ и Ф. ГАРТВИГЪ.

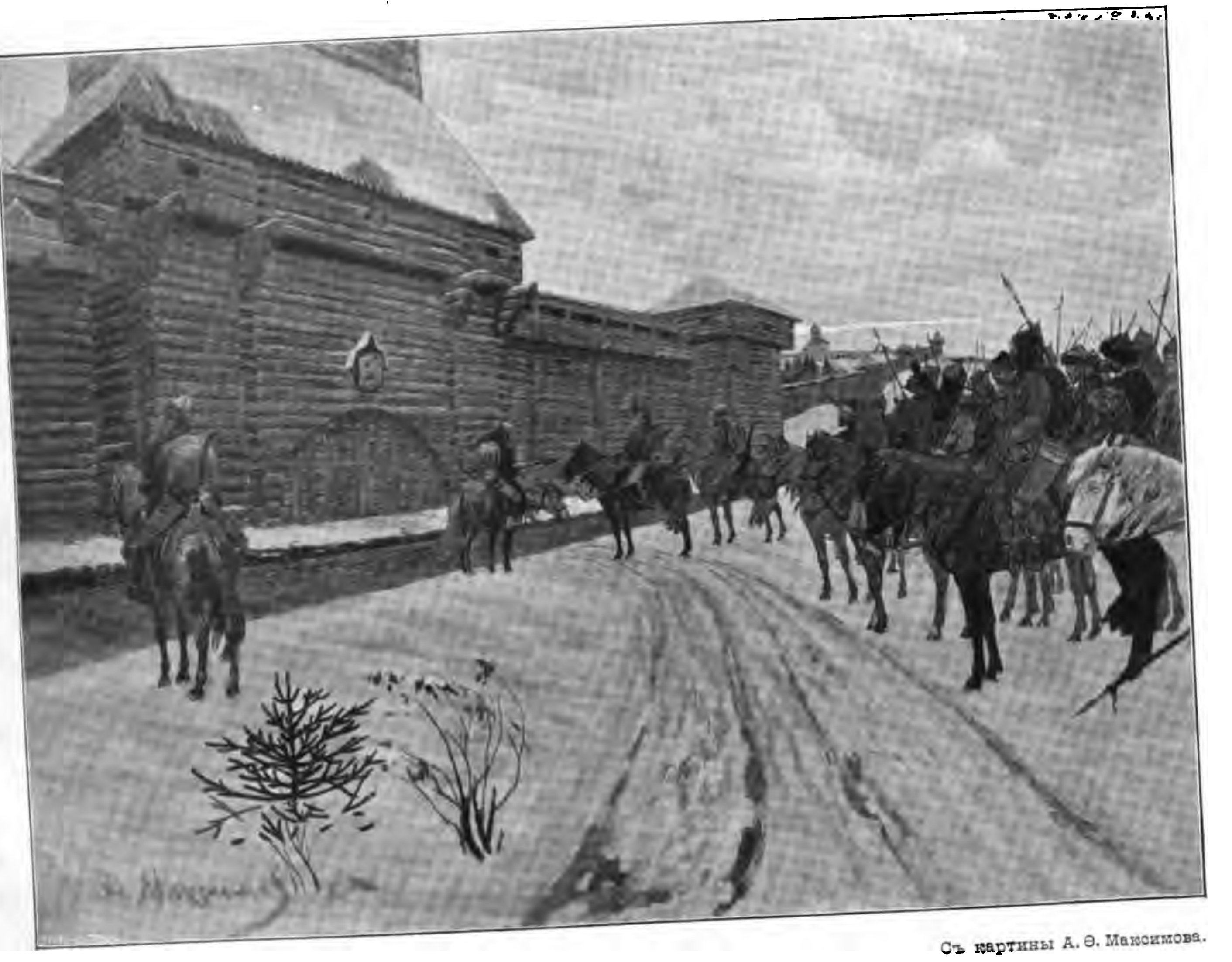
ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Врагъ подъ стѣнами...

ИЗДАНІЕ В. В. ДУМНОВА.

МОСКВА.—1910.

Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.



Съ картины А. Ѳ. Максимова.

Врагъ подъ стѣнами...

Врагъ подъ стѣнами....

Постоянные набѣги и междоусобицы, мѣшавшіе торговому обмѣну и промышленному труду, дѣлавшіе жизнь невыносимою, заставили населеніе Приднѣпровья бѣжать на сѣверъ. Основываясь здѣсь, въ малозаселенномъ краѣ, среди мирныхъ финскихъ племенъ, оно находило на первыхъ порахъ спокойствіе, но не могло сразу развить широко ни торговли, ни промысловъ. Населеніе въ новой странѣ было немногочисленно, мало зажиточно, и оно почти не нуждалось въ обмѣнѣ. Хозяйство, носившее вполнѣ домашній характеръ, вырабатывало для себя все нужное на мѣстѣ. Каждая семья сама добывала себѣ хлѣбъ, изъ собственнаго льна выбивала масло и ткала сама себѣ холстъ, дѣлала сама домашнюю утварь, даже орудія, сама строила себѣ жилье, прибѣгая къ чужой помощи только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда отдѣльныя малыя силы семьи оказывались недостаточными. Въ княжескихъ, боярскихъ и церковныхъ усадьбахъ и угодьяхъ, разрабатываемыхъ холопами и княжескими дворцовыми слугами, большинство добываемыхъ продуктовъ шло на удовлетвореніе простыхъ и несложныхъ потребностей, продавалось и покупалось немного. При господствѣ натуральнаго хозяйства, при самоудовлетвореніи и отсутствіи внутренняго спроса, при отдаленности внѣшнихъ рынковъ для сбыта и недостаткѣ хорошихъ путей сообщенія, торговыя сношенія и обмѣнъ продуктовъ не могли быть развиты, земледѣліе, лѣсные промыслы и скотоводство были главными занятіями почти всѣхъ жителей. При

такихъ условіяхъ городовъ въ новомъ краю было мало; при однообразіи занятій жителей городское населеніе не могло рѣзко отличаться отъ сельскаго: горожане въ значительной долѣ, такъ же какъ и селяне занимались земледѣліемъ и обрабатывали поля въ окрестностяхъ своего города и только очень немногіе посвящали себя ремесламъ.

Но по мѣрѣ того, какъ прибывало населеніе, берега рѣкъ и ихъ притоковъ покрывались поселками, въ разныхъ мѣстахъ появлялись перевозы, волоки, большія и малыя усолья[1]), вытягивались рядки[2]), росли погосты, торги, ширились посады съ промышленнымъ и торговымъ характеромъ[3]), а подлѣ всего этого рубились города-укрѣпленія. И постепенно устанавливалась жизнь, появлялось раздѣленіе труда, увеличивалась зажиточность населенія, а вмѣстѣ съ этимъ брала силу торговля, пріѣзжали свои и чужіе купцы, которые, торгуя въ лавкахъ, на лодьяхъ и возахъ, въ обмѣнъ на хлѣбъ, шкуры, медъ, воскъ, скотъ и соль, продавали металлическія издѣлія, оружіе, вино, шелковыя, бумажныя и шерстяныя ткани. Зарождавшаяся торговля уже начала намѣчать будущіе торговые центры.

Еще не вполнѣ было закончено заселеніе края, не совсѣмъ окрѣпла въ немъ начавшаяся торгово-промышленная жизнь, какъ начались нашествія и междоусобія.

Въ началѣ борьба съ нашествіями шла успѣшно. Когда въ XII вѣкѣ при движеніи на востокъ переселенцамъ пришлось столкнуться съ воинственными и стойкими народами, мордвой черемисой и булгарами, которые часто набѣгали на пограничныя села, князья не разъ отражали ихъ, не разъ ходили походами въ Булгарское царство, разрушая ихъ города, уводя съ собой плѣнниковъ. Въ 1221 году, при устьѣ рѣки Оки, въ центрѣ мордвы, на сборномъ мѣстѣ русскихъ полковъ противъ мордвы и булгаръ, даже возникъ новый городъ — Нижній.

---

[1]) Усолья — солоеварни, варницы.

[2]) Рядки — рядами поставленныя строенія для торговли.

[3]) Въ самыхъ названіяхъ мѣстностей древней Руси слышится ихъ торговое и промышленное значеніе: Торжокъ, Устюжна — Желѣзное поле. Бортницы, Соль Галицкая, Волокъ-Ламскій, Исады (пристань).

Но успѣхъ былъ непродолжителенъ. Въ началѣ второй трети XIII вѣка Булгарское царство рушится, его завоевываютъ татары. Надъ значительной частью сѣверной Руси проходятъ они опустошительнымъ ураганомъ [1]), а затѣмъ, покоривъ Русь себѣ, они часто являются или въ видѣ баскаковъ или въ видѣ войска, уводя въ плѣнъ жителей, оставляя „кучи пепла и труповъ" тамъ, гдѣ они проходили [2]). Одновременно съ этимъ на западѣ надвигаются тевтонскіе рыцари и меченосцы, на сѣверо-западѣ наносятъ удары шведы. Въ XIV столѣтіи на юго-западѣ начинаетъ напирать Литва, соединившаяся съ Польшею.

Къ этимъ нападеніямъ извнѣ въ то же время примѣшиваются походы и нашествія своихъ. Русь разбилась на мелкіе удѣльные міры. Въ каждомъ изъ нихъ—своя жизнь, свои интересы, свои права уголовныя и гражданскія. Эти мелкія области съ неправильнымъ территоріальнымъ распредѣленіемъ и черезполосицею, съ развивающимся соперничествомъ и настроеніемъ примысловъ и захватовъ — постоянно въ борьбѣ. На порубежьяхъ, ничѣмъ не отмежованныхъ, вѣчныя татьба, грабежи, драки, разбои. То жители одной земли, собравшись въ шайки, врываются, чтобы поживиться на счетъ богатыхъ сосѣдей или пограбить суда и обозы, то они идутъ ратью, чтобы рѣшить оружіемъ споръ о поземельныхъ правахъ [3]), си-

[1]) Въ Торжкѣ были истреблены всѣ жители, городъ сожженъ, въ Козельскѣ перебиты даже дѣти, и это не было исключеніемъ: то же самое было сдѣлано съ городами и селами Рязанской и Суздальской земли.

[2]) За XIII и XIV вв. по лѣтописямъ можно насчитать до 80 случаевъ взятія русскихъ городовъ татарами и разоренія ихъ. Въ частности съ конца XIII в. до начала XV вѣка можно отмѣтить слѣдующія нашествія татаръ. Въ 1293 г. Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переяславль, Угличъ, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и многіе другіе города были опустошены. Въ 1319 г. преданы огню Ростовъ, Кострома, Брянскъ. Въ 1322 г. сожженъ Ярославль. Въ 1327 г. опустошены со всѣми пригородами Тверь, Кашинъ, Торжокъ. Въ 1340 г. Толубей ходилъ подъ Смоленскъ. Въ 1365 г. Тогай сжегъ Рязань. Въ 1373 г. пожжены Рязанскіе города. Въ 1377 г. уничтожены Нижній Новгородъ и Рязань. Въ 1382 г. отъ Москвы осталась „земля окровавленная и пепелъ", опустошены Серпуховъ, Коломна, Переяславль. Съ 1388 по 1402 г. „изгономъ" 7 разъ находили татары на Рязанскую землю. Въ 1395 г. разоренъ татарами Елецъ и нѣкоторые рязанскіе города.

[3]) Таковы споры о правѣ князя на земли бояръ, купленныя въ чужомъ княжествѣ между Тверью и Новгородомъ въ 1366 г. и между Москвою — въ 1456 г. о земляхъ Ростовскихъ и Бѣлозерскихъ.

лою взять дань, отнять область[1]). То воинственные и безпокойные князья затѣваютъ изъ родовыхъ счетовъ „нелюбье“.

Всѣ эти войны, ведутъ ли ихъ свои или чужіе, сопровождаются непремѣннымъ грабежомъ, опустошеніемъ. Битвъ и осадъ могло и не быть, но безъ разореній и захватовъ имущества при вступленіи во враждебную землю дѣло не обходилось. Война имѣетъ главною цѣлью наживу и разоренье; воевать, по общему взгляду, значитъ обогащаться добычею[2]), уничтожать врага и его имущество. Поэтому при выборѣ мѣста для нападенія выдвигаются не столько стратегическія соображенія, сколько желаніе выбрать мѣстность, способную прокормить и обогатить воиновъ, побывать тамъ, „гдѣ не были ни отцы, ни дѣды“, „идти къ цѣлому мѣсту“. Эта возможность обогащенія и привлекаетъ народъ и составляетъ славу и выгоду похода. Въ противномъ случаѣ, когда не удается этого, походъ возбуждаетъ насмѣшку, какъ со стороны своихъ, такъ и чужихъ. Говорятъ, что рать ничего не взяла, „развѣ только земли копытомъ“, что вмѣсто непріятельскаго города „едва взяли пѣшкомъ свои собственные дома“, т.-е. едва возвратились домой.

Обогащеніе соединяется съ свирѣпостью и опустошеніемъ. То и другое лежитъ въ существѣ войны и обусловливается особенностями военнаго дѣла. Какъ скоро весь народъ всею

---

[1]) При господствѣ точки зрѣнія исключительнаго значенія личности въ жизни, войны удѣльныхъ временъ объяснялись только враждою князей между собою. На самомъ дѣлѣ эти войны происходили изъ соперничества одной земли въ отношеніи къ другимъ, изъ желанія преобладанія. Большая часть этихъ войнъ велась отъ лица цѣлыхъ земель по интересамъ этихъ послѣднихъ.

[2]) Благодаря интересу къ добычѣ международное право XIV в. хорошо разработало вопросъ о военной добычѣ. Военная добыча не возвращается никогда — „тому погребъ“. Добычею считается только то, что взято со времени начала военныхъ дѣйствій „какъ станетъ“ врагъ подъ городомъ, а не то, что награблено до объявленія войны и по объявленіи войны до начала военныхъ дѣйствій и что взято на плѣнникахъ. Право участія въ военной добычѣ при ея дѣлежѣ принадлежитъ всѣмъ ратнымъ людямъ безъ всякаго различія, каждый воинъ пріобрѣтаетъ то, что захватилъ. Исключеніе дѣлается только въ пользу плѣнныхъ, относительно которыхъ въ мирныхъ договорахъ встрѣчаются особыя условія взаимнаго возвращенія ихъ послѣ войны, даже въ томъ случаѣ, если бы они были уже кому и проданы. Кромѣ добычи раздавались князьями всѣмъ воинамъ по окончаніи войны единовременныя денежныя награды или изъ собственныхъ суммъ или изъ суммъ, выговоренныхъ съ побѣжденныхъ при заключеніи мира.

своею массою переходитъ въ воиновъ, трудно и опасно отличать мирныхъ жителей отъ немирныхъ, щадить ихъ жизнь и имущество. Съ другой стороны, при слабомъ развитіи государственнаго хозяйства для продовольствія войска нѣтъ иныхъ средствъ кромѣ собственности врага. Отобраніе же имущества только въ мѣру необходимости для обезпеченія продовольствія рати во время похода невозможно при отсутствіи правильной воинской дисциплины и строгаго повиновенія власти начальника. Кромѣ того, это лишило бы войну главной ея привлекательности въ глазахъ массы народа. Съ цѣлью дать возможность всѣмъ поживиться и для полнѣйшаго опустошенія непріятельской страны, войско пускается „въ разгонъ", т.-е. раздѣляется на мелкіе отдѣльные отряды, которые расходятся по разнымъ направленіямъ и разоряютъ совершенно страну [1]). Выжечь селенія, погубить хлѣба, изъ скота „не оставить ни рога, ни куряти", „землю пусту сотворить" [2]) верстъ на 300 и шириною въ 50, или разграбить до сотни волостей — было нипочемъ. Вслѣдъ за войскомъ въ непріятельскую страну стекаются изъ порубежныхъ мѣстъ всѣ тѣ, кто желалъ поживиться при полной безопасности, и доканчиваютъ дѣло опустошенія, начатое войскомъ.

Въ теченіе почти 234 лѣтъ съ 1228 года по 1462 по лѣтописямъ насчитываютъ свыше 250 войнъ, изъ которыхъ 160 внѣшнихъ нашествій и 90 внутреннихъ междоусобій.

Какая же могла быть безопасность въ небольшомъ удѣльномъ княжествѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ врагами, въ странѣ, не имѣвшей естественныхъ преградъ на границахъ, и потому совершенно открытыхъ для нападенія сосѣдей, которые не хотѣли пропустить ни одного удобнаго случая пограбить города и селенья? Какая же могла развиваться экономическая жизнь, когда постоянный страхъ передъ нападеніемъ

---

[1]) Особенною жадностью отличались охочіе люди.

[2]) Для обозначенія опустошенія страны древнерусское военное дѣло выработало довольно богатый лексиконъ. Кромѣ вышеупомянутыхъ словъ встрѣчаются термины: тереть, терять, истратить, потравить, выжечь землю, обиліе расточить по землѣ, запалить огнемъ, расхитить, ограбить.

подрывалъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, когда каждое нашествіе поднимало населеніе, спѣшившее бѣжать, укрыться, и отрывало его отъ труда на долгое время, когда каждое появленіе врага сопровождалось избіеніемъ и полономъ людей, уничтоженіемъ результатовъ кропотливой многолѣтней работы, когда сверхъ всего населеніе было должно еще платить тяжелые поборы?

Неурядица жизни питала разбои. Разбой[1]), „рубежъ“[2]), плохія дороги, тяжелыя, многочисленныя и легко возраставшія въ числѣ и размѣрѣ пошлины, мытъ и тамга[3]), малое количество свободныхъ денегъ, слабый кредитъ, высокіе проценты[4]) все это ставило сильныя стѣсненія развитію начинавшей подниматься экономической жизни. А ко всему этому еще присоединялись по временамъ голодъ, моровыя повѣтрія и частые пожары. Населеніе таяло, разорялось, вся жизнь мелкаго княжества клонилась къ упадку.

Но населеніе съ князьями во главѣ не опускаетъ рукъ, не отдается апатіи.

Когда мало-по-малу начинаютъ выясняться новыя условія, устанавливаться, хотя и мало удовлетворительный, но опредѣленный порядокъ жизни и появляться моменты относительной тишины и спокойствія[5]), поднимается работа для

---

[1]) Въ виду частыхъ разбоевъ на пути купцы соединялись въ караваны человѣкъ въ 300. Ночуя подъ открытымъ небомъ, они огораживались повозками въ видѣ укрѣпленія и ставили часовыхъ, такъ какъ каждую минуту можно было ожидать нападенія. Такъ изображаетъ торговую поѣздку русско-татарскаго каравана венеціанецъ Канторини, самъ ѣхавшій съ нимъ изъ Астрахани въ Москву съ 10 августа по 23 сентября 1473 года.

[2]) Рубежъ — насильственный захватъ купеческихъ товаровъ.

[3]) „Мытъ“ — торговая заставная пошлина, взимаемая при провозѣ товаровъ черезъ внутреннія заставы у мостовъ, селъ, городовъ, на рѣкахъ и дорогахъ. При самой продажѣ уплачивалась „тамга“ съ цѣны покупаемаго и продаваемаго товара. Многочисленныя пошлины, выгодныя для князей и другихъ лицъ, въ пользу которыхъ шли эти сборы, были очень убыточны для промышленныхъ и торговыхъ людей, особенно при неизбѣжныхъ придиркахъ и злоупотребленіяхъ сборщиковъ.

[4]) При небезопасности жизни кредитъ былъ ограниченъ, и проценты — рѣзы — были очень высоки: 20 — обычный процентъ.

[5]) Междоусобныя войны въ XIII и XIV вѣкахъ не происходили непрерывно, какъ въ Кіевской Руси, а прерывались иногда промежутками внутренняго мира и тишины.

ослабленія зла, выработка средствъ для борьбы съ тѣмъ, что̀ особенно гибельно для жизни.

Первой насущной потребностью было — остановить нападенія своихъ и чужихъ. Но для этого не было въ отдѣльныхъ княжествахъ достаточныхъ силъ. Поэтому оставалось изыскать средства къ тому, чтобы при губительныхъ частыхъ вторженіяхъ хотя бы защитить жизнь, имущество и страну. Лучшимъ средствомъ для этого казалась постройка укрѣпленій и организація обороны[1]).

Съ этою цѣлью вблизи границъ, обыкновенно у устьевъ рѣкъ, ведущихъ во внутреннія части владѣній или къ стольному городу, ставились крѣпости — города[2]), какъ наиболѣе надежный оплотъ противъ внезапныхъ вторженій. Прикрывали городами и удобныя переправы на рѣкахъ[3]).

Города были двоякаго вида. Одни имѣли простыя укрѣпленія — валъ и тынъ. Это были временные остои, въ мирное время пустые[4]). Наполнялись они только при вторженіи непріятеля, когда окрестное населеніе сбѣгалось сюда изъ поселковъ, чтобы спасти себя и имущество отъ врага и отси-

---

[1]) Изнеможеніе силъ, удаляя мысль о наступательныхъ дѣйствіяхъ, подсказывало дѣйствія оборонительныя. Рѣдко, нерѣшительно и слабо дѣйствовала русская рать въ открытомъ полѣ, предпочитая держаться вблизи укрѣпленій города, затворяясь при первомъ невыгодномъ оборотѣ дѣлъ за стѣнами, обороняясь за ними смѣлѣе. Отраженіе, удержаніе врага ставилось наравнѣ, а то и выше самой рѣшительной побѣды. Съ 1228 года по 1462 годъ на 250 войнъ приходится 70 извѣстій о битвахъ и около 180 извѣстій объ осадахъ городовъ.

[2]) Различіе между городомъ и поселкомъ опредѣляется въ это время не столько экономическимъ характеромъ, сколько различною степенью защищенности. Жители поселка едва прикрыты огорожей отъ звѣря, въ городѣ же жители защищены укрѣпленіями. Городъ почти равнозначущъ съ крѣпостью.

[3]) Присматриваясь къ распредѣленію пригородовъ по области, можно замѣтить, что они расположены по окраинамъ, образуютъ часто извѣстный кругъ и строятся въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ и въ то время, когда возникаетъ опасность. Какъ только проходила необходимость въ укрѣпленіи для даннаго мѣста, города падали и исчезали. Отъ степени опасности положенія и важности города зависѣла большая или меньшая сила укрѣпленія. Псковъ, стоящій среди открытой мѣстности поблизости сильныхъ враговъ, имѣлъ четыре стѣны. Новгородъ, лежавшій среди болотъ, рѣкъ, озеръ и лѣсовъ, дѣлавшихъ его малодоступнымъ въ лѣтнее время, до XIV вѣка имѣлъ одну стѣну.

[4]) Таковы, напр., городъ Демонь, все населеніе котораго состояло изъ церковнаго причта, дьяка да сторожа.

дѣтьсявъосадѣ[1]). По минованіиопасности населеніе возвращалось въ насиженныя мѣста, а городъ снова пустѣлъ до новой опасности. Города другого вида были крупнѣе и имѣли не только укрѣпленія, но и постоянныхъ жителей, пріютившихся у подножія стѣнъ въ посадѣ[2]). При нашествіи „посажане" и „бѣжане" изъ окрестныхъ селъ затворялись въ стѣнахъ города, у котораго жили. Города перваго вида имѣли исключительно стратегическое значеніе, ихъ рубилъ князь, считаясь только съ военной нуждою. Города-посады второго вида, имѣя укрѣпленія, являлись, въ то же время торгово-промышленными пунктами и возникали въ связи съ хозяйственными потребностями края. Въ однихъ мѣстахъ городъ давалъ толчокъ возникновенію посада: поселеніе дружины, жившей войной и не занимавшейся промышленной дѣятельностью, побуждало жителей увеличивать количество припасовъ и товаровъ. По мѣрѣ роста спроса подвозъ ихъ шелъ изъ окрестныхъ селъ, и сельское населеніе, увлекаясь выгодою сбыта, переселялось ближе къ городу подъ прикрытіе его стѣнъ. Въ другихъ мѣстахъ разросшійся посадъ для своей защиты получалъ городъ-осаду, иначе — дѣтинецъ.

Съ накопленіемъ богатства, съ осложненіемъ обстановки жизни, разстаться съ которой и перейти въ тѣсный городъ-осаду было неудобно и убыточно, постепенно появляется мысль, что лучше обнести и пригородный посадъ также стѣною. Притомъ умножившееся населеніе окрестныхъ селъ также нуждается въ болѣе обширной осадѣ, а старый городъ-дѣтинецъ малъ и разсчитанъ на небольшое число бѣглецовъ. При труд-

---

[1]) До нашего времени сохранилась старинная дѣтская игра „городокъ". Она состоитъ въ томъ, что кружокъ участвующихъ въ ней дѣтей назначаетъ мѣсто — „городокъ" и обводитъ его чертою, отдѣляющею его отъ „поля". Внутри черты остается „сторожокъ". „За горой" — вдали отъ городка прячется врагъ — „волкъ". Играющіе въ качествѣ „гусей" разбѣгаются „по полю" вразсыпную вокругъ городка и при первомъ кличѣ „сторожка": „гуси подому, волкъ за горой!..." стараются скрыться за чертою „городка". Въ этой игрѣ проф. Леонтовичъ видитъ пережитокъ той глубокой старины, когда народъ жилъ вразсыпную и во время вражескихъ набѣговъ спѣшилъ за стѣны, когда изъ городка, построеннаго на возвышеніи, чтобы наблюдать за врагомъ, сторожъ, ударяя въ набатъ или призывая крикомъ, давалъ знать объ опасности.

[2]) Число жителей въ такихъ городахъ-посадахъ было очень невелико. Посадское населеніе въ Копорьи около 1500 г. было всего 18 человѣкъ преимущественно ремесленниковъ, въ Корелѣ — 232, въ Ладогѣ — 137, въ Ямѣ — 332 человѣка мужскаго пола.

ности расширить стѣны дѣтинца обносятъ стѣной и посадъ, разсчитывая мѣсто не только для постоянныхъ жителей, но и для бѣжанъ.

* * *

Одинъ изъ такихъ городовъ, оплотовъ противъ врага, созданныхъ самимъ населеніемъ, и представленъ на нашей картинѣ[1]). Это не „славный“ или „многонародный городъ“, не „стольный“, а средней величины пригородъ.

На картинѣ видны двѣ части его. Дѣтинецъ, городъ, иначе называемый кремлемъ, занимаетъ высокій, обрывистый, трудно доступный холмъ у рѣки. Внутри дѣтинца — соборный каменный храмъ, дворъ воеводы, избы для ратныхъ людей. Къ дѣтинцу примыкаетъ посадъ, спускающійся по отлогому склону холма въ низину. Около послѣдняго пріютилось подгородье, слобода, уже не видная на картинѣ[2]).

Какъ дѣтинецъ, такъ и посадъ опоясаны деревянной стѣной[3]).

---

[1]) Для возстановленія внѣшняго вида города XIII—XV вѣковъ, до примѣненія пороха, имѣется мало данныхъ. При частыхъ пожарахъ эти города рѣдко доживали до XVII вѣка. Краткія лѣтописныя упоминанія о томъ, что погорѣло, что возобновлено, и другія случайныя подробности, разсѣяныя въ разныхъ мѣстахъ, а также немногочисленные вещественные памятники являются единственными источниками. Сопоставляя все это съ тѣмъ, что даютъ изображенія на иконахъ, у иностранцевъ и въ чертежахъ Сибирскихъ земель XVI—XVII вѣковъ, можно замѣтить, что рѣзкаго различія въ существенномъ деревянныя укрѣпленія особенно въ Сибири, гдѣ они строились для обороны отъ туземцевъ, незнавшихъ пушекъ въ XVI и XVII вѣкахъ, не испытали. При неизмѣнности общихъ условій жизни и военнаго дѣла неизмѣнными оставались и основныя строительныя формы деревянныхъ укрѣпленій. Сибирскіе остроги XVI—XVII вѣковъ и приняты за исходную точку для возстановленія укрѣпленій древнерусскаго города. Образцомъ сибирскихъ остроговъ могутъ служить остатки Якутскаго острога и модель его въ Императорской Археологической Коммиссіи въ С.-Петербургѣ, поступившая въ 1904 году.

[2]) Кромѣ этого дѣленія значительные города, напр., Ростовъ, Новгородъ, дѣлились на концы.

[3]) Въ восточной части Сѣверной Руси при обиліи лѣса, недостаткѣ камня и маломъ умѣніи строить изъ него, стѣны и постройки, за исключеніемъ каменнаго храма, въ городахъ возводились изъ дерева. Въ западной части, гдѣ подъ руками былъ камень, строились иногда стѣны изъ камня, какъ напр., въ Копорьѣ, Орѣшкѣ, Ямѣ, Порховѣ, Изборскѣ, Гдовѣ. Съ половины XIV вѣка и въ восточной части важнѣйшие города стали обноситься каменными стѣнами. Москва получила каменныя стѣны въ 1367 году, Нижній Новгородъ — въ 1372 году. Но большинство городовъ и позднѣе оставалось съ деревянными укрѣпленіями. О стоимости укрѣпленій деревянныхъ отъ XV вѣка (1465 г.) есть

Эти стѣны со стрѣльницами[1]) и ровъ — дѣло рукъ населенія города и его волости, и не одно поколѣніе отдало сюда энергію, силы и трудъ.

Зимой въ студеную пору жители города и сосѣднихъ селеній, сами, — а кто не могъ или не хотѣлъ, поставивъ за себя рабочихъ за плату, — валили въ лѣсу крѣпкія толстыя ели, сосны, дубы и возили ихъ къ мѣсту. Весной, отпѣвши молебенъ, рубили они укрѣпленія и, какъ только земля отошла, копали ровъ, стоя иногда по колѣно въ холодной водѣ, спѣша все окончить до начала полевыхъ работъ. Но мало поставить стѣны и провести ровъ. Отъ времени все разрушается и нужно поддерживать укрѣпленія въ порядкѣ, чинить. Постройка и всѣ починки „всякое городовое дѣло" лежитъ повинностью на горожанахъ и жителяхъ волости. Трудна эта повинность, особенно для тѣхъ, кто живетъ далеко, кому нужно ходить на работы за десятокъ верстъ, тяжела она очень для всѣхъ, когда постройку или починку укрѣпленій приходится производить въ виду неминуемо грозящей опасности въ самый разгаръ сельскихъ работъ[2]). Освободить никого нельзя; дѣло обороны, дѣло общее и очень важное, ради него наоборотъ освобождаютъ даже отъ обязанности являться на судъ.

Но на созданіе крѣпости отданъ не только одинъ большой физическій трудъ, сюда вложено также много знанія, мысли, техническаго умѣнья и опыта. Должно быть, хорошъ былъ воевода, который строилъ городъ „повелѣніемъ" князя[3]).

свѣдѣнія: нанятые 80 мастеровъ строили городъ 3 года и за это получили 175 рублей. Каменныя укрѣпленія Яма были выстроены „только въ 33 дня".

[1]) Названіе башни входитъ съ половины XVI вѣка.

[2]) Въ виду неуравнительности натуральной повинности, съ установленіемъ денежнаго хозяйства, съ XVI вѣка начинаютъ встрѣчаться попытки перевести эту повинность на деньги.

[3]) Сначала строилъ крѣпость „городникъ", который съ населенія за свои труды получалъ при началѣ постройки стѣнъ куну, при концѣ — ногату, а во время строенія еженедѣльно 7 хлѣбовъ, 7 уборокoвъ пшена, 7 луконъ овса на 4 лошади и 10 луконъ солода на все время работы; деньгами — на мясо, рыбу и питье тоже еженедѣльно. — Съ XV вѣка строятъ города воеводы. Подъ 1408 годомъ: „повелѣніемъ великаго князя срубленъ бысть Ржевъ — городъ, а воевода бѣ при строеніи — князь Юрій Котельскій, да Юрій Васильевичъ".

Снаружи стѣны можно принять за простой бревенчатый заборъ, который, пожалуй, не трудно проломить или опрокинуть. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Прочность поставлена первой задачею укрѣпленія. Эта стѣна не заборъ, а вѣнчатая ограда. Прежде такія ограды составляли изъ отдѣльныхъ срубовъ такъ называемыхъ „городней". Но, какъ показалъ опытъ, городни не такъ прочны. Срубы, поставленные рядомъ, въ мѣстахъ соприкосновенія быстро загниваютъ отъ падающаго туда дождя и снѣга. Кромѣ того, отдѣльные срубы, получая отъ времени неодинаковую осадку, дѣлаютъ ограду менѣе устойчивой. Гораздо прочнѣе постройка тарасами, когда ставятъ двѣ продольныхъ бревенчатыхъ стѣны и связываютъ ихъ на опредѣленномъ разстояніи поперечными перегородками, такъ что образуется рядъ глубокихъ клѣтокъ[1]). Для устойчивости такая стѣна еще плотно соединена со стрѣльницами; бревна тарасъ пристроены не просто „въ притыкъ", а впущены внутрь стрѣльницы, въ пазы, сдѣланные въ боку, а другія проходятъ насквозь и закрѣплены изнутри. Для прочности же рубка тарасъ сдѣлана въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „въ обло" или „съ остатками", такъ что одно бревно входитъ въ половину своей толщины въ выемку, сдѣланную въ другомъ бревнѣ и выдается еще остатокъ въ четверть или полторы наружу. Хорошо было бы срубить такъ всѣ тарасы, но есть одно неудобство: выступы могутъ облегчить врагу влѣзаніе во время приступа. Тамъ, гдѣ было необходимо срубить въ „обло", выпущенные концы обиты доской, а въ большей части рубка сдѣлана „въ лапу", то-есть съ обрѣзкою концовъ бревенъ. Наконецъ, съ цѣлью придать особую устойчивость стѣнамъ, клѣтки тарасъ наполнены землею и камнемъ.

Но укрѣпленія должны быть не только прочны, чтобы безъ вреда для себя выдерживать удары стѣнобитныхъ машинъ, онѣ должны всемѣрно затруднять врагу приступъ и должны защищать людей обороны.

---

[1]) Тарасы были сажени въ 3—4. Въ протяженіи стѣны между стрѣльницами — „пряслѣ" — тарасъ было нѣсколько. На нашей картинѣ между большою стрѣльницею съ воротами и сосѣднею можно различить четыре клѣти тарасы.

И стѣны устроены такъ, что защитники могутъ сильно разить непріятеля, сами въ то же время не подвергаясь губительному дѣйствію вражескихъ стрѣлъ. Для этого служатъ забороды[1]) — галлереи высотою до сажени, выступающія по верху вѣнчатой стѣны. Чтобы прикрыть защитниковъ сбоку, поставленъ заборъ, чтобы обезопасить ихъ сверху, галлерея покрыта кровлею въ одинъ или два ската; чтобы можно было поражать врага, въ стѣнкахъ и полу сдѣланы отверстія. Чрезъ первыя — круглыя, продолговатыя и щелеобразныя, можно скрытно видѣть непріятеля и вести лучный бой, чрезъ вторыя — открытыя дыры въ полу — можно лить кипятокъ, сыпать камень и бить въ упоръ, когда врагъ полѣзетъ на стѣну. Какъ и въ стѣнѣ въ заборолахъ все направлено къ прочности: забороды опираются на выпущенныя наружу поперечныя бревна тарасъ, крѣпко держатъ заборъ стѣнки, построенныя поперекъ: ни обвалить, ни опрокинуть забора нельзя.

По протяженію стѣнъ тамъ и сямъ возвышаются деревянныя стрѣльницы. Однѣ изъ нихъ — наугольныя — стоятъ по угламъ, другія — срединныя — посрединѣ стѣны; однѣ съ воротами — проѣздныя, другія безъ воротъ — глухія. Ворота широки и толсты, почему проѣзжая стрѣльница значительно больше, выше и массивнѣе другихъ. Надъ воротами — образъ праздника, по имени котораго называется стрѣльница и ворота. Стрѣльницы въ нѣсколько ярусовъ и сложены изъ прочнаго лѣса. Нижніе ихъ вѣнцы срублены „въ обло", „съ остаткомъ", для большей устойчивости, а всѣ остальные вѣнцы — „въ лапу", конечно и здѣсь для того, чтобы концами не могъ воспользоваться при влѣзаніи врагъ. Въ интересахъ прочности и шатровая крыша на четыре ската срублена изъ бревенчатыхъ вѣнцовъ, постепенно суживающихся кверху. По вѣнцамъ наложенъ тесъ, и для лучшаго спада воды и снѣга, въ видахъ предотвращенія загниванія сруба, сдѣланъ довольно крутой скатъ.

---

[1]) Забороды появились съ конца XI вѣка, сначала въ видѣ досчатаго забора, а потомъ бревенчатаго. Съ XVII вѣка галлереи получаютъ названіе „обламовъ".

Эти стрѣльницы имѣютъ двоякое назначеніе. Во-первыхъ, онѣ служатъ для усиленія защиты стѣнъ. Поэтому онѣ выступаютъ впередъ, чтобы съ нихъ можно было пускать стрѣлы вдоль линіи стѣнъ и поражать непріятеля, когда онъ подойдетъ вплотную къ стѣнѣ. Для защиты же самихъ стрѣльницъ устроены и на нихъ забороли на прочныхъ выступахъ изъ бревенъ и сдѣланы также отверстія въ ихъ полу. Во-вторыхъ, эти стрѣльницы предназначены для наблюденій за окрестною мѣстностью и движеніями врага. Для этой цѣли надъ наугольной и проѣздной стрѣльницами на нашей картинѣ поднимаются такъ называемыя „дозорныя вышки". Онѣ на срубѣ въ ростъ человѣка[1]) и покрыты также шатромъ, выпускающимъ крышу за стѣнки, чтобы предохранить дозорщика отъ косого дождя. Тамъ же виситъ вѣстовой колоколъ, иначе называемый сполошнымъ: въ него звонятъ на тревогу, призывая народъ къ сбору. Въ нѣкоторыхъ стрѣльницахъ внизу есть выходы — „подлазы" — для вылазокъ, а подъ одной стрѣльницею, ближайшей къ рѣкѣ, — „тайнинской" — сдѣланъ „тайникъ", подземный ходъ, ведущій къ рѣкѣ и далѣе въ поле и сосѣдній лѣсъ — для бѣгства въ критическую минуту.

За такими укрѣпленіями спокойнѣе живется въ мирное время, за ними — съ большею безопасностью, отсиживаются при нападеніи врага.

А врагъ можетъ явиться почти всегда. Правда, лѣтомъ для похода не такъ благопріятны условія[2]): сплошные лѣса, большія рѣки, болотныя пространства, при очень плохихъ сухопутныхъ дорогахъ и притомъ рѣдкихъ, — естественное и серіозное препятствіе для движенія врага[3]). Нѣтъ ему расчета пере-

---

[1]) При равнинности мѣстности каждая сажень сильно расширяетъ кругозоръ.

[2]) Татары предпочитали походы зимою, давая лѣтомъ лошадямъ отдыхъ и время на поправленіе. Батый, знакомый со свойствами страны, выбралъ для наступленія зимы 1237 и 1240 гг. Зимою приходилъ Ольгердъ въ 1370 г., Едигей — въ 1409 г. Зимою 1382 г., согналъ Дмитрій Московскій съ Переяславля Дмитрія Суздальскаго. Зимою ходила на Казанское ханство въ 1375 г. соединенная рать московская и суздальская.

[3]) Подобнаго рода затрудненія особенно ясно давали себя знать въ новгородской землѣ. Бывали случаи, что непріятельское войско блуждало среди лѣсовъ и болотъ, питаясь кониной и сдирая кожу съ сапоговъ и щитовъ. Такъ было въ 1315 г. съ Михаи-

возить на насадахъ[1]) тысячную рать, не станетъ онъ исправлять пути и мостить мосты лѣтомъ, если можно пройти съ меньшей затратой усилій зимою, когда оголятся лѣса, а болота и рѣки, скованныя морозомъ, не будутъ служить затрудненіемъ для похода. Зимою болѣе возможно, что „заратится" врагъ.

Въ интересахъ непріятеля, „наѣхать войною" врасплохъ, — „изгономъ", „безъ вѣсти"[2]).

Нежданно вдругъ выростаетъ врагъ на порубежьѣ, и порубежные поселяне бѣгутъ въ городъ. Лѣтомъ еще можно спрятаться въ лѣсахъ, зимою же въ морозъ и снѣгъ спастись некуда: трудно укрыться отъ конниковъ-разгоновъ, да и уцѣлѣвъ отъ нихъ, легко погибнуть отъ стужи и голода. Спѣшно собираютъ сельчане свои пожитки, если удается, кое-что прячутъ въ ямы и устремляются въ городъ, оставляя жилище въ жертву врагу. Спѣшатъ къ городу монахи изъ сосѣднихъ обителей, попы изъ приходскихъ подгородныхъ церквей, унося съ собою церковный обиходъ, образа, книги. Тянутся повозки боярскихъ семей изъ ближайшихъ усадебъ, подходятъ сами бояре[3]), слуги вольные съ ратными людьми, набранными изъ числа живущихъ въ ихъ вотчинахъ и слуги подъ дворскимъ[4]).

При первомъ извѣстіи о появленіи врага у жителей города является мысль пойти на порубежье, чтобы встрѣтить врага тамъ и не пустить его въ свою землю: вѣдь, „если войдетъ онъ, то хотя миръ съ нимъ будетъ, а много сдѣлаетъ онъ зла и всю землю опустошитъ". Но упущено уже время, да и посланные „на вывѣды" отряды принесли вѣсть, что врагъ значителенъ, и трудно ему загородить путь. Тогда осадный воевода[5])

ломъ Тверскимъ. При такихъ условіяхъ было выгодно въ искусныхъ переговорахъ протянуть зиму, когда можно было войти непріятелю, „пролыгаться" — прожить ее; лѣтомъ же новгородцы могли жить „безъ опаса".

1) Судя по даннымъ похода новгородскихъ ушкуйниковъ на Кострому 1375 г., нужно думать, что насады вмѣщали не болѣе 20 человѣкъ, а иногда и менѣе — до 12 человѣкъ.

2) Въ этотъ періодъ замѣчается стремленіе одолѣть не столько силою оружія, храбростью, сколько превосходнымъ числомъ, военными хитростями, обманомъ, внезапностью нападеній.

3) При городней осадѣ, гдѣ кто живетъ (изъ бояръ въ своихъ имѣніяхъ), тому „туто сѣсти".

4) Т. е. подчиненные дворецкому князя.

5) Первоначально городское ополченіе было подъ начальствомъ тысяцкаго. Назначе-

рѣшаетъ затвориться въ городѣ и шлетъ гонцовъ въ разныя стороны и къ князю, чтобы собирали войско и приходили на помощь [1]).

Всѣ въ тревогѣ и съ часу на часъ ждутъ врага. Дозорщики внимательно всматриваются во всѣ края, чтобы не пропустить появленія непріятеля, углядить, съ какой стороны онъ направится къ городу, и тамъ можно было изготовиться къ отпору.

Послѣ нѣсколькихъ томительныхъ часовъ, наконецъ, на бѣломъ фонѣ снѣжной равнины показываютъ темныя точки и, наростая въ числѣ, начинаютъ двигаться по направленію къ городу. Въ дозорной вышкѣ бьютъ частыми ударами въ сигнальный колоколъ, трубятъ въ трубы, чтобы дать знать всѣмъ о надвигающейся опасности.

Быстро по приказу осаднаго воеводы поджигаютъ строенія подгородья, слободы [2]), впускаютъ запоздалыхъ послѣднихъ бѣглецовъ, рубятъ мостъ [3]), все тащатъ внутрь и закрываютъ ворота, плотно приваливая къ нимъ нѣсколько рядовъ толстыхъ брусьевъ.

Городъ готовъ къ оборонѣ и ждетъ врага.

ніе и увольненіе его не зависѣло отъ князя, онъ избирался на вѣчѣ и стоялъ во главѣ тысячи — городского полка, отдѣльными частями котораго сотнями завѣдывали, — сотскіе, а подъ ними десятскіе. Съ конца XIV вѣка съ паденіемъ вѣча исчезаютъ и тысяцкіе и вмѣсто нихъ князья назначаютъ и увольняютъ воеводъ, вполнѣ отъ нихъ зависимыхъ, которые вѣдаютъ не только мѣстное ополченіе, но и служилыхъ людей князя. Воеводы были осадные и полковые: первые начальствовали въ городахъ, вторые — войсками, дѣйствовавшими въ полѣ.

[1]) При вторженіи непріятеля, кромѣ ратныхъ людей становились въ ряды войска всѣ способные изъ горожанъ и жителей той мѣстности, куда вторгся врагъ. Въ помощь этому войску, если оно оказывалось недостаточнымъ, собиралось войско изъ сосѣдней мѣстности, а въ случаѣ крайней опасности и поголовное ополченіе, въ которое входили всѣ, кромѣ слабыхъ, больныхъ и духовенства, которое оставалось молить Бога о побѣдѣ. При существованіи вѣча, горожане на вѣчѣ рѣшали войны, опредѣляли размѣры ополченія. По мѣрѣ уничтоженія вѣчевыхъ порядковъ и сосредоточенія всей власти въ рукахъ князя, призваніе народа къ войнѣ становится исключительнымъ правомъ князя.

[2]) Въ 1386 г. новгородцы во время похода Дмитрія Ивановича Московскаго подъ Новгородъ сожгли 100 боярскихъ дворовъ и 24 монастыря. Но бывали случаи, что подступавшіе ранѣе посылали занять подгородніе монастыри и мѣстечки, чтобы не сожгли ихъ жители города.

[3]) На картинѣ видны слѣды отъ полозьевъ только что проѣхавшихъ саней и остатки бревенъ срубленнаго моста.

А врагъ съ осторожностью подходитъ къ городу, выдвинувъ передовой полкъ[1]) и пославъ въ разные концы сторожи для охраны, развѣдокъ о непріятелѣ и добыванія языка, т-е. захвата плѣнныхъ для опроса.

Притомившаяся въ пути голова этого передового полка видна на нашей картинѣ. Полкъ составленъ изъ служилыхъ людей съ ихъ слугами, изъ дворянъ, изъ тѣхъ, кто „къ боеви дерзи— храбры — и крѣпки на рать“.

Въ войскѣ нѣтъ ни однообразія, ни военной выправки. Конники сидятъ на лошадяхъ разныхъ мастей — вороныхъ, бѣлыхъ, бурыхъ, рыжихъ и пѣгихъ. Породы лошадей также различны. Болѣе всего „мериновъ“ — русскихъ коней, не крупныхъ, смирныхъ, довольно крѣпкихъ; есть „бахматы“—малорослые, короткошейные, но чрезвычайно крѣпкіе и выносливые; есть нѣсколько „коней ногайскихъ“, неутомимыхъ и малотребовательныхъ, но дикихъ, пугливыхъ и неповоротливыхъ; есть нѣсколько „аргамаковъ“ турецкихъ и польскихъ“[2]). Плотно сидятъ всадники на высокихъ сѣдлахъ, по-татарски, на короткихъ стременахъ. Такая посадка представляетъ большое удобство при стрѣльбѣ изъ лука: благодаря этому можно поворачиваться свободно во всѣ стороны. Для побужденія лошадей шпоры „остроги“ употребляются рѣдко, ихъ замѣняетъ нагайка, которая виситъ на рукѣ.

Разнообразна также одежда и вооруженіе: у каждаго онѣ по достатку, личному вкусу и усмотрѣнію.

Панцырей и кольчатой брони, — кольчугъ и байдановъ — не много: ихъ могутъ имѣть только весьма состоятельные. Еще

---

[1]) Войско шло тремя полками: большой полкъ, или чело,—въ срединѣ, по бокамъ правое и лѣвое крыло, или рука. Позднѣе присоединяется передовой полкъ и сторожевой. Передовой полкъ шелъ впереди до начала битвы, и послѣ битвы ему же ввѣрялось преслѣдованіе непріятеля, а главныя силы оставались на полѣ сраженія „на костяхъ“ При преобладаніи конницы необходимъ боевой порядокъ съ самостоятельными частями и построеніями, возможно менѣе стѣсняющими движеніе. Поэтому каждый изъ полковъ строился сплошнымъ глубокимъ строемъ и могъ дѣйствовать отдѣльно. Это давало гибкость боевому порядку, и пораженіе и разстройство одной части не отражалось на другихъ. Бой былъ исключительно рукопашный, даже по введеніи огнестрѣльнаго оружія.

[2]) Эти породы лошадей были въ употребленіи съ XV вѣка.

меньше дорогихъ досчатыхъ зерцалъ или латъ. Чаще всего суконные куяки съ нашитыми на спинѣ и груди металлическими дощечками, а еще чаще набитые ватою и простеганные тигиляи съ короткими рукавами и высокимъ воротникомъ. Тигиляй служитъ почти такъ же, какъ и металическій доспѣхъ, а стоитъ дешевле, и малосостоятельные предпочитаютъ его. На головахъ у большинства остроконечные желѣзные шишаки съ желѣзнымъ „носомъ“, полоскою сверху внизъ противъ носа и середины лица; есть и іерихонки и шапки кожаныя съ желѣзными только полосками. Часть лица, шеи и плечи закрыты спущенною кольчужною сѣтью. За плечами плоскіе или выгнутые щиты, но не длинные, какъ въ X—XII вѣкѣ, а въ большинствѣ круглые, изъ дерева, кожи, желѣза и мѣди, обитые сукномъ или другою тканью снутри. Къ сѣдлу съ боковъ пристегнуты два колчана: въ одномъ сложенъ лукъ, а въ другомъ стрѣлы, простыя и съ двойными ромбовидными наконечниками[1]). Нѣкоторые имѣютъ и самострѣлы. Черезъ плечо справа налѣво свободно подвѣшена кривая сабля. Чтобы удобно было ее выхватить, сражаясь верхомъ, ее держатъ иногда пріоткрытою на четверь клинка, не допуская все-таки влагѣ проникнуть въ ножны. Въ дополненіе къ этому у иныхъ — ножъ или кинжалъ, топоръ и копье.

Всматриваясь внимательно, среди подошедшихъ можно замѣтить людей не великорусскаго типа. Въ крѣпко сидящихъ на сѣдлахъ людяхъ, съ широкими плоскими четыреугольными лицами, съ выдавшимися скулами и плохой растительностью въ бородѣ и усахъ, въ своеобразныхъ шапкахъ, не трудно узнать татаръ[2]), постоянныхъ незваныхъ гостей, при-

---

[1]) Такое оружіе господствовало въ XIII—XV вѣкахъ. Хотя въ 1389 г. и были привезены „изъ нѣмецкой земли арматы и стрѣльба огненная“ и „отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти“, но употребленіе огнестрѣльнаго оружія, въ особенности ручного распространялось до половины XVI вѣка весьма медленно, какъ по несовершенству самого оружія, такъ и по трудности пріобрѣтенія его. Собственная выдѣлка огнестрѣльнаго оружія установилась со второй половины XV вѣка, а до тѣхъ поръ оно привозилось изъ-за границы.

[2]) Татаръ отличаетъ отъ русскихъ типъ, одежда и отчасти посадка, но лошади, сѣдла, вооруженіе не отличается рѣзко отъ русскихъ, какъ естественно ожидать при постоянномъ общеніи между собою тѣхъ и другихъ. Но порядокъ образованія силъ,

ходящихъ то по приказу хана, то самовольно, то въ союзѣ съ князьями, то по ихъ найму[1]).

Врагъ предпочелъ бы всему овладѣть городомъ, захвативъ его врасплохъ внезапной атакой — „изъѣздомъ". Но такъ какъ не удалось подойти незамѣтно, то непріятель избираетъ другой, наиболѣе для него безопасный способъ — пробуетъ склонить горожанъ къ сдачѣ переговорами.

Со стѣнъ, однако, передовой отрядъ при первомъ его появленіи встрѣчаютъ роемъ стрѣлъ. Непріятель останавливается, отвѣчаетъ тѣмъ же, но показываетъ знаками, что онъ хочетъ что-то сказать. Стрѣлы стихаютъ, и, отдѣлившись отъ ядра, нѣсколько вражескихъ всадниковъ подъѣзжаютъ ближе къ стѣнѣ[2]).

„Покоритесь", кричатъ они горожанамъ, высунувшимся въ отверстія заборолъ, „отворите ворота и дайте намъ окупъ! Никакого зла не учинимъ вамъ, и будетъ миръ и любовь между нами. Вотъ вамъ срокъ на думу отъ утра до полудня". Но горожане и слышать не хотятъ о сдачѣ и уплатѣ окупа. „Буею рѣчью", „словами хульными" отвѣчаютъ они противнику[3]). Этимъ рѣшается дѣло, и начинаются настоящія военныя дѣйствія.

Врагъ, отдалившись на полетъ стрѣлы, объѣзжаетъ городъ, осматриваетъ ровъ, ворота, забороды и стрѣльницы, взвѣшиваетъ всѣ условія и выясняетъ, съ какой стороны лучше всего подступить къ городу. Остановившись не ближе 400 шаговъ, на какое разстояніе дѣйствуютъ метательные снаряды, про-

---

боевой строй и характеръ боя у русскихъ былъ свой, выработанный собственнымъ опытомъ и обусловленный внутреннимъ строемъ жизни.

[1]) Изъ общаго числа 160 войнъ, въ періодѣ 1228—1462 гг., на долю татаръ приходится около 45. Въ этомъ числѣ нужно считать и совмѣстные съ татарами походы князей, напримѣръ, Андрея Городецкаго противъ Мурома въ 1273 г., противъ Переяславля въ 1293 г., Михаила Тверского противъ Новгорода въ 1315 г., Калиты Московскаго противъ Твери въ 1327 году.

[2]) Этотъ моментъ и взятъ на картинѣ.

[3]) Обычай не сразу вступать въ бой, а, стоя другъ противъ друга, переговариваться и браниться былъ очень живучъ. Такъ было въ XI вѣкѣ при Ярославѣ, такъ было и въ XV вѣкѣ при Иванѣ III. Передъ шелонской битвой (1471) Новгородцы... „по оной сторонѣ рѣки ходяще" и „яко псы лаяху".

тивникъ начинаетъ противъ осаждаемаго города возводить валъ, за которымъ располагаются войска, устраиваетъ острогъ или укрѣпленный лагерь и подготовляетъ пороки, пускичи и тараны[1]).

Въ свою очередь и жители города не бездѣйствуютъ.

Снаружи сѣвшiй въ осаду городъ кажется опустѣлымъ, вымершимъ. За городскими стѣнами не видно, какъ биткомъ набиты всѣ дворы, поставленные на случай осады „для приходу людей“, избы, амбары, даже подклѣты теплыя стрѣльницъ, какъ всюду свалено добро, не оставлены незанятыми даже церкви, куда сложено наиболѣе цѣнное имущество и товары. Всюду въ городѣ кипитъ жизнь и стоитъ шумъ. Въ одномъ мѣстѣ слышится плачъ дѣтей, причитанiя женщинъ, ревъ скота, въ другомъ удары молота на кузняхъ, стукъ топоровъ. То начался „пристрой городной“—то порочные мастера чинятъ старые пороки, пускичи, самострѣлы и стрикусы[2]), строятъ новые, то куютъ всякое оружiе новое, поправляютъ старое. У стѣнъ особенно много движенiя и шума: на наружный скатъ втягиваютъ съ великимъ трудомъ тяжелыя бревна—„катки“, припасая ихъ, чтобы скатывать на непрiятеля во время приступа; тащутъ на помосты стѣнъ по открытымъ лѣстницамъ котлы, смолу, песокъ, воду; къ мѣстамъ, гдѣ ставятъ машины, катятъ большiе камни, которые съ трудомъ могутъ поднять четыре сильныхъ человѣка. Всѣ годные носить оружiе, горожане, бѣжане и ратники, пришедшiе съ боярами и съ слугами подъ дворскимъ, примѣриваютъ, чистятъ и исправляютъ оружiе, неимущiе получаютъ его на воеводскомъ дворѣ и становятся по стѣнамъ на заборолахъ.

Населенiе города сильно возбуждено. Одни охвачены страхомъ. Не вѣря въ свои силы, они молятъ Бога „послать свою помощь, даровать людямъ избавленiе отъ плѣненiй и граду

---

[1]) Эти названiя машинъ даетъ лѣтопись, но трудно возстановить ихъ видъ и опредѣлить спецiальное назначенiе. Таранъ служитъ для разбиванiя стѣнъ, остальныя для метанiя.

[2]) Названiе военной метательной машины.

утвержденіе", „избавленіе милостивое отъ тяжкаго обстоянія". Нѣкоторымъ кажется, что спасенья нѣтъ, и они, готовясь къ смерти, молятся и постятся. Другіе полны рѣшимости и вѣры въ удачный для города исходъ дѣла: городъ расположенъ на отвѣсномъ холмѣ, онъ съ двухъ сторонъ прикрытъ рѣкою, съ третьей — рвомъ, наполненномъ водою. Стѣны и стрѣльницы прочны, защитники сильны и мужественны, а „передъ врагомъ два страха — изнутри города бойцы, а снаружи — придетъ полкъ, собранный княземъ".

Кто же одержитъ верхъ, горожане или противникъ? Это трудно сказать, все будетъ зависѣть отъ сложнаго ряда условій, отъ соотношенія силъ, воодушевленія и умѣнья.

Потерпѣвъ неудачу въ переговорахъ, подступившій къ городу врагъ, если сила у него велика, можетъ рѣшиться на взятіе города, приступомъ „на копье" или „на остой", „облежаніе города".

Въ первомъ случаѣ, осаждающіе изъ своего укрѣпленнаго лагеря будутъ стараться подойти къ городу. Для этого они будутъ пользоваться и естественными прикрытіями, гдѣ они есть, и дѣлать искусственныя, посылая особыхъ рабочихъ съ большими турами, которые тѣ ставятъ и насыпаютъ землей, чтобы они служили прикрытіемъ для осадныхъ машинъ. Всѣ усилія непріятеля направятся на наиболѣе слабое мѣсто, на башню съ воротами, и на стѣны, идущія по низинѣ. Нужно только засыпать ровъ, тогда можно будетъ пододвинуть стѣнобитныя машины, чтобы пробить брешь и черезъ нее ворваться въ городъ, можно сдѣлать тогда и присыпъ изъ земли или приметъ изъ бревенъ, соломы, плетня[1]) и по нимъ взойти на стѣны. Можно приметъ и поджечь, не устоитъ тогда городъ, не уцѣлѣютъ и жители[2]).

Конечно, и осажденные не стоятъ безучастно. Они постоянно стрѣляютъ, чтобы мѣшать осаждающимъ въ установкѣ и наводкѣ машинъ и во всѣхъ ихъ работахъ, дѣлаютъ вылазки

---

[1]) Рать готовила приметъ такъ: каждому человѣку давалось „по беремени соломы да бересты, да на 50 человѣкъ по 2 сажени плетня".

[2]) Противъ зажженія обмазывали стѣны глиною и обкладывали дерномъ.

черезъ пролазы, чтобы разрушать сдѣланное противникомъ. Но они должны беречь силы для послѣдняго рѣшительнаго момента приступа. Когда все у врага будетъ готово, тогда, усиленно метая стрѣлы, посылая изъ пброковъ большіе камни, чтобы прогнать защитниковъ, разбить укрѣпленія и повредить машины, двинется онъ къ стѣнѣ съ лѣстницами въ аттаку. Осажденные встрѣтятъ его тогда, сбрасывая катки и камни, поливая съ заборолъ кипяткомъ, растопленною смолою, слѣпя глаза известью, пескомъ и золою. Когда же съ такимъ усиліемъ врагъ ворвется въ городъ, ему предстоитъ, если ожесточатся жители, испытать упорный бой въ улицахъ, оградахъ, дворахъ, даже избахъ, все это придется брать приступомъ.

Взятіе города „копьемъ“ быстро рѣшаетъ дѣло, но требуетъ много энергіи и силъ, обходится не дешево и нападающимъ, такъ какъ „головы падаютъ съ обѣихъ сторонъ“. Въ виду этого есть полное основаніе предпочесть этому способу пассивную осаду[1]), если есть для нея время и достаточное количество силъ[2]).

Врагъ окружаетъ городъ рвомъ и тыномъ, выжигаетъ всѣ прилегающія къ городу селенія, чтобы лишить городъ средствъ питанія. Не допуская ниоткуда припасовъ, онъ не позволяетъ осажденнымъ выходить на „зажитье“[3]). Голодомъ онъ надѣется вынудить горожанъ явиться къ нему съ челобитьемъ, „во всю волю отдаться“. Если дѣло будетъ уже очень плохо, граждане, не ожидая исхода осады, можетъ быть, и предпочтутъ добровольно сдаться, выговоривъ себѣ извѣстныя условія и согласившись на достаточный окупъ[4]), съ тѣмъ, чтобы избѣгнуть

[1]) Долговременную осаду и предпочитали, обыкновенно, особенно въ позднѣйшее время, когда ослабѣла страсть къ войнѣ.

[2]) Условія, при которыхъ приходилось вести войну, не благопріятствовали скопленію массъ войска. Съ одной стороны, дурное состояніе дорогъ, съ другой — трудность добыть продовольствіе не позволяли имѣть многочисленныя рати. Обычное количество войскъ колебалось между 5,000 и 20,000. Кострома могла выставить въ XIV вѣкѣ противъ 1,500 новгородцевъ около 5,000 горожанъ. При сильномъ наборѣ Псковъ выставлялъ около 10,000, Новгородъ — 30,0000 — 40,000. Поэтому война ограничивалась мелкими стычками, большія битвы и приступы бывали рѣдко.

[3]) Т.-е. за провіантомъ.

[4]) Въ 1428 г. при осадѣ Порхова Витовтъ получилъ 5,000 р. за снятіе осады съ Порхова, 5,000 за отказъ отъ разоренія Новгородской земли, 1,000 р., за плѣнныхъ.

взятія города „на щитъ“, т.-е. обращенія въ пользу побѣдителя всего городского имущества, плѣна женщинъ и дѣтей, избіенія мужчинъ[1]). Но если у осажденныхъ есть достаточно запасовъ, они могутъ отсидѣться, и врагъ, „ничтоже успѣвъ“, пойдетъ прочь. А можетъ быть придетъ помощь и удастся отбить врага и заключить выгодный миръ[2]).

* * *

Такъ съ различнымъ успѣхомъ, но непрерывно, не покладая рукъ, упорно боролось населеніе отдѣльныхъ княжествъ при помощи городскихъ стѣнъ съ постоянной военной опасностью и губительною силою нападеній.

Несмотря на всю трудность отдѣльной борьбы собственными средствами, несмотря на частичныя неудачи, результаты этой борьбы давали себя чувствовать постоянно. За стѣнами отсиживались люди, сохранялось имущество, и такимъ образомъ до нѣкоторой степени парализовалась сила разгрома. Прочная крѣпость, упорное сопротивленіе затрудняло войну. Взятіе на копье брало много людей у врага, и его обезсиливало. Долгое облежаніе требовало большихъ силъ, много времени и труда и сильно должно было охлаждать пылъ любителей легкой наживы.

Но удѣльное населеніе, выдвинувъ городъ, какъ первое средство борьбы, на этомъ не остановилось. Оно глубже взглянуло на дѣло и повело борьбу съ тѣмъ, что являлось главной причиною зла. Въ отдѣльныхъ княжествахъ, жившихъ особно, не исчезло чувство единства народнаго съ другими землями. Страхъ передъ татарами и другими врагами, необходимость торговыхъ сношеній съ остальною Русью, голосъ церкви, напо-

---

1) Взятіе на щитъ касалось, нерѣдко, особенно въ древнія времена, не только города, но и всей области. Иногда жителямъ города побѣдитель разрѣшалъ выйти изъ города съ женами, дѣтьми и имуществомъ, какое можно было унести, и отправлялъ ихъ въ свои города. Наиболѣе опасные плѣнники сажались въ тюрьму, а начальникамъ города грозила иногда и казнь.

2) Вслѣдъ за заключеніемъ мира судъ разбиралъ предъявленныя требованія по поводу нарушенія частныхъ интересовъ. „Учинялъ управу“ князь или его чиновникъ по мѣсту нахожденія награбленнаго.

минавшій о духовномъ братствѣ со всѣмъ русскимъ міромъ, не дали развиться областному обособленію и постоянно питали идею единства. Начавъ единичными силами борьбу, удѣльное населеніе съ своими князьями во главѣ пришло къ сознанію, что наиболѣе надежный выходъ изъ гнетущей бѣды — скученіе разбросанныхъ и разъединенныхъ силъ въ большія массы для общей защиты. Это сознаніе и выработало идею оборонительнаго сѣверно-русскаго союза[1]) противъ внѣшнихъ враговъ, литвы, нѣмцевъ и особенно противъ Орды. „Вся братія", „вси князи рустіи крестьянстіи"[2]) договариваются между собою при нападеніи татаръ на одного изъ членовъ союза, защищать его всѣмъ какъ себя; наступательная война и уплата „выхода" „дани, Ордѣ — не иначе какъ по общей „думѣ"[3]). Но кромѣ внѣшнихъ войнъ, было не мало и своихъ междоусобій. И въ эту область отношеній стремились внести большій порядокъ, ослабить и здѣсь остороту вреда. Борясь съ междоусобіемъ, князья добиваются установленія постояннаго третейскаго суда, куда третьимъ назначается незаинтересованный членъ союза[4]). Для устраненія поводовъ къ столкновеніямъ во всѣхъ частяхъ союза вводится единое дѣйствіе гражданскаго и уголовнаго права. Власти одного княжества обязуются исполнить приговоры судовъ другого: „суженое, положеное, даное, порученое... судъ отъ вѣка". Каждый изъ гражданъ одного княжества можетъ преслѣдовать должника или холопа на землѣ другого княжества, „татя, разбойника и душегубца выдати по исправѣ". При искахъ гражданъ одного княжества передъ властями другого устанавливаются одинаковыя судебныя пошлины. Для рѣшенія пограничныхъ распрей между гражданами двухъ или нѣсколь-

---

[1]) Въ союзъ входятъ всѣ государства Сѣверной Руси, не исключая Новгорода и Пскова.

[2]) Т.-е. — христіанскіе въ отличіе отъ государей Запада и басурманъ.

[3]) Т.-е. соглашенію. Куликовская битва показала практическое значеніе этого параграфа договора.

[4]) Если приговоръ третейскаго судьи не исполненъ одною стороною, то противная сторона можетъ привести его въ исполненіе силой, каковой поступокъ уже не считается нарушеніемъ правъ союза „а то ему не въ измѣну".

кихъ княжествъ, „обидныхъ дѣлъ“[1]), которыя, оставаясь неразобранными, возбуждали вражду между землями, возникаетъ судъ изъ представителей, назначенныхъ обѣими сторонами[2]). Утверждается, что бояринъ, переходящій на службу въ другое княжество, не лишается въ прежнемъ своихъ земельныхъ владѣній[3]). Наконецъ, сознавая всю жизненную важность торговаго движенія, князья всѣми силами заботятся, чтобы обезопасить его отъ всякихъ случайностей и чрезмѣрнаго отягощенія пошлинами. Въ этихъ видахъ они, заключая договоры, составляютъ постоянный торговый союзъ съ твердо опредѣленнымъ мытомъ и пошлинами: „а мыта имъ держати и пошлины имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и у торговцевъ, а путь имъ дати чистъ безъ рубежа сквозь области“.

Постепенно[4]), по мѣрѣ того, какъ измѣнялись условія, и мысль о единеніи изъ сознанія входила въ дѣйствительность, спокойнѣе становилась и крѣпла жизнь, бодрѣе чувствовало себя населеніе, и Сѣверная Русь, обезсиленная и обездоленная, бывшая не въ состояніи вести наступательныхъ войнъ, въ XIII вѣкѣ съ трудомъ оборонявшаяся, къ концу XIV вѣка становится замѣтно рѣшительнѣе и переходитъ иногда въ наступленіе.

---

[1]) Подъ этимъ названіемъ разумѣлись по премуществу большія потери, понесенныя купечествомъ.

[2]) Если общіе судьи не согласно рѣшаютъ дѣло, то оно переносится въ высшую инстанцію — именно къ князю третьяго незаинтересованнаго княжества. Эта форма суда не есть исключительная форма международныхъ отношеній; первоначально всякій судъ имѣлъ эту форму.

[3]) За исключеніемъ бояръ Великаго Новгорода.

[4]) Фактически войны между членами союза не прекратились сразу.

Н. Г. Тарасовъ и А. Ф. Гартвигъ.

Изъ исторіи русской культуры.

Вѣче въ Новгородѣ.

Изданіе В. В. Думнова.

МОСКВА.—1911.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвижен. пер., д. 9.

Съ картины К. В. Лебедева.

Вѣче въ Новгородѣ Великомъ.

Вѣче въ Новгородѣ Великомъ.

Обычнымъ порядкомъ началась и течетъ жизнь въ Новгородѣ Великомъ. Открылся торгъ; стали ремесленники за работы; сѣлъ въ Дѣтинцѣ у владыки въ палатѣ Боярскій совѣтъ.

Но при всемъ наружномъ порядкѣ чувствуется всюду возбужденіе. Всѣ ходятъ въ особомъ настроеніи, чего-то ждутъ. Въ воздухѣ нависло что-то тяжелое, зловѣщее.

На Софійской сторонѣ, на улицахъ Козьмодемьянской, Чудинцевѣ, Яневой, Люгощѣ и Пруской, замѣтно особенное суетливое движеніе. Тамъ собираются по нѣсколько человѣкъ, переходятъ изъ двора во дворъ, оживленно спорятъ, скопляются толпами на улицахъ и площадяхъ у церквей. Всѣ какъ будто къ чему-то готовятся.

Вдругъ прозвучалъ ударъ „вѣстнаго колокола"...

„На вѣче!" „На Ярославль дворъ!"[1]) пронеслось по улицамъ и концамъ[2]).

Все управленіе и судъ въ Новгородѣ проходятъ подъ руководствомъ поставленныхъ вѣчемъ властей: владыки, посадника и тысяцкаго[3]). При правильномъ теченіи жизни вѣче не вмѣшивается въ ихъ веденіе дѣлъ. Вѣче „созваниваютъ" тогда, когда произойдетъ что-либо крупное, когда предстоитъ рѣшить вопросъ о приглашеніи или изгнаніи князя, о смѣнѣ

---

[1]) Большое вѣче обыкновенно бывало на Ярославлѣ дворѣ. Когда выбирали владыку, ставили вѣче у св. Софіи. При разногласіи собирались вѣча и на Софійской площади и на Ярославлѣ дворѣ. Созывались вѣча и по концамъ и по улицамъ на площадяхъ у церквей. Звали на вѣче князь, посадникъ, тысяцкій и частныя лица, послѣднія — во время борьбы партій.

[2]) Управленіе Новгорода представляло сложную цѣпь общинъ. Новгородъ, состоявшій изъ Софійской и Торговой стороны, дѣлился на концы, сотни и улицы. Въ концахъ были: вѣче, которое распоряжалось, управа, которая судила и управляла, хранила печать и казну и исполняла постановленія вѣча, и выборный староста, который велъ текущія дѣла. Каждый конецъ состоялъ изъ 2-хъ сотенъ, во главѣ которыхъ стояли выборный сотскій и сходъ-вѣче. Сотня распадалась на улицы. Въ каждой улицѣ былъ свой староста и свой міръ.

[3]) Иногда, въ особыхъ случаяхъ вѣче, какъ высшая власть, брало на себя разрѣшеніе вопросовъ управленія и суда.

и выборѣ владыки, посадника, тысяцкаго, объ изданіи и отмѣнѣ закона, о дарованіи грамоты на землю, объ установленіи податей и повинностей, о войнѣ и мирѣ. Къ вѣчу обращаются съ жалобами на неправый судъ, на обиды.

Значитъ случилось что-нибудь важное, если зовутъ на вѣче[1]).

На зовъ вѣстнаго колокола откликаются многіе[2]). Одни только и ждали его. Другіе быстро заканчиваютъ или кидаютъ свои дѣла. Тѣ же, кто не можетъ бросить работы, которою кормится, кто не имѣетъ досуга или интереса къ новгородскимъ дѣламъ, кто не хочетъ итти на вѣче, опасаясь попасть въ „голку“ [3]), остаются дома[4]).

Съ разныхъ сторонъ, со всѣхъ концовъ и улицъ тянутся люди, старые и молодые, богатые и бѣдные. На перекресткахъ собираются кучки, толкуютъ, шумятъ, кричатъ. Иные не только сами идутъ, но и забѣгаютъ, чтобы прихватить сосѣдей. Нѣкоторые торопятся, обгоняютъ другихъ.

Всѣ направляются въ одно мѣсто — на Торговую сторону, въ Словенскій конецъ, къ церкви св. Николая.

Вотъ они и на Ярославлѣ дворѣ[5]), вотъ и „церковь каменная св. Николы“, куда заключаютъ виновныхъ для испытанія совѣсти, гдѣ находятъ убѣжище преслѣдуемые вѣчемъ. Подлѣ нея съ одной стороны на звоницѣ[6]) — вѣчевой колоколъ, съ другой стороны — каменная гридница, гдѣ изготовляютъ грамоты съ вѣчевыми рѣшеніями, прикладываютъ къ нимъ свинцовыя на шнурахъ печати[7]), гдѣ хранятся лари съ вѣче-

[1]) Сроковъ для вѣча не установлено. Оно собирается, когда въ томъ является нужда. При отсутствіи нужды оно можетъ не собираться въ теченіе мѣсяца, года, а если есть дѣла, то въ недѣлю нѣсколько разъ. Въ 1384 году вѣче созывали въ теченіе двухъ недѣль ежедневно на Софійской сторонѣ и Ярославлѣ дворѣ.

[2]) Участіе въ вѣчѣ не обязательно и предоставляется желанію каждаго. Бывали случаи, что не принимали участія цѣлыя группы населенія, напримѣръ загорцы въ 1218 году во время столкновенія изъ-за посадника Твердислава.

[3]) Голка — мятежъ, волненіе.

[4]) Не ходятъ на вѣче лица духовныя, женщины и дѣти.

[5]) См. приложенную картину, исполненную для этого изданія К. В. Лебедевымъ.

[6]) У звоницы въ отличіе отъ колокольни креста нѣтъ (Сравни миніатюры „Царственнаго Лѣтописца)“.

[7]) На печати была надпись — „Печать Великаго Новгорода“ съ одной стороны и изображеніе животнаго, похожаго на льва, на другой сторонѣ. Иногда привѣшивалось

выми записями и сундуки съ общественной казной[1]). Передъ гридницею — деревянное возвышеніе „высокая степень".

На площади — бояре, житьи люди, купцы и черные люди. Здѣсь и власти новгородскія: степенный[2]) посадникъ и тысяцкій, старые[3]) посадники и тысяцкіе, входящіе въ Совѣтъ бояръ кончанскіе старосты, сотскіе, уличанскіе старосты, вѣчевой дьякъ, пристава.

Всѣ важнѣйшія власти Новгорода Великаго помѣстились на вѣчевой степени. Около нея волнуется толпа. Надъ площадью стоитъ гулъ[4]).

„Чего ради вѣче?" задаютъ вопросъ малоосвѣдомленные въ дѣлахъ.

Прислушиваясь къ говору и крикамъ, легко понять, что Софійская сторона[5]) поднялась противъ бояръ — ониполовцевъ[6]), что чадь простая недовольна посадникомъ, ставленникомъ бояръ, и хочетъ его смѣнить[7]).

* * *

Зачѣмъ нужно смѣнить посадника? Почему чернь злобствуетъ на бояръ? Что подняло черныхъ людей?

Черные люди самая многочисленная часть населенія Новгорода. Въ сравненіи съ ними купцовъ, житьихъ людей, бояръ и духовныхъ немного. Несмотря на преобладаніе черныхъ лю-

---

до 11 печатей, такъ какъ грамоты писались отъ имени посадника, тысяцкаго, бояръ, житьихъ и черныхъ людей и всего Новгорода по благословенію владыки.

[1]) Существуетъ также предположеніе, что лари и сундуки могли стоять и въ церкви св. Николая на полатяхъ сообразно съ обычаемъ хранить цѣнное имущество въ церквахъ.

[2]) Степенный, т.-е. находящійся на степени, занимающій должность.

[3]) Старый, т.-е. бывшій.

[4]) Вѣчевая обстановка и ходъ вѣчевыхъ собраній при крайней скудости матеріала остается далеко невыясненный.

[5]) Софійская сторона была центромъ демократическаго движенія, тамъ главнымъ образомъ жили ремесленники и купцы. Въ 1418 году бояре Торговой стороны, которая, въ противоположность, была средоточіемъ аристократической боярской партіи, собравшись на Ярославлѣ дворѣ, рѣшили сокрушить тѣхъ бояръ Софійской стороны, которые были вождями демократической партіи и разгромили улицы Козмодемьянскую, Чудинцеву, Яневу, Люгощу и Прускую, какъ очаги борьбы Торговой стороны.

[6]) Ониполовцы — жители Торговой стороны. „Онымъ поломъ", оной стороной называлась съ XII вѣка Торговая сторона.

[7]) Посадникъ выбирался безъ срока и былъ на степени, пока былъ угоденъ вѣчу, которое „въ посадничествѣ вольно". Смѣна посадника опредѣлялась силой той или другой партіи.

дей, несмотря на то, что нѣтъ никакихъ постановленій, проведенныхъ черезъ вѣче, которыя уничтожали бы ихъ права, мало силы у черныхъ людей.

Въ улицахъ, сотняхъ и концахъ правятъ бояре. Они тамъ старостами, они судятъ и рядятъ. На вѣчахъ концовъ, на сходахъ, въ мірахъ при рѣшеніи всякихъ дѣлъ всѣ въ зависимости отъ бояръ и дѣлаютъ такъ, какъ желаютъ и требуютъ бояре. Не довольствуясь этимъ, бояре поставили въ зависимость отъ себя даже вѣче и посадника и направляютъ всю жизнь Новгорода при помощи Совѣта господъ[1]).

Этотъ боярскій совѣтъ, собирающійся подъ председательствомъ владыки и состоящій изъ намѣстника князя[2]), степенныхъ посадника и тысяцкаго, изъ старостъ концовъ и старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ[3]), вершитъ все. Онъ ведетъ сношенія съ чужими землями, заботится объ оборонѣ, разсматриваетъ всѣ внутреннія дѣла. По своему усмотрѣнію онъ опредѣляетъ, что и какъ докладывать вѣчу, когда и что отдавать ему на рѣшенье. Онъ обсуждаетъ, какъ направить приговоръ вѣча, когда переносится дѣло туда для окончательнаго рѣшенія[4]) и ловко проводитъ тамъ черезъ членовъ своихъ — бояръ и ихъ приверженцевъ подготовленные отвѣты. И вѣче — высшая власть — безсильно рѣшить дѣло по-своему[5]).

Совѣтъ бояръ участвуетъ и въ выборѣ должностныхъ лицъ, держитъ въ подчиненіи выборнаго посадника, главнаго правителя города, руководителя хода новгородскаго упра-

---

[1]) Иначе Совѣтъ называли — „господа“.

[2]) Князь съ XIII вѣка чувствуетъ себя въ Новгородѣ постороннимъ лицомъ. Онъ не живетъ тамъ, а обычно присылаетъ туда своего намѣстника. Когда же самъ пріѣзжаетъ, то останавливается не въ самомъ Новгородѣ, а вдали отъ него „за два поприща“ (около 3 верстъ) за Малымъ Волховцомъ на своемъ подворьѣ, въ Городищѣ.

[3]) Такой полный составъ (до 50 человѣкъ) собирается по особо важнымъ дѣламъ. Текущія дѣла Совѣтъ ведетъ въ небольшомъ числѣ: подъ предсѣдательствомъ владыки присутствуютъ посадникъ, тысяцкій и старосты пяти концовъ.

[4]) Въ исключительныхъ случаяхъ Совѣтъ облекался высшею властью и рѣшалъ дѣла безъ вѣча.

[5]) Боярство использовало слабую организацію вѣча. При усложненіи жизни вѣчу было трудно всегда быть въ курсѣ дѣла и проводить послѣдовательную политику при случайности состава. Неопредѣленность вѣчевой дѣятельности открывала просторъ вліяніямъ энергичныхъ людей.

вленія и суда. Посадникъ, зависимый отъ Совѣта, не можетъ обойтись безъ его указаній, а въ случаѣ разногласія посадника, сила не на его сторонѣ.

Бояре — привычные правители, они опытны въ веденіи новгородскихъ дѣлъ, и, пока они были заботливы о народѣ, нуждаясь въ немъ, пока они часто бывали его защитниками, чадь цѣнила бояръ и охотно мирилась съ ихъ властью.

Но теперь[1]) бояре, получивъ большія права, забыли о чади.

Съ развитіемъ землевладѣнія и торговли, [съ появленіемъ въ оборотѣ денегъ, „великіе бояре" сосредоточили почти исключительно въ своемъ кругу большія земли и крупный капиталъ[2]) и стали прибирать къ своимъ рукамъ черныхъ людей и даже купцовъ.

Многимъ нужны заработокъ и подмога, нужны деньги. Все это можно имѣть скорѣе всего у крупнаго боярина.

Идутъ на боярскій дворъ черные люди. Тамъ ремесленникъ разсчитываетъ найти сбытъ своимъ издѣліямъ и получить заказъ для большихъ боярскихъ имѣній. Тамъ дѣловитый человѣкъ можетъ получить выгодное порученіе по управленію боярскими дѣлами, или попасть въ дружину, которую бояринъ набираетъ для похода, а изъ похода можно вернуться съ богатой добычей. У боярина можно найти защиту въ бѣдѣ, взять ссуду или перехватить столь нужныя часто теперь деньги[3]).

Идутъ и купцы, чтобы взять для оборота себѣ капиталъ и принять на продажу то, что бояринъ привезъ изъ своихъ волостей[4]).

[1]) Въ XV вѣкѣ.

[2]) Занимая свободныя земли, получая пожалованія, наслѣдуя, покупая, давая въ закладъ, бояре скопили большія владѣнія. Въ рукахъ нѣкоторыхъ боярскихъ семей были цѣлыя территоріи. Въ XIV вѣкѣ на Вагѣ была обширная боярщина Своеземцевыхъ. Затѣмъ появилось на Вагѣ и Двинѣ еще 12 боярщинъ. Вокругъ Новгорода почти всѣ земли захватили бояре и монастыри: крестьянъ-собственниковъ не стало къ концу XV вѣка, за исключеніемъ сѣверныхъ пятинъ. Тяжелыя экономическія условія, въ которыя попала народная масса, вызывали волненія въ Новгородѣ въ XVI и XV вѣкахъ противъ бояръ и житьихъ людей (1332, 1340, 1351, 1418, 1421, 1445). Обогащали бояръ торговля и правительственныя должности.

[3]) Располагая значительными денежными средствами бояре ссужали „подможныя деньги" и всякія ссуды подъ залогъ земель съ условіемъ возмѣщенія ссудъ и процентовъ трудомъ или уплатою. Всякая просрочка уплаты долга вела къ передачѣ въ руки боярина заложенной земли.

[4]) Кромѣ сборовъ съ своихъ земель, бояре получали многое натурою въ видѣ дани и повинностей. По удовлетвореніи собственныхъ потребностей оставшееся бояринъ пускалъ въ продажу.

Бояринъ охотно даетъ купцу въ лихву деньги, на торговлю — „въ куны“, занося долгъ на свои доски, даетъ черному человѣку взаймы. Но даетъ бояринъ работу, оказываетъ помощь, защищаетъ и ссужаетъ деньгами тѣхъ, кто къ нему хорошъ, кто ему другъ, кто за боярина и поддержитъ его, когда онъ пожелаетъ стать церковнымъ старостою, быть избраннымъ въ сотскіе, кончанскіе или уличанскіе старосты, кто будетъ проводить его на вѣчѣ въ тысяцкіе или посадники, кто будетъ голосовать за его предложеніе. Кто же ему подозрителенъ и враждебенъ, кто не на его сторонѣ, тѣхъ онъ безжалостно разоряетъ. Такъ крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ простую чадь и купцовъ „великіе бояре“.

Своею властью эти бояре стали пользоваться теперь „безправдиво“. Они только и думаютъ о томъ, чтобы сдѣлать себѣ легко, и не думаютъ о томъ, что то, что облегчаетъ ихъ и даетъ просторъ ихъ жизни, ложится зломъ и тяготою на младщихъ. Они злоупотребляютъ силою. Чтобы устранить соперниковъ, они распускаютъ ложные слухи[1]), чтобы погубить людей имъ неугодныхъ, они поддерживаютъ ябедниковъ, спаиваютъ честныхъ людей[2]), претятъ (угрожаютъ смертью), чтобы тѣ подъ пьяную руку говорили отъ себя при слѣдствіи

[1]) Бояринъ Лука Варѳоломѣевичъ, несмотря на запрещеніе вѣча, неблагословеніе архіепископа, скопивъ съ собой холопей, сбоевъ, пошелъ съ ними за Волокъ, поставилъ тамъ городъ Орлецъ, увеличилъ свой отрядъ емчанами, опустошилъ всѣ погосты земли Заволоцкой, наконецъ, въ одной схваткѣ съ заволожанами погибъ. Сынъ его Онцифоръ далъ знать въ Новгородъ, что его отецъ убитъ подосланными людьми, и что этихъ людей будто подослалъ посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ. Чернь подняла возстаніе противъ Ѳедора и боярина Андрея, разграбила ихъ дома и села. Сами они бѣжали въ Копорье и тамъ просидѣли зиму „до великаго говѣнія“. Въ это время вернувшійся Онцифоръ билъ челомъ Новгороду на Ѳедора и Андрея. Клевета достигла своей цѣли: Ѳедоръ не удержался на посадничествѣ. Но черезъ два года Ѳедоръ снова занялъ мѣсто посадника (въ 1347 году). Въ 1350 году Онцифоръ снова столкнулъ Ѳедора Даниловича и сѣлъ самъ, произведя разгромъ и Пруской улицы поддерживавшей Ѳедора. Чѣмъ вызвано было все это? Съ 1332 по 1350 годъ, Ѳедоръ Даниловичъ вытѣснилъ всѣ боярскія семьи съ посадничества: четыре раза смѣнялись посадники, и онъ замѣщалъ ихъ. Клевета была политическимъ орудіемъ, чтобы избавиться отъ сильнаго соперника.

[2]) Въ 1447 году посадникъ Сокира, напоивъ ливца и вѣсца серебрянаго Ѳедора Жеребца, вывелъ его на вѣче и началъ допытываться, для кого лилъ рубли. Жеребецъ оговорилъ 18 человѣкъ и „по его рѣчамъ“ „иныхъ съ мосту сбросили, другихъ домы разграбили и изъ церквей вывезли ихъ имущество“. Научали бояре Жеребца оговаривать еще многихъ людей, угрожая смертью. Онъ же протрезвясь, отказался отъ всего оговора. Тогда Жеребца самого „смерти предали“ и „животъ его въ церкви раздѣлили и разграбили“,

выдуманную старшими клевету. Радуются ябедники, голодники[1]), посульники[2]), плачуть люди добрые. Идетъ грабежъ по селамъ, по волостямъ и по городу. „И въ поруганіе сталъ Новгородъ сосѣдямъ, сущимъ окрестъ. По волостямъ изъѣзжа велика, боры (поборы) частые, кричь и рыданія и клятва всѣми людьми на старѣйшины и градъ. Не стало въ Новгородѣ ни правды, ни праваго суда"[3]).

Какой правды можно ждать, когда подкупомъ можно сдѣлать все, какую защиту искать, если бояре, стоящіе во главѣ, безнаказно грабятъ, разоряютъ и бьютъ людей.

Захватили всю власть „великіе бояре"[3]) и больше всего заботятся о томъ, чтобы ее сохранить, чтобы не выпустить изъ своихъ рукъ высшихъ, почетныхъ, вліятельныхъ и доходныхъ должностей[4]). Они приспособили для этого все, наполнили всѣ должности своими, не останавливаются ни передъ чѣмъ, чтобы не допустить чужого, особенно въ посадники. Всѣ они заодно, чтобы поддерживать выгоды свои въ ущербъ другимъ.

Тяжело чади. Но есть выходъ изъ этого положенія, говорятъ ей. Можно облегчить условія жизни черныхъ людей. Честолюбивые бояре родовъ, оттѣсненныхъ отъ власти, указываютъ и путь.

„Старшими" недовольны не только черные люди. Тяготятся исключительною властью крупныхъ бояръ и житьи люди и купцы[5]). Но что особенно важно — даже среди бояръ не всѣ довольны самовластіемъ нѣсколькихъ крупныхъ родовъ, прочно закрѣпившихъ за собой власть[6]). Многіе изъ бояръ тоже при-

[1]) Голодники — мятежники.

[2]) Посульники — берущіе посулы, взяточники.

[3]) Съ 1415 по 1478 годъ почти всѣ посадники были изъ боярской партіи: Андрей Ивановичъ (1415), Василій Есиповичъ (1418), Тимоѳей Васильевичъ (1421), Самсонъ Ивановичъ (1434), Тимоѳей Остафьевичъ (1471), Василій Онаньичъ, Ѳома Андреичъ (1476—1478).

[4]) Высшія должности давали значительные доходы и помогали скапливать земельныя и денежныя богатства. Посадникъ получалъ „поралье" — взносъ — въ свою пользу. Получалъ онъ и взятки: въ 1331 году во время ссоры новгородцевъ съ нѣмцами, нѣмцы предлагали посаднику 10 рублей для улаженія дѣлъ. Послы, которымъ было поручено вести переговоры, получили отъ нѣмцевъ и деньгами и сукнами и бочками вина и пива.

[5]) Съ XV вѣка купеческіе старосты были исключены изъ Совѣта бояръ.

[6]) Съ 1126 по 1400 годъ по лѣтописямъ насчитывается не болѣе 40 боярскихъ родовъ, изъ которыхъ выбирались посадники и тысяцкіе. Нѣкоторые изъ нихъ дали по нѣсколько посадниковъ, почти непрерывно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Родъ Михаила Степановича съ 1180 по 1388 годъ далъ 12 посадниковъ. Всѣхъ посадниковъ насчитываютъ до 132.

выкли править и руководить, они хотять также власти и жаждуть устранить соперниковъ. Сдѣлать это можно только при содѣйствіи черныхъ людей. Если они перейдутъ на ихъ сторону, тогда можно одержать побѣду надъ правящими „старѣйшими“.

Улучивъ удобное время, эти бояре приступаютъ къ дѣлу. Они сближаются съ чадью, объясняютъ ей сами и черезъ своихъ „пріятелей“, что утѣснители ея — „великіе бояре“ и посадникъ: они — у власти, „они на нихъ насиліе держатъ“. Стоитъ черному народу прогнать всѣхъ дѣйствующихъ противъ него, стоитъ свести боярскаго посадника и поставить своего, и другихъ должностныхъ лицъ замѣнить своими, и дѣло сразу улучшится; легче станетъ народу, когда у власти будутъ тѣ, кто блюдетъ интересы „молодшихъ“. Время выбрано для нападенія на великихъ бояръ удачно. Съ Литвою и нѣмецкимъ магистромъ — миръ. Прекратилось „нелюбье“ со Псковомъ. Только что окончена война съ великимъ княземъ Московскимъ. Великіе бояре втянули Новгородъ въ эту войну своими походами въ сѣверовосточныя земли[1]) и нежеланіемъ принять въ Новгородъ сильнаго московскаго князя[2]), опаснаго для ихъ власти. Они пригласили къ себѣ его врага, слабаго князя[3]). Тогда московскій князь, „держа гнѣвъ про воложанъ, зато, что разбоемъ берутъ города“, прислалъ „грамоту разметную“ и „повоевалъ волостей Новгородскихъ много“. Пришлось удалить приглашеннаго князя, признать Московскаго Новгородскимъ княземъ и дать еще окупъ въ 8000 рублей[4]). Великіе бояре „смущены“. Ими теперь недовольны еще болѣе, чѣмъ раньше.

[1]) Сильныя шайки повольниковъ часто ходили для разбоя и грабежа въ сѣверовосточныя области по Волгѣ, Камѣ „и много зла творили“, „вездѣ людей христіанскихъ грабяще и бесерманъ грабя и убивающе“, опустошая все, „полоня множество народу“...

[2]) Боярская партія половины XIV вѣка проводили мысль о необходимости въ интересахъ боярства поддерживать на Новгородскомъ столѣ слабыхъ князей, не опасныхъ для всесильнаго Совѣта бояръ и добиваться распространенія новгородской самостоятельности путемъ увеличенія правъ вѣча и утвержденія самостоятельности новгородскаго архіепископа.

[3]) Политика Новгорода въ XIII—XIV вѣкѣ представляетъ колебаніе между сѣверными князьями-соперниками, ведущими борьбу изъ-за власти: тверскими, суздальскими, московскими. Со времени возникновенія соперничества Москвы и Литвы, Новгородъ склоняется то къ Москвѣ, то къ Литвѣ. Нуждаясь въ защитѣ, онъ даетъ пріютъ въ своихъ стѣнахъ князьяхъ изгнанникамъ, надѣясь на ихъ поддержку. Этимъ чаще всего вызывались враждебныя дѣйствія противниковъ по отношенію къ Новгороду.

[4]) Опасеніе за военные расходы и торговые убытки заставляли новгородскихъ бояръ предпочитать уплату дани почетному миру. Въ теченіе XIV вѣка и первой поло-

Жадно прислушивается истомленная чадь, когда говорятъ о необходимости вернуть ей значеніе и власть, захваченныя боярами, о возможности сразу измѣнить ея тяжелое подчиненное положеніе. На сборищахъ по дворамъ, на кончанскихъ и уличныхъ вѣчахъ[1]) все чаще кричатъ о смѣнѣ боярскаго ставленника-посадника. На Софійской сторонѣ черные люди даже ясно и рѣшительно выставляютъ и боярина своего, какъ будущаго посадника[2]).

Но не дремлютъ и великіе бояре, противъ которыхъ направлено движеніе. Они обсуждаютъ вопросы въ Совѣтѣ, собираются на совѣщанія по домамъ. Они энергично противодѣйствуютъ, созывая вѣче на улицахъ и въ концахъ Торговой стороны, гдѣ они набираютъ усиленно себѣ „братіи", „пріятелей" изъ зависимыхъ отъ нихъ людей, приманиваютъ къ себѣ всякихъ „сбоевъ", нанимаютъ, „давая въ народъ людемъ многихъ деньги, дабы имъ помогали на ихъ волю, собирая мужиковъ сбродныхъ, пьянчивыхъ, кровопролитныхъ человѣкъ, худыхъ мужиковъ вѣчниковъ", чтобы кричали за нихъ.

Наконецъ, наступаетъ время, когда обозначаются два сильныя теченія: видно, что одни — ониполовцы стоятъ за великихъ бояръ, другіе — софійцы — противъ нихъ[3]). Возбужденіе растетъ. Дальше дѣла нельзя откладывать, нужно кончить назрѣвшій въ концахъ вопросъ, нужно чтобы въ большомъ вѣчѣ всѣ сошлись рѣшить споръ.

Во время рѣшенія этого спора и вводитъ насъ картина на Ярославль дворъ.

вины XV вѣка они уплатили однимъ тверскимъ и московскимъ князьямъ до 1.500.000 руб. деньгами на нашъ счетъ, не считая дорогихъ винъ, суконъ, шелковыхъ тканей, сосудовъ, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, поднесенныхъ Ивану III, которому они уплатили еще 300.000 рублей.

[1]) Вѣчевыя собранія по концамъ имѣли значеніе по мѣстнымъ вопросамъ окончательныхъ, по общимъ — подготовительныхъ.

[2]) Чадь, плохо понимая отдаленныя политическія и экономическія причины того положенія, въ которомъ она находилась, была склонна думать, что виною всего было боярство и его посадникъ, что однимъ ударомъ можно все измѣнить сразу.

[3]) До XIV вѣка партіи въ Новгородѣ выражали интересы крупныхъ новгородскихъ торговцевъ, и споръ сводился главнымъ образомъ къ вопросу о призваніи того или другого князя, который могъ дать большій или меньшій просторъ новгородской торговлѣ и защиту. Съ XIV вѣка вопросъ о призваніи князей потерялъ остроту и скоро выдвинулся образовавшійся вслѣдствіе развитія торговли и неравенства вопросъ соціальный.

* *

Вѣче въ полномъ разгарѣ. Толпа, собравшаяся на площади, живетъ, но живетъ различною жизнью.

Въ глубинѣ площади у самыхъ воротъ расположилась кучка лицъ, которыхъ мало занимаетъ, какъ рѣшается спорный вопросъ: они держатся въ сторонѣ, они пришли изъ любопытства, относятся ко всему равнодушно и ждутъ только развязки.

Но почти вся остальная толпа поглощена дѣломъ. Одни обступили помостъ и сосредоточенно слушаютъ, что говорится со степени. Кто прислушивается къ толкамъ сосѣдей, кто переходитъ отъ однихъ къ другимъ, стараясь уловить удобное для себя направленіе. Кто перешептывается съ пріятелями.

Въ разныхъ мѣстахъ составились кучки сообразно связямъ и отношеніямъ, соображеніямъ и расчетамъ. Въ правомъ углу картины, ближе къ первому плану, увлечены бесѣдою и, повидимому, не замѣчаютъ шумящей вокругъ нихъ толпы и не стараются слышать ничьихъ рѣчей четыре купца. Еще ближе къ первому плану серьезно обсуждаютъ вопросъ трое житьихъ людей. Нѣсколько вправо отъ нихъ, трепля по спинѣ, горячо убѣждаетъ одинъ бояринъ другого.

Въ этихъ кружкахъ есть равновѣсіе и сравнительное спокойствіе. То и другое грозитъ исчезнуть въ лѣвомъ углу картины, гдѣ столкнулись два полюса новгородскаго населенія, двѣ главныя борющіяся силы.

Одна группа—справа. Въ ней пожилые важные люди. На нихъ богатыя бѣлосѣрыя, синія, красныя шапки изъ бархата и сукна съ мѣховою опушкою; они въ красныхъ, фіолетовыхъ, брусничныхъ, синихъ и желтыхъ узкорукавныхъ однобортныхъ кафтанахъ, доходящихъ до колѣнъ, въ облегающихъ ноги портахъ, засунутыхъ въ высокія и узкія голенища мягкихъ сафьяновыхъ сапогъ[1]). Поверхъ кафтановъ накинуты на плечи рудожелтыя, зеленыя, коричневыя заморскаго сукна свиты съ очень длинными и широкими рукавами, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ, по которому красиво пестрятъ

[1]) См. группу въ правомъ краю картины.

крупные разводы и клѣтки съ рѣпьями по угламъ. Бороды — пышныя, полукруглыя и длинныя. Волосы не подстрижены, а зачесаны назадъ и кудрями падаютъ изъ-подъ шапокъ съ затылка на шею[1]). Лица — сытыя, полныя достоинства и сановитости. Руки — холеныя, въ перстняхъ. Это — великіе бояре, давніе правители, сжившіеся съ властью. Это — крупные богатые землевладѣльцы. Въ своихъ земляхъ они владыки: они опредѣляютъ у себя оброки и дань, судятъ, содержатъ дружины, предпринимаютъ походы. Никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемые въ своей волости, они въ Новгородѣ хотятъ распоряжаться по своей волѣ. Изъ высокихъ хоромъ своего двора зорко слѣдятъ они за тѣмъ, что дѣлается въ ихъ земляхъ, и какъ идутъ дѣла въ Новгородѣ, гдѣ кромѣ богатства они могутъ еще получить почетъ и власть.

Важны, сановиты и увѣрены въ себѣ бояре: опора въ концахъ и улицахъ у нихъ твердая, они смѣло смотрятъ, не боятся противниковъ.

Противники ихъ — слѣва. Простая чадь — въ рубахахъ изъ грубаго холста, въ войлочныхъ колпакахъ или съ непокрытою головою, съ ремешкомъ-повязкою на волосахъ, чтобы они не свѣшивались и не мѣшали работѣ, въ кожаныхъ передникахъ съ засучеными рукавами, съ разстегнутыми воротами. Какъ были за работой, такъ и прибѣжали сюда кузнецы-ковачи, скорняжники, сѣдельники, овчинники, гончары и плотники.

Въ этой группѣ — шумъ, движеніе и возбужденіе. Всѣ тѣснятся впередъ, стараясь подойти вплотную къ боярамъ. Съ горящими глазами, съ блѣдными отъ волненія лицами, приподнимаясь на носки, вытягивая шею, чтобы изъ-за плечъ и головъ другихъ все видѣть и слышать, буйно наступаетъ простая чадь, хватаетъ за плечи „вячшихъ людей“, машетъ грубыми мозолистыми руками.

---

[1]) Для возстановленія костюма и облика верхняго слоя новгородскаго общества XV вѣка даетъ матеріалъ икона часовни преподобнаго Варлаама Хутынскаго въ Новгородѣ, копія съ которой находится въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Помогаетъ и „Царственный Лѣтописецъ“, извѣстный подъ названіемъ „Остермановскаго“ (рукопись въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ № 31. 7. 30) XVI или начала XVII вѣка.

Съ разсудительнымъ спокойнымъ словомъ пробуетъ обратиться къ нимъ сѣдой бояринъ. Оперщись руками на посохъ, укоризненно смотря, говоритъ онъ чади: „Зачѣмъ творите вы междоусобія, спиранія и раздоры, ярость, свары, прекословія и многонародныя собранія? Зачѣмъ затѣваете богоненавистное дѣло, злорадные человѣки?“ Но не успѣваетъ онъ довести свою рѣчь до конца, какъ среди общаго гула выдѣляются голоса, въ которыхъ слышится озлобленіе. „Себѣ творятъ легко, а меньшимъ зло!“ „Совѣтъ сотворили вы золъ, яко побити меньшіи!“ „Нѣтъ въ нашихъ старѣйшинахъ ни милости, ни правды!“ вопятъ изъ толпы. „Вы — супостаты наши!“ кричитъ одинъ, хватая рукою тѣльникъ[1]) и, какъ бы желая показать, что бояре хотятъ съ чади и крестъ снять. И вдругъ разражается горячій бояринъ въ отвѣтъ: „Что вы, наущени дьяволомъ, взбуястеся въ нестройнѣ умѣ? Что вы взбѣсилися, яко звѣри дикіи, безчеловѣченъ разумъ имуще, рѣчей слышати не хотите, а кричите и лаете, яко пси, нелѣпо глаголюще, люди-крамольници!“

Споры и перебранка въ толпѣ увеличиваются. Чѣмъ дальше, тѣмъ крики дѣлаются все громче, грознѣе. То все сливается въ одинъ невнятный гулъ, то выдѣляются десятки голосовъ, то прорѣзываютъ все отдѣльные возгласы, неясные, дикіе, изступленные. Молодцы — худые мужики — вѣчники уже посматриваютъ, не пора ли имъ кричать и пускать въ ходъ кулаки. Озлобленіе растетъ. Вѣче „раздирается“... Новая толпа вваливается въ ворота.

На низкомъ небѣ темнѣетъ туча, озаренная желтоватымъ солнцемъ заката. Зловѣщіе признаки приближающейся грозы уже чувствуются. Становится жутко.

* * *

Трудно сказать, кто одержитъ верхъ, разыграется ли „голка“ или мирно кончится дѣло.

Если бы ставленникъ Софійской стороны встрѣтилъ общее сочувствіе, то, конечно, вопросъ рѣшился бы скоро, опредѣленно и мирно. Новгородъ получилъ бы въ лицѣ его новаго

---

[1]) Тѣльникъ — небольшой крестъ, носимый прямо на тѣлѣ подъ рубашкой.

степеннаго посадника, прибавился бы лишній старый посадникъ, который „слезъ бы со степени". Даже, если бы одна сторона была значительно слабѣе другой и увидѣла бы, что бороться ей не подъ силу, то, какъ ни досадно было бы ей, она подчинилась бы превосходящей силѣ и „урядилась бы", т. е. пришла къ соглашенію. Но такъ какъ противъ значительной партіи черныхъ людей выступила и рѣшительно дѣйствуетъ сильная боярская партія, то дѣло можетъ затянуться и обостриться. Ничего не значитъ, если у одной партіи окажется большинство, а у другой меньшинство[1]). Настойчивое меньшинство можетъ взять верхъ, если будетъ твердо, неослабно добиваться своего, если разовьетъ больше энергіи и силы, если на его сторонѣ окажутся благопріятныя обстоятельства. Когда двѣ партіи въ возбужденіи станутъ другъ противъ друга, тогда „не ублюдетъ Богъ и св. Софія отъ усобныя рати", разыграется „мятня многа" „мятежъ зѣло великъ", настоящая „междуусобная война". Пойдутъ на той и на другой сторонѣ вѣча, будутъ стоять „всякій во оружіи, яко на рать" и „возъярившися, яко пьяни отъ ярости лютыя", ударитъ одна сторона на другую[2]). Будетъ сѣча, будутъ убитые и раненые. При возбужденіи страстей въ этихъ случаяхъ дѣло не обходится безъ вопіющихъ насилій. Раздраженные противодѣйствіемъ торжествующіе побѣдители не въ состояніи обуздать свой гнѣвъ. Если не всѣхъ противниковъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ и особенно тѣхъ лицъ, которыя играли выдающуюся роль, они подвергнутъ безпощадному преслѣдованію, не останавливаясь ни передъ чѣмъ: главарей сбросятъ съ моста въ Волховъ, дворы противниковъ, цѣлыя улицы, гдѣ они живутъ, разграбятъ и пожгутъ.

[1]) На вѣчѣ должно быть единогласное рѣшеніе, вопросъ остается нерѣшеннымъ, пока не „сойдутся въ одиночество". Рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ въ древности не существовало. Это введено въ практику въ XVIII вѣкѣ при Петрѣ Великомъ.

[2]) Столкновенія при рѣшеніи вопросовъ на вѣчѣ не были слѣдствіемъ разложенія политическаго быта Новгорода передъ паденіемъ его политической независимости, а обусловливались неоформленностью древнихъ народныхъ собраній. Такъ какъ вѣчевое рѣшеніе, основывалось не на большинствѣ, а на единогласіи, то рѣшеніе, вопроса борьбой было неизбѣжно. При нерѣшительномъ раздѣленіи голосовъ, стороны стояли другъ противъ друга, безъ всякихъ средствъ къ мирному выходу изъ разногласія. Тогда они обращались къ „суду Божію".

Въ тѣхъ случаяхъ, когда раздоръ между частями, составляющими вѣче, доходитъ до того, что дѣлаются безсильными всѣ внушенія разума, когда между соперниками открывается ожесточенная борьба, выступаетъ новгородскій архіепископъ. Онъ съ высоты Дѣтинца, охраняемаго крѣпкою стражею „владычнаго стяга“[1]) внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣлъ и, когда наступаетъ критическій моментъ, окруженный духовенствомъ въ облаченіи, въ предшествіи крестовъ и иконъ, онъ безстрашно является среди ожесточившихся противниковъ. И какъ ни сильно раздраженіе между партіями, голосъ пастыря церкви, призывающаго „своихъ дѣтей“ прекратить усобицу, никогда не оставался безъ дѣйствія[2]): враги расходятся, вступаютъ въ переговоры. „Попранъ Богомъ и св. Софіею дьяволъ и возвеличенъ крестъ, когда братія сойдется вкупѣ единодушно“.

Время отъ времени разражаются „мятежи велики“ въ Новгородѣ. Словно буря въ лѣсу валятъ они нѣсколько маститыхъ столповъ боярства, отбрасываютъ отъ власти нѣсколько боярскихъ родовъ, обездоливаютъ десятки семей ихъ сторонниковъ и прокладываютъ дорогу новымъ людямъ къ почестямъ, богатству, знатности и власти. Стихнетъ буря, поднятая недовольными, и потечетъ жизнь по тѣмъ же намѣченнымъ путямъ, попрежнему тяжелая для чади: зависимость отъ однихъ бояръ она перемѣнила на зависимость отъ другихъ.

При такихъ условіяхъ, достаточно иногда небольшого повода, чтобы вспыхнула и безъ подготовки злоба на бояръ. Раздраженная постоянной неправдой, своимъ приниженнымъ состояніемъ, бѣдная и подавленная долгами, полуголодная или голодная чадь поднимаетъ настоящее возстаніе противъ

---

[1]) „Владычній стягъ“—полкъ ратныхъ людей, который былъ въ распоряженіи и содержался на средства архіепископа.

[2]) Въ 1359 году Торговая и Софійская сторона столкнулись изъ-за посадника. Три дня стояла одна сторона противъ другой. Онипполовцы, чтобы затруднить нападеніе софійцевъ разметали Волховской мостъ. Тогда посреди враждующихъ явился владыка, окруженный архимандритами и игуменами, и, благословивъ, сказалъ имъ: „Дѣти не подымайтесь на междоусобную брань, не ослабляйте раздоромъ своимъ силы ваши, нужныя противъ поганыхъ, да не похвалятся поганые запустѣніемъ святыхъ храмовъ и всего Новгорода“. Новгородцы приняли его слово и оставили вражду свою.

отдѣльныхъ бояръ, „безправдивыхъ“ „своихъ злодѣевъ“[1]) и „на укореніе богатымъ, обидящимъ убогія“ творитъ надъ ними жестокій самосудъ. Борьба тогда превращается въ дикую расправу, въ сплошной грабежъ дворовъ и житницъ въ безчеловѣчное убійство враговъ[2]).

Но ни борьба на вѣчѣ, ни вспышки гнѣва не содѣйствуютъ улучшенію положенія черныхъ людей. Чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче прибираютъ къ своимъ рукамъ власть крупные бояре. Все сильнѣе растетъ недовольство и озлобленіе черныхъ людей противъ торжествующаго правящаго класса, и все чаще появляется мысль, что собственными силами имъ, чернымъ людямъ, не справиться съ боярами. Истомленные непосильной борьбой, отчаявшіеся въ возможности чего-либо добиться самимъ, черные люди готовы отказаться отъ новгородской свободы... Они обращаютъ свой взоръ на Востокъ къ московскому

---

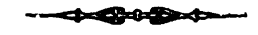
[1]) Усиливалось раздраженіе особенно въ голодные годы.

[2]) Въ 1418 году нѣкто Степанко „по наущенію дьявола“ схватилъ боярина Данила Ивановича, Божина внука и, держа его, закричалъ къ бывшимъ подлѣ него людямъ: „Ой, друзья! помогите мнѣ противъ этого злодѣя“. Люди, услышавъ его вопль, бросились на боярина, повлекли его, какъ злодѣя къ вѣчу. На вѣчѣ женщина, „вскочивъ, дала ему раны“ „яко неистова глаголюще, яко обидима есми имъ“. Избитаго до полусмерти боярина утащили съ вѣча и бросили съ моста въ Волховъ. Рыбникъ людинъ, „сынъ Лычковъ“, соболѣзнуя объ участи боярина, схватилъ его, „вытащилъ себѣ въ челнъ. Преслѣдовавшіе боярина закипѣли тогда негодованіемъ противъ рыбника и разграбили его домъ. Спасенный бояринъ, желая мстить потомъ безчестіе, нанесенное ему Степанкомъ, захватилъ его и началъ мучить. Какъ только услышали, что Степанко захваченъ, ударили въ вѣчевой колоколъ на Ярославлѣ дворѣ. Собравшаяся толпа, вооружившись, взявъ знамя, двинулась на Козьмодемьянскую улицу, разграбила домъ боярина и многихъ другихъ домовъ, пограбила Яневу улицу и весь берегъ. Тогда козьмодемьянцы, опасаясь, чтобы противная сторона не рѣшилась на что-либо худшее, отняла Степанко у боярина, чтобы выдать его своимъ врагамъ и для этого отправила къ архіепископу съ мольбой „да пошлетъ Степанка архіепископъ собранію людскому отъ себя“. Святитель, по просьбѣ ихъ послалъ Степанку, „съ попомъ да съ своимъ дворяниномъ“. Но когда противная сторона выручила Степанку, то „аки пьяная“ вскипѣла гнѣвомъ на другого боярина Ивана Іевлича, жившаго на Чудинцевѣ улицѣ, разграбила его домъ и вмѣстѣ съ нимъ много другихъ домовъ боярскихъ, даже монастырь св. Николая, что въ Полѣ, подъ предлогомъ будто тамъ находятся житницы боярскія. Встрѣтивъ отпоръ на Пруской улицѣ, прибѣжавъ на свою Торговую сторону, кричали, что Софійская сторона хочетъ на нихъ вооружиться и разграбить ихъ дома. Софійцы въ свою очередь опасались нападенія со стороны противниковъ. Тогда начали звонить по всему городу, всѣ вооружились, и обѣ стороны устремились къ мосту, какъ на битву. Засвистали стрѣлы, раздались звуки оружія и падали мертвые. Отъ возмущенія встряссся весь городъ. Вмѣшательство архіепископа водворило спокойствіе.

властному сильному князю, въ надеждѣ отъ него найти себѣ защиту отъ насилій и правый судъ. Къ нимъ присоединяются и купцы, давно уже тяготящіеся боярскою властью и тѣсно связанные торговыми интересами съ Московскимъ княжествомъ, примыкаютъ къ нимъ и житьи люди[1]) и хотятъ призвать „на тыя управы, что на нихъ насилія держатъ, какъ посадники и великіе бояре, никому ихъ судити не мочи, тіи насильники творили, то ихъ такоже иметъ князь великій судомъ по ихъ насильству по մздѣ судити"[2]).

А „бояре великіе", спасая свою власть, тянутъ къ Литвѣ, зовутъ къ себѣ оттуда „на своей воли" короля.

„И бысть молва въ Новгородѣ велика, мятежъ многъ и многа лжа и раздѣлишася людіе, инѣи хотѣху за князя, а инѣи за короля за Литовскаго"[3]).



[1]) Имѣнія сторонниковъ литовской партіи были многочисленны и богаты. Вотчины приверженцевъ Москвы не велики и бѣдны.

[2]) Торговые люди цѣнили очень Москву, потому что при помощи сильнаго московскаго князя они осуществляли свои торговые интересы съ большими удобствами: имѣли вѣрный сбытъ привозимыхъ съ Запада товаровъ и полученіе дешеваго хлѣба и продуктовъ, идущихъ на Западъ. Торговая партія, ставъ во главѣ новгородской жизни съ XIII вѣка, и тянула къ Москвѣ. Отложиться отъ московскаго князя и поддаться князю литовскому, отойти отъ московскаго митрополита и признать зависимость отъ кіевскаго митрополита, ученика Исидора, въ глазахъ большинства значило измѣнить православію. Привязанность къ вѣрѣ предковъ, надежда на лучшія условія жизни и торговый интересъ перевѣсили политическіе интересы.

[3]) Еще съ 30 годовъ XIV вѣка новгородскіе „вельможи и старѣйшины" думали обезпечить независимость Новгорода соединеніемъ его съ Литвою. Въ Новгородѣ не разъ (1333, 1383, 1389, 1394, 1407, 1411, 1432, 1434, 1444, 1446, 1470) сидѣли князья литовскаго дома, много содѣйствовавшіе образованію литовской партіи среди новгородскаго боярства.

Н. Г. Тарасовъ и А. Ф. Гартвигъ.

Изъ исторіи русской культуры.

На пристани въ Новгородѣ.

Изданіе В. В. Думнова.

МОСКВА.—1911.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиженск. пер., д. 9.

Съ картины К. В. Лебедева.

На пристани въ Новгородѣ.

На пристани въ Новгородѣ.

Передъ нами[1]) часть Новгорода Великаго, самаго многолюднаго и торговаго города Руси XIV—XV вѣка[2]).

Крѣпкія, солидныя, каменныя стрѣльницы и стѣны[3]), хорошо отстроенныя деревянныя на подклѣтяхъ избы съ рѣзьбой, расписными ставнями и переходами; крытыя свинцомъ златоглавыя церкви свидѣтельствують о томъ, что этотъ городъ силенъ и богатъ. Многочисленныя суда, склады товаровъ, возы и группы иноземныхъ и русскихъ людей показываютъ, какъ и чѣмъ богатѣетъ Новгородъ, въ чемъ его сила и почему онъ многолюденъ.

Мы на Торговой сторонѣ[4]), — въ главномъ центрѣ новгородскаго торговаго обмѣна. Этотъ обмѣнъ совершается здѣсь

[1]) См. приложенную картину, исполненную для этого изданія К. В. Лебедевымъ.

[2]) О количествѣ населенія и размѣрахъ города можно судить по косвеннымъ указаніямъ. Во время мора 1467 года число умершихъ въ Новгородѣ простиралось до 48.000 человѣкъ; однихъ монаховъ и монахинь умерло 7.650 и приходскихъ священниковъ 300. Въ моръ 1390 года, по иностраннымъ источникамъ, погибло до 80.000 человѣкъ. Число жителей Новгорода къ концу XIII и началу XIV в. опредѣляютъ въ 400.000 человѣкъ.

[3]) До XIV столѣтія въ Новгородѣ существовала только одна каменная стѣна, вокругъ Дѣтинца. Съ усиленіемъ въ XIV в. Москвы и Твери, новгородцы въ 1302 г. построили каменную стѣну на Софійской сторонѣ, а затѣмъ въ 1331—1335 г. и на Торговой сторонѣ.

[4]) Выдающееся торгово-промышленное значеніе Новгорода и его большія богатства были результатомъ многовѣковой кипучей торгово-промышленной и колонизаторской дѣятельности даровитаго и энергичнаго населенія и создались постепенно. Въ ходѣ хозяйственной жизни Новгорода можно намѣтить три главныя стадіи. Въ IX—XI вѣкахъ была ограниченная промышленность для своихъ, главнымъ образомъ, нуждъ и случайная торговля съ юго-востокомъ и ближайшими центрами западной Европы. Обмѣна внутри страны не было, среди незначительнаго населенія при господствовавшемъ натуральномъ хозяйствѣ были слабы спросъ и предложеніе. Въ XII—XIII вѣкѣ, когда увеличилось населеніе и стали расти потребности, подъ вліяніемъ усиливающагося спроса начинаетъ возрастать значеніе труда въ производствѣ, развиваться промышленная дѣятельность и раздѣленіе труда. Въ это время на ряду съ натуральнымъ хозяйствомъ ста-

въ разныхъ мѣстахъ и въ различныхъ видахъ. Совершается онъ на Торгу[1]), который скрываетъ отъ зрителя стрѣльница костеръ[2]) и стѣна. Тамъ обыватели и торговые люди прямо изъ первыхъ рукъ, съ возовъ и лотковъ, со стольцовъ и скамей, въ лавкахъ и балаганахъ пріобрѣтаютъ у горожанъ и крестьянъ разнообразные продукты и издѣлья, тамъ въ рядахъ продается въ розницу привозный иноземный товаръ. Идетъ торговля на дворахъ, нѣмецкомъ, готскомъ, псковскомъ, тверскомъ, полоцкомъ, смоленскомъ и рижскомъ, гдѣ находятся склады, гдѣ съ пріѣзжими гостьми по выставленнымъ образцамъ заключаютъ сдѣлки крупные купцы и по мелочамъ покупаютъ и обыватели. Наконецъ, совершается торговый обмѣнъ и на набережной Волхова, куда ведетъ насъ картина.

Заглянемъ сюда, чтобы нѣсколько познакомиться съ тѣмъ, какъ сложилась торговая жизнь въ Новгородѣ въ XIV столѣтіи.

* * *

Утро. Протяжный благовѣстъ несется надъ Волховомъ. Одна за другой откликаются церкви Софійской и Торговой стороны, вторя густому властному мѣдному голосу Св. Софіи.

новятся видны зачатки денежнаго хозяйства, совершается переходъ отъ мѣны товаровъ къ деньгамъ, хотя и нѣтъ металлическаго обращенія, начинаетъ утверждаться система кунъ. Въ эту эпоху зарождается и внутренняя торговля въ области, обращеніе не только усиливается, но и становится болѣе правильнымъ. Торговые обороты слабѣютъ на югѣ, крѣпнутъ на востокѣ и западѣ. Крупная торговля съ нѣмцами получаетъ организацію и утверждается договорами. Торговля вызываетъ расширеніе промышленности, и она охватываетъ все большій кругъ лицъ и новыя отрасли. Все это выдвигаетъ Новгородъ, усиливаетъ его политическое значеніе и въ немъ создается центръ торговой жизни страны. Такимъ онъ является въ XIV—XV вѣкахъ. Теперь производство все ширится подъ вліяніемъ спроса, который дѣлается все значительнѣе. Развитіе промышленности сказывается въ дальнѣйшемъ раздѣленіи труда, въ появленіи обработанныхъ продуктовъ на рынкѣ, въ подъемѣ уровня работъ, напр., въ серебряномъ мастерствѣ, въ нарожденіи ассоціацій—складчинъ, получаетъ большее значеніе крупная земельная собственность и денежные капиталы, денежное хозяйство водворяется окончательно. Взамѣнъ кунъ входятъ металлическія деньги, изгоняющія мѣну не только изъ внутреннихъ, но и отчасти изъ внѣшнихъ оборотовъ. Постоянство и правильность сношеній устанавливается и, при сравнительномъ обиліи капитала, дѣлаетъ возможнымъ развитіе кредита. Къ этому моменту высшаго расцвѣта торговли и самостоятельности Новгорода и относится картина.

[1]) Торгъ занималъ площадь отъ берега Волхова до нынѣшней Большой Михайловской улицы. На Торговой сторонѣ была и тамга, гдѣ собирали торговыя пошлины.

[2]) Костеръ — воротная башня.

Надъ влажной землею держатся еще ночные туманы, и въ глубинѣ дали мутная одноцвѣтная дымка задернула густые лѣса, скудныя новгородскія поля и слободы, прилѣпившіяся на окраинѣ города. Но передній планъ уже чистъ: здѣсь все пропитано мягкимъ сіяніемъ ранняго солнца, и можно различить деревянный мостъ на клѣтяхъ, многочисленные челны, ладьи и большія суда, которыми уставленъ берегъ, какъ выше, такъ и ниже моста.

Съ обѣихъ сторонъ Волхова пришли суда и плоты съ строевымъ лѣсомъ, досками, брусьями, тесомъ, дровами, мхомъ и даже готовыми срубами для хоромъ и клѣтей. Спросъ на древесный товаръ очень великъ, такъ какъ часты пожары. Тутъ же на берегу все это свалено для продажи. Съ разныхъ мѣстъ, лежащихъ по Волхову, привезли на ладьяхъ поселяне съѣстные припасы, сухари, толокно, медъ, рыбу и солодъ. Одни продаютъ ихъ оптомъ тутъ же на набережной хозяевамъ, которые берутъ ихъ по дворамъ, другіе, выгрузивъ поблизости, торгуютъ ими въ розницу.

Большую часть года здѣсь, на набережной Словенскаго конца, кипитъ торговая жизнь. Только зимою, когда Волховъ скованъ льдомъ, движеніе на берегу затихаетъ, и заморскіе и русскіе товары идутъ въ Новгородъ не водой, а „горою", т.-е. сухимъ путемъ[1]). Съ весны же и до поздней осени здѣсь то усиливается, то уменьшается въ зависимости отъ приходящихъ судовъ приливъ и отпускъ товаровъ, которыя схо-

---

[1]) Главный путь, по которому шли заморскіе товары былъ водный — по Балтійскому морю. На этомъ наиболѣе удобномъ пути однако встрѣчалось не мало затрудненій. Швеція и Данія не давали полной свободы на провозъ товаровъ въ Новгородъ, особенно желѣза и оружія, изъ боязни усиленія и вооруженія новгородцевъ. Въ виду этого стѣсненія, опасностей отъ морскихъ разбойниковъ, которые грабили корабли, а экипажъ бросали за бортъ, а также возможности закрытія этого пути въ случаѣ разлада съ Швеціей и Даніей были еще три пути: Вотскій, Лужскій и Псковской. Первый имѣлъ исходнымъ пунктомъ Ревель и тянулся черезъ Вотскую землю. Это былъ путь „горный" и преимущественно зимній; по немъ перевозили громоздкіе товары. Лужскій путь шелъ отъ города Нарвы по рѣкѣ Лугѣ на Шелонь и Ильмень. Самый важный путь былъ Псковской — отъ Данцига черезъ Мемель, Полангенъ, Ригу на Псковъ и на Ильмень. По этимъ путямъ двигались караваны два раза въ годъ. Первый караванъ въ началѣ весны, чтобы вести торговлю лѣтомъ, второй въ исходѣ осени, чтобы торговать зимою. Лѣтніе купцы могли оставаться до послѣдней воды или до перваго санняго пути, зимніе купцы — до послѣдняго санняго пути или до открытія навигаціи.

дится сюда со всѣхъ сторонъ, чтобы затѣмъ разойтись по различнымъ мѣстамъ.

Главный товаръ, который идетъ въ Новгородъ въ большомъ количествѣ и который нуженъ почти всѣмъ, — хлѣбъ. Трудно обойтись новгородцамъ безъ привознаго хлѣба, когда даже уродилась рожь въ новгородской землѣ; а когда осенью ранніе морозы побили озимь, когда ее хватилъ морозъ весною, или когда напротивъ отъ теплой сырой зимы пропало зерно, или лѣтомъ вымокъ, или засохъ хлѣбъ, когда отъ этого „въ людяхъ великая скорбь и нужда“ и населенію грозитъ голодная смерть, тогда необходимъ привозный хлѣбъ въ большомъ количествѣ. Если хлѣба привозятъ мало, онъ дорогъ, и люди, чтобы не умереть съ голода, ѣдятъ мохъ, липовую кору, пожираютъ конину, псину и падаль, обрѣзываютъ даже трупы, или, ожесточившись, рѣжутъ живыхъ людей и бросаются на запасы богатыхъ. Съ Поволжья и Юга главнымъ образомъ по Мстѣ и Тверцѣ идутъ къ Новгороду хлѣбные грузы[1]). Этотъ хлѣбъ въ бѣлыхъ мѣшкахъ виднѣется на возу, который находится почти посрединѣ картины.

Но, чтобы получить хлѣбъ, нужно дать за него въ обмѣнъ Поволжью и Югу другіе товары. Такіе товары новгородцы получаютъ отъ нѣмцевъ.

Нѣсколько судовъ весенняго каравана бросили якоря у берега Волхова. Многія изъ нихъ уже разгружены, очередь дошла до того судна, которое на самомъ переднемъ планѣ картины. Товары нѣмцевъ уже осмотрѣны новгородскими властями въ Гостинопольѣ, тамъ же за нихъ уже внесена проѣздная пошлина[2]) и теперь ихъ выгружаютъ. Въ большихъ, заботливо увязанныхъ тюкахъ — сукна разныхъ сортовъ, тонкія лучшія изъ Англіи и Фландріи, грубыя — изъ Германіи[3]). Въ такихъ же тюкахъ — полотна изъ Нидерландовъ и кипы пряжи. Подлѣ

---

[1]) Отъ нѣмцевъ хлѣбъ шелъ только тогда, когда на Руси былъ неурожай или когда раздоры съ великимъ княземъ Московскимъ запирали подвозъ хлѣба съ Поволжья.

[2]) Одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ нѣмецкихъ гостей была льгота въ таможенныхъ пошлинахъ. Они платили одинъ только мытъ въ Гостинопольѣ.

[3]) Количество ввозимыхъ суконъ временами было очень значительно. Въ 1410 году на Нѣмецкомъ дворѣ имѣлся запасъ въ 200 полукипъ терлинговъ сукна — приблизительно 125.800 аршинъ.

тюковъ — бочки различныхъ размѣровъ: однѣ изъ нихъ съ виномъ бѣлымъ и краснымъ, изъ Фландріи, другія съ медомъ и пивомъ изъ Пруссіи и вендскихъ городовъ, въ третьихъ — сельди, въ четвертыхъ — конфеты и винныя ягоды. Въ глубинѣ трюма — желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ[1]), краски, соль[2]), а можетъ быть и оружіе[3]). Все это въ большомъ спросѣ вездѣ на Руси, и въ обмѣнъ на это новгородцы могутъ купить хлѣба.

Но что же могутъ дать новгородцы за привезенное нѣмцамъ? Для этого они припасли товары: съ востока — персидскій шелкъ и пряности[4]), изъ южныхъ пятинъ своей земли они привезли коноплю и „ленъ добрый", съ сѣверныхъ своихъ земель — мѣха и кожи. На мѣха нѣмцы всегда предъявляютъ сильный спросъ[5]). Они цѣнятъ мѣха собольи и бобровые, куньи и лисьи, хорьковые и горностаевые, ластковые и рысьи. Не брезгуютъ они шкурами медвѣжьими, волчьими, заячьими и бѣличьими. Покупаютъ они и кожи, сырыя и обдѣланныя: большой возъ съ купленными кожами тянется по набережной въ нѣмецкій складъ. Интересуются нѣмцы и воскомъ, который въ большомъ количествѣ спрашиваетъ на свѣчи церковь на Западѣ: ждутъ очереди бочки болгарскаго и русскаго воска, сырца и очищеннаго, перетопленнаго, съ примѣсью и совсѣмъ чистаго. Приготовлены бочки съ ворванью[6]), дегтемъ, смолой: онѣ сложены въ сторонѣ, недалеко отъ воротъ башни.

---

[1]) Олово приходило изъ Англіи, мѣдь—изъ Швеціи, свинецъ—изъ Испаніи. Мѣдь шла на колокола, олово и свинецъ — на крыши церквей.

[2]) Когда Новгороду не хватало своей соли, привозили нѣмцы изъ Испаніи, Франціи и Даніи, не отказываясь отъ возможности притѣснить новгородцевъ.

[3]) Ввозъ оружія запрещенъ: виновнику грозили папскимъ интердиктомъ, отнятіемъ имущества, лишеніемъ жизни и вѣчными муками. Въ 1402 году ломбардецъ Рафаель былъ лишенъ имущества за это. Не смотря на запрещенія и кары оружіе все-таки ввозилось.

[4]) Сдѣлки съ шелкомъ были значительны. Онъ шелъ, повидимому, изъ Средней Азіи.

[5]) Средневѣковое общество любило мѣха. Они не только нужны были для украшенія, но и необходимы. Холодный и сырой климатъ Сѣверной и Средней Европы, узкія и темныя улицы, дома часто безъ печей требовали теплой одежды. Мѣха обращались въ торговлѣ большими партіями: цѣнные — шли сороками, дешевыя —тысячами, четвертями, дюжинами, десятками и пятками. Мѣха поступали въ продажу необдѣланные, цѣлыми шкурами и подобранные изъ лапокъ — лапчатые, изъ чрева—черевьи, изъ хребта—хребтовые.

[6]) Ворвань (вытопленный жиръ морскихъ звѣрей) шелъ изъ двинскихъ владѣній.

Въ этомъ торговомъ обмѣнѣ прямо или косвенно принимаетъ то или другое участіе, получаетъ большій или меньшій доходъ отъ него почти все населеніе Новгорода, бѣдные и богатые, духовные и міряне. Трудятся на продажу черные люди; приторговываютъ мелочные торговцы; питаются отъ торговли рабочіе, грузовщики, носильщики, лоцмана и судовщики; пускаютъ въ торговлю съ прибылью для себя свои излишки бояре и житьи люди; хорошо вознаграждаютъ свои труды купцы; не чуждается торговли бѣлое и черное духовенство, не смотря на неблаговоленіе церковныхъ властей; богатѣетъ отъ торговли новгородскій епископъ, Св. Софія; кормится отъ нея и князь.

Но ни князя, ни духовныхъ лицъ, ни знатныхъ бояръ, ни богатыхъ житьихъ людей мы не находимъ за торговымъ дѣломъ на набережной. Всѣ эти лица сами непосредственно не ведутъ торговли. Они или ссужаютъ торговцевъ деньгами или поставляютъ съ своихъ владѣній товары и поручаютъ купцамъ ихъ продажу. Торговля — исключительное занятіе купцовъ. Они главнымъ образомъ и толпятся на набережной то принимая, то отпуская товары.

Новгородскіе купцы стараются крѣпко держать въ своихъ рукахъ всю торговлю въ Новгородѣ и Новгородской землѣ. Прочно сидятъ они въ Русѣ, Торжкѣ. На время ѣздятъ они въ Корелу и Обонежье, забираются по Двинѣ въ Заволочье, въ Югру, на Печору и Обь, чтобы вывозить оттуда мѣха и шкуры. Не ограничиваются они предѣлами своихъ владѣній, идутъ за порубежье на западъ, на югъ и востокъ. Торгуютъ они въ сосѣдней псковской области, скупая хлѣбъ и ленъ; ходятъ они гостьбою по всей Литовской землѣ даже до Владимира-Волынскаго и получаютъ оттуда хлѣбъ и воскъ; они обычные посѣтители Восточной Руси, бываютъ въ Твери, Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Суздалѣ, Костромѣ: здѣсь они закупаютъ болгарскій шелкъ, воскъ и восточныя пряности, отсюда по Мстѣ и Тверцѣ водою или по Яжелбицкой дорогѣ черезъ Бронницы на Торжокъ[1]) двигаютъ они хлѣбъ; ведутъ они

[1]) Торжокъ представлялъ средоточіе всѣхъ торговыхъ путей и являлся какъ бы

торговыя сношенія и съ иноземцами, съ ближайшими городами Швеціи, Выборгомъ и Або, заходятъ въ Стокгольмъ, сухимъ путемъ и моремъ ѣздятъ они въ Лифляндскіе города, въ Нарву, Колывань (Ревель), Дерптъ и Ригу, направляютъ свои товары и въ прусскіе города, достигаютъ даже Готланда и Любека, увозя отсюда сукна и вина на нанятыхъ для того шведскихъ и нѣмецкихъ судахъ.

Чѣмъ шире развертывается торговля Новгорода, тѣмъ сильнѣе сказывается потребность ее направлять, тѣмъ необходимѣе становится для новгородцевъ дѣйствовать совмѣстно, обществами. Эти общества нужны, чтобы съ большимъ успѣхомъ вести все растущее дѣло торговли и промысла[1]) и защищать свои интересы. Удобнѣе, держась другъ за друга, итти по опаснымъ путямъ въ далекія страны. Надежнѣе обществомъ вести споры противъ сборщиковъ пошлинъ, желающихъ взять всегда больше, чѣмъ слѣдуетъ. Только поддерживая одинъ другого, можно заключить выгодный договоръ, установить твердую цѣну, добиться удовлетворенія правосудія, правъ и даже преимуществъ извѣстнаго рода. Поэтому на ряду съ одиночками купцами выступаютъ купцы общинами особенно тамъ, гдѣ много препятствій и трудностей, гдѣ у нихъ большія дѣла.

Дружинами они дѣлаютъ поѣздки на Сѣверъ, за рубежъ и за море. Таковы гости-югорцы, гости низовскіе и заморскіе. Совмѣстно ведутъ дѣло въ новгородской землѣ и въ Новгородѣ купцы-прасолы[2]), купцы-суконники, вощаники, рыбники, хлѣбные. Таковы — общины Обонежская, Лубяницкая, Чудинцовская и Иваньская. Выбирая себѣ въ покровители и защитники отъ опасностей и несчастій святого, они ставятъ ему

воротами, черезъ которыя „обилье“ (хлѣбъ) шло въ Новгородъ. Занятіе Торжка восточнымъ княземъ лишало Новгородъ средствъ существованія.

[1]) Общины-товарищества-складни были двоякаго рода. Члены союзовъ перваго рода соединяли все свое имущество въ общій капиталъ для хозяйственныхъ цѣлей и въ силу круговой поруки отвѣчали за все товарищество. Члены союзовъ второго рода вкладывали въ предпріятіе лишь часть своего капитала и сообразно съ этимъ ограничивались ихъ права и отвѣтственность. Участіе въ этихъ товариществахъ заставляетъ всѣхъ дѣлить прибыль и убытокъ и предохраняетъ отъ невыгодной конкуренціи сосѣдей, всегда могущихъ опередить въ торговлѣ или разорить, прибѣгнувъ и къ недозволеннымъ средствамъ.

[2]) Прасолы, т.-е. занимающіеся торговлею соленымъ мясомъ и рыбою.

церковь, и въ ней или около нея устраиваютъ склады своихъ товаровъ. У новгородцевъ-прасоловъ въ Русѣ церковь каменная Бориса и Глѣба, въ Торжкѣ[1])—„каменный Спасъ-Преображенье“, у югорщины — въ Новгородѣ на Рядятинѣ улицѣ „св. Троица каменная“, у заморскихъ купцовъ—„св. Пятница“, у иваньской общины — „церковь каменная большая великаго Ивана на Опокахъ“.

Объединяясь, зорко слѣдя за всѣмъ, новгородскіе купцы не жалѣютъ труда, чтобы совмѣстными силами добыть себѣ большія удобства и права.

Въ Новгородѣ они устанавливаютъ правило, что новгородскій купецъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, тянетъ тягло по новгородской сотнѣ, къ которой приписанъ, что на новгородскаго купца не распространяются ни чрезвычайные налоги, которые падаютъ на мѣстность, въ которой онъ временно живетъ, ни обыкновенныя повинности. Купцы не обязаны давать подводъ городскимъ чиновникамъ кромѣ какъ только „ради ратной вѣсти“, т.-е. когда нужно дать знать городу о появленіи врага. Не распространяется на новгородскаго купца, пребывающаго въ волости и проѣзжій княжескій судъ, за исключеніемъ случая, когда того пожелаетъ самъ купецъ.

Въ виду большой важности торговли съ Восточною Русью новгородскіе купцы напрягаютъ усилія, чтобы договорами обезопасить себѣ пути, сократить всякія отягощенія и добиваются, что съ новгородскихъ купцовъ берутъ одинъ только мытъ — двѣ векши съ ладьи и воза, съ короба льна и хмѣля, да гостиное — пошлину за остановку въ городахъ.

Но особенно зорко слѣдятъ они за всѣмъ въ самомъ Новгородѣ и въ главной торговлѣ — съ нѣмцами. Они твердо стоятъ на томъ, что въ Новгородѣ они — господа, что у себя они — единственные посредники между Западомъ и Востокомъ, что торговля должна быть исключительно въ ихъ рукахъ. Они дѣлаютъ небольшія уступки по незначительнымъ статьямъ, разрѣшая нѣмцамъ на своемъ дворѣ продавать нѣкоторые то-

[1]) Въ Торжкѣ въ 1215 году князь Ярославъ захватилъ болѣе 2000 новгородцевъ, по преимуществу купцовъ.

вары по мелочамъ[1]). Но оптомъ иноземные кунцы должны вести торговлю только съ новгородцами[2]), съ гостями же другихъ русскихъ земель они могутъ торговать не иначе какъ при посредствѣ самихъ новгородцевъ, чтобы всегда между нѣмцами и пріѣзжими гостями „ходилъ свой братъ-новгородецъ“[3]). Они твердо держатся этого правила и не дѣлаютъ исключенія даже для своихъ князей и бояръ княжескихъ[4]). При этомъ право торговли нѣмцевъ ограничиваютъ они только однимъ Новгородомъ.

Желая сохранить за Новгородомъ преобладаніе, они всѣ вспомогательныя торговыя операціи дѣлаютъ привилегіей своихъ гражданъ и обезпечиваютъ имъ заработокъ. При неизбѣжной перегрузкѣ судовъ у устьевъ Невы нѣмцы обязаны пользоваться услугами исключительно новгородскихъ лодочниковъ. При проѣздѣ по новгородской землѣ нѣмцы должны нанимать лоцмановъ для провода судовъ черезъ Волховскіе пороги и принимать на суда новгородскаго пристава. При привозѣ товаровъ на пристань нѣмцы должны брать непремѣнно новгородцевъ-носильщиковъ и извощиковъ[5]). На картинѣ изъ разгружаемаго судна новгородцы-носильщики подъ присмотромъ нѣмцевъ-приказчиковъ таскаютъ товары и укладываютъ ихъ на телѣгу, на которой извозчики-новгородцы доставятъ ихъ въ нѣмецкіе склады.

---

[1]) Нѣмцы очень послѣдовательно стремились къ пріобрѣтенію на Руси правъ розничной торговли въ виду возможности при этомъ наживать больше. Новгородцы же старались монополизировать восточный торгъ въ своихъ рукахъ.

[2]) Когда въ 1424 г. два нѣмца хотѣли купить у литвина мѣха, явились новгородцы и повлекли ихъ на судъ къ св. Ивану, гдѣ виновники были присуждены къ заключенію въ оковы.

[3]) Изъ среды новгородскаго купечества избиралось нѣсколько посредниковъ, маклеровъ, которые производили на Нѣмецкомъ дворѣ сдѣлки между иноземными и иногородними купцами по соглашенію съ мѣстнымъ купечествомъ. Выгода была двоякая: будучи обязаны торговать не иначе, какъ черезъ новгородцевъ, иногородніе гости не могли сбивать цѣны въ ущербъ мѣстнымъ, и временами новгородцы благодаря этому могли скупать у иногороднихъ гостей тѣ товары, перепродажа которыхъ въ измѣненномъ видѣ могла быть выгодна для нихъ.

[4]) Эта статья проходитъ черезъ всѣ договоры съ князьями, начиная съ 1270 г. и до 1471 г. Нѣмцы сами не могли переносить товаровъ, это была привилегія новгородцевъ.

[5]) Плата извозчикамъ была строго опредѣлена: за провозъ клади съ берега на Нѣмецкій дворъ — 15 кунъ, на Готскій дворъ — 10 кунъ, за вывозъ съ Нѣмецкаго двора на суда — полгривны кунъ.

Въ обезпеченіе своихъ интересовъ, въ виду важности торговыхъ дѣлъ, новгородскіе купцы постоянно вмѣшиваются въ сношенія Новгорода съ нѣмцами. Хотя новгородскій Боярскій совѣтъ косо смотритъ на это, считая дѣла съ иноземцами своимъ исключительнымъ правомъ, хотя онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старается устранить купцовъ отъ дѣятельнаго участія, пробуя иногда даже скрывать документы: „держитъ письма у себя подъ спудомъ и купечеству русскому и народу знать не даетъ", тѣмъ не менѣе купечество, неослабно борясь, добивается нерѣдко, что въ грамотахъ, написанныхъ отъ имени епископа, тысяцкаго, старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, упоминаютъ и купеческихъ старостъ и купцовъ или купцовъ и купеческихъ дѣтей, что самыя грамоты скрѣпляются не только посадникомъ и тысяцкимъ, но и двумя купецкими старостами.

Наиболѣе вліятельная купеческая сила въ Новгородѣ — Ивановская община — „Иваньское сто". Въ нее входятъ самые крупные новгородскіе купцы, вящіе, „старѣйшіе", „пошлые" тѣ купцы—вощаники и суконщики, въ рукахъ которыхъ главнымъ образомъ находится торговля съ нѣмцами, у которыхъ они покупаютъ сукна и которымъ они продаютъ воскъ. Это — купцы первой статьи, „золотые пояса", и церковь ихъ св. Иванъ на Опокахъ — первая по богатству послѣ св. Софіи. Эта церковь видна на картинѣ за стѣной по лѣвую сторону башни, которая немного заслоняетъ ее[1]). Тамъ, около св. Ивана и сосредоточена торговля, всѣ торговыя дѣла и сношенія съ иноземцами, тамъ устанавливаются внутренній распорядокъ дѣлъ и нормы для улаженія споровъ и несогласій между гостями и новгородцами.

Въ самой церкви, полной благолѣпія и богатства, на хорахъ въ стѣнахъ въ ларяхъ хранятся торговыя книги, грамоты и договоры; въ подвалахъ лежитъ казна общины и наиболѣе цѣнные товары въ коробьяхъ. Въ притворѣ — вѣсы, большія „скальвы о дву чашахъ", а при нихъ — купцы ивань-

[1]) Сообразно съ своимъ торговымъ значеніемъ она находилась на Торговой сторонѣ между набережной и Торгомъ и недалеко отъ Нѣмецкаго и Готскаго дворовъ.

скіе „старощеніе держать и вѣсъ вѣсятъ“. Два купеческихъ старосты присутствуютъ тамъ при взвѣшиваніи воска и взыскиваютъ „вощаной вѣсъ“: съ новгородцевъ они берутъ меньше, больше съ новоторжанъ, еще больше со смолянъ и еще больше съ низовскихъ купцовъ. Кромѣ вощаныхъ скальвъ здѣсь — „медовые пуды“ или безмѣны[1]) и вѣсятъ на нихъ кромѣ меда, олово, свинецъ, квасцы и „темьянъ“ (т.-е. ѳиміамъ — ладанъ). Здѣсь же — „гривенка рубленая“ для взвѣса обрубковъ — „рублей“ и ихъ половинокъ — „полтинъ“ и гривенъ[2]), здѣсь же и локоть для измѣренія длины[3]). Эти же иваньскіе старосты имѣютъ надзоръ за мѣрами и во всемъ Новгородѣ вмѣстѣ съ владыкою и сотскими. На тѣхъ, у кого „скривится мѣрило торговое“, т.-е. окажутся невѣрными мѣры, налагается наказаніе и „животъ[4]) тѣхъ натрое: треть живота — св. Софіи, треть — св. Ивану, треть — сотскимъ и Новгороду“.

Около церкви — гостиный дворъ, гдѣ сложены товары купцовъ общины и гдѣ совершается торгъ, далѣе — гридня, куда собираются купцы для обсужденія общихъ дѣлъ, гдѣ читаются по-русски и по-нѣмецки договорныя грамоты и укрѣпляются печатями, когда размѣниваются ими стороны. При

---

[1]) Первоначальные вѣсы — пудъ, иначе безмѣнъ большого размѣра, въ видѣ стержня съ утолщеніемъ. Это орудіе взвѣшиванія самое несовершенное, но весьма распространенное на Руси и у скандинавскихъ и восточныхъ народовъ. Въ половинѣ XII в. благодаря нѣмецкому вліянію вводятся скальвы или вѣсы съ 2 чашами. Единицею вѣса при безмѣнѣ былъ берковецъ — 10 пудовъ, при скальвахъ — капь — 3 пуда.

[2]) Древнѣйшею формой новгородской торговли была мѣна: за ножи, сѣкиры давали мѣха. Позднѣе мѣновой единицею является скотъ и еще позднѣе мѣха бѣлокъ или векшъ. На ряду съ этимъ были въ ходу и куны — отрѣзки шкурокъ. Играли роль въ обращеніи товаровъ золото и серебро, но не въ формѣ денежной, а въ видѣ слитковъ, кусковъ, которые принимались каждый разъ на вѣсъ. По формѣ и величинѣ слитки были различны и вѣсили полфунта или 48 золотниковъ и назывались тогда гривенниками, иногда составляли четверть или восьмую часть гривенника. Съ расширеніемъ торговыхъ оборотовъ возникла потребность въ болѣе совершенномъ орудіи мѣны, и новгородцы замѣнили въ началѣ XV столѣтія куны и шкурки металлическою монетою, заимствовавъ денежную систему у нѣмцевъ и введя „артуги“ и литовскіе гроши. Но въ виду неудовлетворительности этой системы въ 1420 году они завели деньги собственнаго чекана. Въ 1447 году этимъ были заняты 5 денежниковъ. Эти монеты — новгородки дошли до насъ въ двухъ типахъ: до 1456 года и послѣ этого года. Онѣ имѣютъ двѣ фигуры — одну съ знаками власти, другую — въ просительномъ положеніи. Первая вѣроятно, — изображеніе Новгорода, вторая — новгородца.

[3]) Локоть — 10 вершковъ.

[4]) Животъ — имущество.

церкви св. Ивана дѣйствуетъ и торговый судъ[1]), который ведетъ тысяцкій и съ нимъ пять старостъ, трое отъ житьихъ людей, двое отъ купцовъ. Въ вѣдѣніи этого суда всѣ безъ исключенія тяжбы русскихъ и иноземцевъ. Отсюда со двора св. Ивана купеческіе старосты ходятъ къ ганзейцамъ для уговора о мѣрѣ вознагражденія частныхъ истцовъ. Во дворѣ же здѣсь сберегаются тяжебные товары до рѣшенія дѣла судомъ.

Много умѣнья, ловкости, смѣтливости, энергіи и силъ требуетъ купеческое дѣло. Не мало соединено съ нимъ опасностей и невзгодъ. Но за то оно хорошо и вознаграждаетъ за трудъ, оставляя въ рукахъ торговцевъ значительные барыши отъ купли-продажи при обмѣнѣ товаровъ. Это видно и по одеждѣ толпящихся на берегу купцовъ. Ихъ цвѣтная одежда богата и свидѣтельствуетъ о большой зажиточности. Своею одеждою они выдѣляются и отъ мелкихъ торговцевъ, которые сидятъ въ своихъ лавкахъ по дорогѣ отъ моста къ башнѣ — костру и отъ продавцевъ, ведущихъ торгъ на лоткахъ хлѣбомъ и рыбой у самаго берега. Еще сильнѣе различіе между купцами и носильщиками, изъ которыхъ одни таскаютъ тюки, а другіе присѣли отдохнуть и подкрѣпить свои силы краюхою чернаго хлѣба и рыбой. Босоногіе, въ грубыхъ рубахахъ, съ накинутыми на плечи ветхими свитцами эти носильщики всѣмъ своимъ видомъ говорятъ, что трудъ ихъ тяжелъ, а заработокъ, выпадающій на ихъ долю, не очень великъ.

Но на набережной не одни новгородцы. Есть здѣсь и гости, пріѣхавшіе въ Новгородъ изъ другихъ странъ. Въ пестрой толпѣ здѣсь мѣшаются суздальцы и тверичи, псковичи и смоляне, полочане и кіевляне, витебляне и литвины, свейскіе и ганзейскіе нѣмцы. Трудно въ этой толпѣ отдѣлить жителей Новгорода отъ жителей другихъ русскихъ областей, такъ какъ они довольно сходны по наружности. Но легко среди нихъ отыскать нѣмцевъ, рѣзко отмѣченныхъ всѣмъ обликомъ и

---

[1]) До начала XII вѣка торговый судъ, какъ и весь судъ былъ въ рукахъ князя и производился на Княжемъ дворѣ. Съ развитіемъ торговыхъ оборотовъ, изъ опасенія внесенія княземъ своихъ интересовъ, такъ какъ князь былъ не чуждъ торговыхъ оборотовъ, князь былъ устраненъ, и судъ переданъ въ руки Иваньской общины и тысяцкаго. Взамѣнъ доходовъ отъ суда князю уплачивала Иваньская община 25 гривенъ.

одеждой. Ихъ отличаетъ головное покрытіе, длинные волосы, бритые подбородки и одежда, не сходная по покрою съ одеждою русскихъ. Не смотря на это, они не привлекаютъ вниманія толкущагося на набережной народа. Даже малый на первомъ планѣ не смотритъ на нихъ: нѣмцы въ Новгородѣ — привычные люди, къ нимъ пригляделись всѣ.

На картинѣ ганзейскіе нѣмцы заняли видное мѣсто. Такое же мѣсто они занимаютъ и въ торговой жизни Новгорода. Они даютъ главный толчокъ новгородской торговлѣ, ширятъ ее; съ ними у новгородца больше всего дѣлъ, но и больше всего доставляютъ они затрудненій для новгородцевъ.

Торговля нѣмцевъ въ Новгородѣ обширна и для нихъ выгодна [1]), но для того, чтобы быть таковой, она требуетъ крупной и твердой организаціи. Поэтому нѣмцы составляютъ компанію, во главѣ которой стоитъ контора для веденія дѣлъ. Она рѣшаетъ вопросы, какъ вести сношенія съ Новгородомъ, какіе товары ввозить, что брать у новгородцевъ, сколько каждому купцу продавать и покупать и какія держать цѣны. Настойчиво и послѣдовательно дѣйствуетъ контора, стремясь твердой рукою захватить почти всю западную торговлю, ревниво устраняя всякаго конкурента, не допуская никакого вмѣшательства въ свои дѣла новгородскихъ властей, принимая всѣ мѣры, чтобы обезпечить личность и капиталъ нѣмецкихъ торговцевъ [2]).

Центръ торговой жизни и управленія ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ — Нѣмецкій дворъ [3]) въ Витковомъ переулкѣ недалеко отъ Торга.

[1]) Торговля Ганзы и Новгорода начала расти съ тѣхъ поръ, какъ начала слабѣть покупная сила Константинополя, и главный рынокъ европейской торговли съ Средиземнаго моря сталъ перемѣщаться на Балтику. Съ этого времени Новгородъ дѣлается крупнымъ рынкомъ, складочнымъ мѣстомъ товаровъ русскихъ, восточныхъ и западныхъ, пріемнымъ пунктомъ для ввоза на Русь и мѣстомъ размѣна, съ этого времени Новгородъ втягивается въ міровой оборотъ, и это сообщаетъ его торговлѣ небывалый раньше широкій розмахъ.

[2]) Личность гарантировалась тѣмъ, что купца нельзя подвергать заключенію, что за преступленія противъ него кромѣ штрафа опредѣлялось еще въ пользу обиженнаго значительное взысканіе. Въ дѣлахъ по убійству взысканіе выражалось въ гривнѣ серебра. За убійство посла, священника и заложника платилось 20, а за убійство простого купца — 10 гривенъ серебра. Нанесеніе побоевъ и безчестіе оплачивалось гривною кунъ. При тяжбѣ нельзя сразу захватить товаръ, нужно ждать уплаты отъ гостя. При задолженности новгородца нѣсколькимъ лицамъ, первое взысканіе въ пользу нѣмца.

[3]) Ни Нѣмецкій, ни Готскій дворы не вмѣщаются въ поле зрѣнія картины. Они

Обособленно, замкнуто и съ опаскою держится тамъ контора[1]). Дворъ, въ которомъ живутъ нѣмцы торговый сезонъ и держатъ свои товары, настоящая крѣпость съ высокимъ тыномъ и крѣпкими воротами. Его охраняютъ денно и нощно сторожа и собаки. Особенно стерегутъ церковь св. Петра: тамъ внутри каждую ночь спятъ двое, а третій стоитъ, бодрствуя, у дверей: въ церкви св. Петра не только святыня, но и вѣсы и гири, и самый цѣнный товаръ, имъ наполнены церковные подвалы, тюки, ящики и бочки стоятъ въ притворѣ и у стѣнъ въ самой церкви, даже у алтаря[2]).

Входъ въ этотъ дворъ разрѣшаетъ старшина и только для тѣхъ русскихъ, кто хочетъ продать или купить. Кто пришелъ для покупки по мелочамъ, того ведутъ въ лавки — клѣти, гдѣ выставлены товары для розничной продажи. Въ клѣтяхъ продаются пиво, вино, медъ — мелкими мѣрами, а перчатки — парами, крашеная пряжа — фунтами, полотна и грубыя сукна — отрѣзами, иголки — дюжинами и сотнями, сѣра — гривенками, четки — полусотнями, сафьянъ — фунтами, пергаменъ — полусотнями. Кто явился для оптовой торговли, того направляютъ въ гридницу, гдѣ разложены сорокà мѣховъ, свертки полотенъ и суконъ разныхъ сортовъ.

Подлѣ лавокъ и гридницы съ образцами — амбары-склады, жилища купцовъ и прикащиковъ, мельница, пивоварня, а посрединѣ двора — большой домъ, куда собираются всѣ на совѣтъ, который вѣдаетъ всѣ важнѣйшія дѣла конторы и издаетъ для нея постановленія. Въ этомъ домѣ дважды въ году, одинъ разъ для лѣтнихъ гостей, другой разъ для зимнихъ, читаютъ

находятся направо за Псковскимъ дворомъ, часть котораго выглядываютъ изъ-за стѣны у праваго края картины.

1) Боязнь нападеній и пожара была очень сильна. Въ предупрежденіе пожара для наблюденія за огнемъ назначались особые надсмотрщики и запрещено было ходить въ церковь съ огнемъ, спать, не загасивши его. Подъ страхомъ наказанія запрещалось носить ключъ отъ церкви открытымъ, чтобы его не увидѣли. Около двора новгородцы не могли собираться играть въ свайку и строить зданій.

2) На самый алтарь ничего не позволялось ставить: за оскверненіе алтаря — штрафъ — 1 марка. Штрафъ налагается на всякаго, кто до воскресенія не позаботится перетаскать свой товаръ и размѣстить по стѣнамъ и подъ сводами, и тѣмъ затруднить воскресное богослуженіе.

скры или правды, содержащія въ себѣ правила и указанія для нѣмецкихъ купцовъ[1]). Тамъ же разбираются дѣла о столкновеніяхъ и неповиновеніи должностнымъ лицамъ и судятъ дѣла о воровствѣ.

Созываетъ совѣтъ, управляетъ дворомъ, судитъ, слѣдитъ за порядкомъ выборный старшина. Ему помогаютъ совѣтники, онъ же входитъ во всѣ дѣла и сношенія нѣмцевъ съ русскими.

Такихъ сношеній дѣлъ, и притомъ серьезныхъ, не мало, часты раздоры и ссоры, выростающія на почвѣ притѣсненій и злоупотребленій въ торговлѣ, которыя обычны одинаково какъ у нѣмцевъ, такъ и у русскихъ купцовъ. Ни у тѣхъ, ни у другихъ нѣтъ сознанія, что выгоды продавцовъ тѣсно связаны съ выгодами покупателей, нѣтъ глубокаго сознанія, что торговлю нужно вести безъ обмана.

Не рѣдки обманы со стороны нѣмецкихъ торговцевъ при продажѣ суконъ. То обертка кипы сукна, служащая образцомъ для покупателя, не соотвѣтствуетъ тому, что положено въ ней; то поставы[2]) короче установленной мѣры; то сукна поддѣльныя низшаго сорта, а цѣны высокія.

Не обходятся безъ обмана нѣмцы при продажѣ меда, пива, сельдей и соли. Бочки съ пивомъ и медомъ не всегда обычной величины; не всегда онѣ наполнены до краевъ; бываетъ вино, разбавленное водой. Въ бочки сельдей сверху кладутъ лучшую рыбу, а внизу — негодную, мелкую, безголовую. Мѣшки съ солью не имѣютъ законнаго вѣса.

На обманы нѣмцевъ и русскіе отвѣчаютъ обманомъ. Не прочь они примѣшать къ кругамъ воска подсаду изъ смолы, сала, песку, тертыхъ желудей и гороха, для увеличенія объема и вѣса они не прочь наложить кирпичей и камней[3]). При

---

[1]) Ганзейская кампанія однако не всегда держалась этихъ правилъ. Находилися лица, считавшія эти правила обременительными и потому желавшія ихъ обойти. Мало помогала и присяга, которую отбирали у каждаго пріѣзжаго, что онъ будетъ безпрекословно исполнять всѣ правила двора. Частные интересы и личный расчетъ брали часто верхъ.

[2]) Кусокъ сукна.

[3]) Въ 1416 году въ кускѣ воску былъ найденъ булыжникъ съ привязанными къ нему мочалою двумя кирпичами, которые вмѣстѣ вѣсили 76½ фунтовъ.

продажѣ мѣховъ русскій торговецъ не постѣсняется подсунуть поддѣльную шкуру, состриженную или ощипанную [1]),

Нельзя сказать, чтобы эти обманы поощрялись: съ ними борются, придумываютъ для противодѣйствія имъ мѣры и нѣмцы и новгородцы.

Съ одной стороны нѣмецкая контора при всякомъ протестѣ со стороны русскихъ требуетъ, чтобы былъ усиленъ надзоръ за товарами до поступленія ихъ въ продажу. Она пишетъ настойчиво купцамъ, чтобы они осмотрительнѣе были въ покупкѣ суконъ на мѣстѣ, заводитъ у себя во дворѣ особыхъ надзирателей или браковщиковъ и въ случаѣ обнаруженія злоупотребленій въ сукнахъ налагаетъ на виновника пеню въ 10 марокъ серебра, а сукно отбираетъ въ пользу двора.

Съ другой стороны, чтобы имѣть законнаго свидѣтеля на судѣ на случай судебнаго разбирательства, контора никому не разрѣшаетъ выходить на куплю одному или въ сопровожденіи брата, компаньона или прикащика, а непремѣнно съ посторроннимъ лицомъ. Для предупрежденія возни и потерь ни одинъ ганзейскій купецъ не долженъ выдавать плату прежде, нежели весь купленный товаръ будетъ доставленъ новгородцемъ на дворъ, не долженъ давать своихъ товаровъ нѣмецъ на осмотръ новгородцамъ домой, ни отрѣзывать отъ нихъ образчиковъ. Безусловно запрещается брать у русскихъ товаръ въ кредитъ: кто поступитъ противъ этого, платитъ со 100 марокъ цѣны товара 10 марокъ въ казну св. Петра. Въ торговлѣ воскомъ нѣмцы ставятъ требованіе, чтобы круги воска осматривались особыми браковщиками-надзирателями, чтобы тѣ имѣли право колупать воскъ, т.-е. отламывать кусокъ для сужденія по немъ о достоинствѣ воска: если воскъ доброкачественъ, то старшина св. Петра долженъ прикладывать печать.

Новгородцы даютъ свое согласіе на колупанье. Но когда браковщики-нѣмцы изъ этого сдѣлали новое злоупотребленіе. стали отламывать уже слишкомъ большіе куски и обращать ихъ въ свою пользу, тогда новгородцы требуютъ, чтобы нѣмцы

---

[1]) Волосъ шелъ на приготовленіе шапокъ.

колупали немного и отколупленное отдавали владѣльцу. Нѣмцы на это не соглашаются и отказываются совсѣмъ покупать воскъ, если новгородцы не заведутъ для воску собственной печати и не примутъ отвѣтственности за качество воска на себя. А на это не согласны, въ свою очередь, новгородцы.

Идетъ борьба съ обманомъ и въ мѣховой торговлѣ. Въ виду случаевъ подсовыванія однихъ мѣховъ вмѣсто другихъ, нѣмцы требуютъ не только осмотра мѣховъ на нѣмецкомъ дворѣ, но и намета, т.-е. наддачи, которую обязанъ сдѣлать продавецъ сообразно съ размѣромъ сдѣлки. Отъ этого русскіе не отказываются, но только желаютъ, чтобы нѣмцы не слишкомъ много осматривали мѣха и не требовали бы слишкомъ большого намета. Но, когда новгородцы, которымъ надоѣло терпѣть обманъ, требуютъ сукна къ себѣ въ домъ для просмотра, нѣмцы этому противятся. Когда же новгородцы стали мѣрять сукна и по примѣру нѣмцевъ требовать намета, то нѣмцы отказываютъ имъ и въ этомъ.

Не лучше дѣло и съ солью. Новгородцы уже давно недовольны, что соляные мѣшки нѣмцевъ не имѣютъ узаконеннаго вѣса[1]). Нѣмцы отшучиваются, отвѣчаютъ, что, вѣроятно, соль въ пути отсырѣла и растаяла: „извѣстное дѣло, что взятое отъ воды въ воду и обращается“.

Особенно сильно возмущаетъ новгородцевъ, что нѣмцы не желаютъ однородныхъ условій продажи и купли, что у себя нѣмцы относятся къ дѣлу иначе, чѣмъ новгородцы. „Мы въ своемъ городѣ, говорятъ они, прямимъ, принимаемъ не иначе какъ сполна, но за то и даемъ сполна. Вы-же — нѣтъ; вы — издавна наши воры и грабители; вы берете въ Ревелѣ за ластъ[2]) 15 мѣшковъ соли, а здѣсь даете только 12; точно также вы берете у себя дома за ластъ 13 бочекъ меду, а здѣсь въ Новгородѣ даете только 12“. Потерявъ терпѣніе, новгородцы

---

[1]) Нормальный вѣсъ бочки для меду и мѣшка для соли былъ 10 пудовъ. Въ началѣ XV вѣка мѣшки соли сократились до 8 пудовъ, медовыя бочки до $9^{3}/_{12}$ пуда, а въ срединѣ XV вѣка первыя дошли до 7 пудовъ, вторыя до 9 пудовъ.

[2]) Мѣра вѣса.

переносятъ дѣло на вѣче и рѣшаютъ тамъ покупать у нѣмцевъ соль только на вѣсъ, а медъ — полными до втулокъ бочками, и со всякаго, кто осмѣлится покупать соль и медъ у нѣмцевъ иначе, брать пеню въ 50 гривенъ серебра. Для приведенія этого въ исполненіе они постановляютъ завести для взвѣшиванія соли особые вѣсы — большой безмѣнъ, соляной берковецъ. Но нѣмцы рѣшительно не согласны на это. Введеніе провѣса налагаетъ на нихъ лишніе платежи. До сихъ поръ нѣмцы при торговлѣ солью не платили никакихъ пошлинъ, съ введеніемъ же провѣса на нихъ падаютъ въ видѣ пошлинъ расходы по содержанію вѣсцовъ.

Постоянно то тамъ, то здѣсь по различнымъ спорнымъ вопросамъ возникаютъ дѣла.

Вотъ и сейчасъ на набережной есть дѣло, которое должны разобрать нѣмецкія и новгородскія власти: во время пути въ Новгородъ у нѣмцевъ съ новгородцами вышли недоразумѣнія.

Сравнительно благополучно нѣмецкіе купцы, совершивъ долгій путь по Балтійскому морю, добрались до Солоного моря[1]). У устьевъ Ижоры[2]) ихъ встрѣтило много новгородскихъ лодочниковъ. Но обиліе лодокъ не понизило цѣнъ, такъ какъ лодочники устроили стачку. Видя, что всѣмъ не хватаетъ клади, они согласились, что всякій получившій кладь долженъ дать отступного другимъ, и они запросили высокую цѣну, чтобы не только окупить провозъ, но и возмѣстить условленную всѣмъ плату. Послѣ долгихъ споровъ столковались купцы съ новгородцемъ Кузьмою Царьковымъ [3]). Перегрузивъ товары съ своихъ коггъ[4]) на его суда, нѣмцы двинулись

---

[1]) Такъ назывался Финскій заливъ.

[2]) Ижора — лѣвый притокъ Невы.

[3]) Лѣтніе гости платили съ каждой лодки 4 хлѣба да чашку масла, или деньгами 2 куны за хлѣбъ, а за масло 3 мордки. За ладью, разбившуюся у пороговъ, нѣмецкій гость не отвѣчалъ, а только платилъ за нее наемную плату, лоцманъ же не отвѣчаетъ за товаръ. Лоцмана и лодочники составляли товарищества - артели съ старостою во главѣ, который и служилъ посредникомъ между артелью и нѣмецкими купцами. Не смотря на установленную плату, лоцманъ и лодочники въ пути поднимали цѣну.

[4]) Когга — большое морское судно, вмѣщавшее кромѣ экипажа человѣкъ 100 и 20 лошадей и одно стѣнобитное орудіе. Когги могли проходить по Невѣ и Ладожскому озеру и самое большее по нижнему теченію Волхова, далѣе неизбѣжна была перегрузка.

въ путь. Но на пути они вспомнили, что Кузьма записанъ на ихъ родинѣ на вѣсы. Дѣло въ томъ, что при постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ между русскими и нѣмцами не рѣдки нарушенія интересовъ тѣхъ или другихъ. Иногда нѣмцы тѣснятъ русскихъ, иногда русскіе отказываются платить долги или неправильно берутъ деньги. Такія нарушенія и неблаговидные поступки разсматриваетъ тысяцкій во дворѣ св. Ивана. Но не всегда есть для этого достаточно данныхъ, и въ такихъ случаяхъ нѣмцы ограничиваются тѣмъ, что понуждаютъ извѣстное лицо къ возмѣщенію причиненныхъ убытковъ, прибивая имя совершившаго неблаговидный поступокъ на лѣстницѣ Нѣмецкаго двора и сообщая объ этомъ своимъ собратьямъ въ ганзейскіе города. Тамъ его имя заносятъ на вѣсы. Слѣдствія такого донесенія для новгородцевъ довольно непріятны. Если этотъ новгородецъ — купецъ, то для него закрывается доступъ на Нѣмецкій дворъ и ему воспрещается торговля во всѣхъ городахъ Ганзы. Если онъ — содержатель лодокъ, перевозящихъ по рѣчному пути нѣмецкіе товары, то онъ лишается права перевоза до тѣхъ поръ, пока не удовлетворитъ требованія нѣмцевъ или такъ или иначе незагладитъ своей вины.

Вспомнивъ, что Кузьма Царьковъ записанъ на вѣсы, нѣмцы стали вдругъ требовать, чтобы товары ихъ были выгружены. Кузьма отказался и просилъ объяснить, почему нѣмцы не хотятъ съ нимъ ѣхать. Вмѣсто объясненія купцы пошли и выгрузили товары сами и отправились на новыхъ ладьяхъ въ дальнѣйшій путь.

Такъ какъ всѣ споры гостей съ новгородцами, возникающіе въ пути, разбираются въ Новгородѣ, то и предстоитъ теперь цѣлое дѣло. Въ виду того, что въ сношеніе съ новгородскими властями могутъ вступать только власти конторы, а не отдѣльныя лица, то теперь старшина и совѣтники и обращаются къ тысяцкому. Важно, сановито стоитъ тысяцкій, а около него — приставъ и иваньскіе старосты. Солидно съ сознаніемъ своего достоинства старшина въ синей одеждѣ и два совѣтника излагаютъ дѣло, пользуясь содѣйствіемъ стоящаго рядомъ переводчика. Они повѣствуютъ, какъ все произошло, и объяс-

Цѣна 1 р. 45 к.